

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Ошищепков Сергей Александрович

**МОНАРХИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность: 5.6.1. Отечественная история

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Самохин Константин Владимирович

Тамбов 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. Консервативно-монархические настроения в общественном сознании населения Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков: динамика и ее факторы.....	28
1.1 Верховная власть и политическое сознание населения российской провинции в начале XX века (на примере Тамбовской губернии).....	28
1.2 Влияние русско-японской войны на устойчивость консервативно-монархического сегмента общественного сознания населения Тамбовской губернии.....	47
1.3 Монархические настроения в общественном сознании населения Тамбовской губернии в годы Первой русской революции.....	70
Глава II. Монархическая идея и ее объективация в практиках регионального политического процесса в начале XX века.....	93
2.1 Правомонархические политические объединения в социально-политическом рельефе Тамбовской губернии в 1905-1914 гг.....	93
2.2 Политика губернской власти по формированию и поддержанию монархических настроений: содержание административных практик и проблема их эффективности.....	132
2.3 Празднование трехсотлетия династии Романовых как инструмент актуализации монархических настроений в Тамбовской губернии.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	182
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	190
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	210

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Тематика, избранная нами для разработки в рамках настоящего диссертационного исследования, представляется актуальной и востребованной из-за целого ряда обстоятельств социально-политического, культурного и доктринального свойства.

Вследствие совокупного действия многих факторов природно-климатического, пространственно-географического, социально-экономического, социокультурного, военно-политического характера одним из наиболее значимых содержательных элементов общественно-политического сознания российского социума явилась идея, концепт самодостаточности, самодовлеющего значения публичной власти и такой её формы как государство. При этом последнее рассматривалось, скорее, не в контексте некой совокупности рационально организованных политических институтов, а сквозь призму личности того человека, который это самое государство и олицетворял. Иными словами, проекция государственно-правовых порядков в политическом сознании социума отличалась довольно высокой степенью их персонализации. Адекватной политической формой, одновременно эту особенность и выражающей, и подпитывающейся ею, стала модель российской абсолютной монархии, известной как самодержавие. Устойчивость и жизнеспособность данной политической модели основывались на протяжении довольно значительного исторического периода, среди прочего, на целом ряде иррациональных факторов, одним из которых являлась имеющая традиционные и харизматические основания легитимация публичной власти именно через личность ее носителя.

Конечно, подобная авторитарность политического сознания и мышления уже не является абсолютной доминантой в современном высокоурбанизированном обществе, однако она и не исчезла вовсе как феномен, как не исчез и присущий им

этатизм. Более того, они получили и определенную политическую институционализацию в виде Конституции Российской Федерации 1993 г., поправок к ней 2020 г., закрепивших в России политико-юридические основы для сохранения и воспроизводства формы правления, отличающейся максимальной концентрацией властных полномочий в руках главы государства. Более того, в современном политологическом и конституционно-правовом дискурсах всё более отчётливо проявляет себя консервативные по своему характеру установки на укрепление традиционных социальных институтов, централизацию системы государственного управления.

В данном контексте особый прикладной интерес вызывает исследование взаимодействия и взаимообусловленности следующих феноменов: состояния и динамики общественно-политического сознания социума в начале XX века, воздействующих на него факторов внешней среды – социально-политических, военно-политических, экономических и культурных, а также усилий государства по обеспечению устойчивости политического строя, осуществлению политико-идеологического контроля, обеспечивающего лояльность населения по отношению к верховной власти. Безусловно, современный российский социум существует в иной социально-политической среде, нежели чем это было в начале XX века, однако упомянутая преемственность политических традиций, стереотипов политического сознания, восприятия и осмысления политических явлений и процессов говорит в пользу, как минимум, полезности изучения соответствующего исторического опыта. Как максимум, анализ факторов и трендов динамики политического сознания социума, усилий государства по приданию данному процессу требуемой направленности, их результативности представляется востребованным в свете существующих вызовов устойчивости наличествующих политической системы и строя, принимая во внимание сохраняющийся персонализм в восприятии высшей власти значительной частью современного российского общества.

Нельзя не отметить, что монархия как форма правления длительный период определяла основы российской государственности. При этом она занимала

существенное место в менталитете русского народа, определяя не только систему политического управления, но и социальные практики, имевшие место в повседневной жизни россиян. Изучение монархических представлений населения Российского государства, а также их динамики позволяет уточнить не только определенные аспекты развития России в историческом плане, но и выявить современные мировоззренческие ориентации российского народа с учетом роста популярности монархических настроений начиная с 90-х гг. XX века.

Объектом исследования являются состояние и динамика консервативно-монархических настроений жителей российской аграрной провинции в начале XX века.

Предметом исследования стали формы объективации консервативно-самодержавных настроений различных социальных групп населения Тамбовской губернии, факторы, обуславливавшие их динамику, деятельность правоконсервативных монархических организаций, чиновно-бюрократического аппарата по формированию и поддержанию монархических настроений.

Хронологические рамки исследования. Временной диапазон научного анализа объекта и предмета исследования в рамках диссертации охватывает период с 1900 до 1914 г. Его выбор обусловлен рядом соображений. Во-первых, определение начальных временных рамок именно 1900 г. обусловлено тем, что он стал отправной точкой довольно острого и глубокого социально-экономического, а затем и политического кризиса, охватившего Российскую империю в начале XX века. Он оказал существенное влияние на динамику общественно-политических настроений, явившись, во многом, одним из импульсов к десакрализации и делегитимации института самодержавной власти в России. Во-вторых, выбор в качестве финальных хронологических рамок диссертации начала Первой мировой войны, что последняя выступила сама по себе самостоятельным фактором полной маргинализации консервативно-монархического сегмента политического сознания российского социума. А это являлось довольно радикальным разрывом с предшествующими тенденциями социально-политического развития страны и качественным сломом сложившихся в период существования режима так

называемой думской монархии трендов развития общественно-политических настроений. Роль Первой мировой войны в столь резкой эрозии консервативно-монархических общественных настроений, на наш взгляд, нуждается в отдельной разработке в рамках самостоятельного диссертационного исследования.

Географические рамки исследования. Пространственная локализация настоящей диссертационной работы определялась с учетом того обстоятельства, что Тамбовская губерния являлась в исследуемый период довольно однородным в социальном и экономическом плане регионом с преобладанием крестьянства в структуре населения, аграрного производства в структуре экономики, слабо выраженной ролью городов как центров промышленного производства. Такого рода экономические и социальные условия были характерны для целого ряда земледельческих регионов Центрального Черноземья, Поволжья, Украины и некоторых центральных губерний Европейской части Российской империи. Это обстоятельство дает нам основание утверждать потенциальную возможность экстраполяции выводов и наблюдений о факторах и динамике консервативно-монархического тренда в общественном сознании исследуемого региона на территориальный уровень, простирающийся шире, нежели его границы в начале XX века.

Степень разработанности темы. Теоретическое изучение и обоснование института самодержавия как единственно приемлемой формы правления в России под влиянием народничества и возникавших в обществе дискуссий о возможности введения конституционной монархии приобрело новый этап со второй половины XIX века. Важной особенностью появлявшихся работ этого периода было исследование взаимодействия верховной власти и народа, исторической ретроспективы отношения населения империи к самодержавию, объяснение исконной монархичности русских людей.

Представитель позднего славянофильства Н. Я. Данилевский рассматривал самодержавный строй как выражение воли народа, связанной с его политическими

воззрениями, в тоже время, отмечая ее инертность¹. Он же считал, что «европейничанье» и идеи конституционализма противоречат нравственному характеру русского народа и сложившемуся культурно-историческому типу². М. Н. Катков отмечал патриотичность, преданность престолу и единство народа с царем как составляющие устойчивость монархии при безусловной божественной освященности этого союза³.

Убежденный консерватор К. П. Победоносцев, защищая традиционные идеалы народа, считал самодержавие исторически обусловленным государственным управлением, которому подчинялись массы со всеми своими потребностями и вожделениями, единственным мерилom правды против произвола⁴. К. Н. Леонтьев к основам современного общества причислял самодержавие и православие, а сближение с Европой расценивал как шаг, за которым последует исчезновение России⁵. В философской интерпретации идея государственности В. С. Соловьева рассматривалась в качестве сознания русского народа. В этой конструкции царь являлся носителем духовного идеала⁶.

Историческая концепция становления самодержавия изучалась А. А. Зандером через призму народного представления, что верховный правитель в своем лице олицетворял само государство⁷. По мнению философа В. В. Розанова, монархическая власть в народной душе концентрировала смысл истории, представлялась безмерной и священной⁸.

¹ Данилевский Н. Я. Несколько слов по поводу конституционных вожделений нашей «либеральной прессы». Московские ведомости. 1881. 20 мая // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1890. С. 223-224.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Н. Страхов, 1895. С. 537.

³ Катков М. Н. О самодержавии и конституции. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1905. С. 16.

⁴ Победоносцев К. П. Церковь // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 399.

⁵ Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Эксмо, 1993. 576 с.

⁶ Соловьев В. С. Публичная лекция, читанная профессором Соловьевым в Кредитном обществе // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 41.

⁷ Зандер А. А. Исторический очерк развития самодержавной верховной власти в России. Вильно: Типо-лит. Р. И. Тасьмана, 1908. С. 1.

⁸ Розанов В. В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. С. 48.

Публицист Н. И. Черняев, доказывая неизбежность установления самодержавия в России, обосновывал это политическими идеалами нации, зиждущимися на потребностях в твердой и неограниченной власти⁹. Им же отстаивалась идея автократической, абсолютной монархии¹⁰.

Д. А. Хомяков, разделяя идею соборности, воспринимал православие как подлинное самодержавие, олицетворявшее волю народа, и призывал признать нравственную ответственность власти¹¹.

В связи с принятием Манифеста 17 октября 1905 г., которое привело к изменению политического строя, от державников потребовалось переосмысление нового положения самодержавия и его адаптация к измененным формам существования в русле официальной идеологии. В. М. Гессеном в историческом контексте анализировалась кодификация верховной власти¹², последующие законодательные акты после Манифеста, влиявшие на определение самодержавия, оценивались В. Нечаевым и Б. Б. Глинским¹³. Юридические новеллы государственного устройства и управления рассматривались правоведами В. М. Грибовским, Н. О. Куплеваским и Н. А. Захаровым¹⁴. При этом Н. А. Захаров подчеркивал, что из народного сознания понятие самодержавия не исчезло, а лишь приобрело видоизмененную форму¹⁵.

⁹ Черняев Н. И. О русском самодержавии. М.: Унив. тип., 1895. С. 12.

¹⁰ Черняев Н. А. Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Харьков: Типография «Южного края», 1901. С. 1, 35, 39.

¹¹ Хомяков. Д. А. Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия). М.: Типо-литография т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о», 1903. С. 9, 46.

¹² Гессен В. Самодержавие и манифест 17 октября // Полярная звезда. 1906. № 9. С. 623-634.

¹³ Нечаев В. Еще несколько слов о самодержавии и манифесте 17 октября // Полярная звезда. 1906. № 11. С. 779-786; Глинский Б. Б. К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации основных законов в 1906 году) // Исторический Вестник. Т. СXXXI. С. 567-601.

¹⁴ Грибовский В. М. Государственное устройство Российской империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Типография «Техник», 1912. 258 с.; Куплеваский Н. О. Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование Николая II. СПб.: Всерос. нац. клуб, 1912. Вып. 1. Преобразование государственных учреждений. 20 с.; Захаров Н. А. Система русской государственной власти: юридическое исследование. Новочеркасск: электро-тип. Ф. Туникова, 1912. 312 с.

¹⁵ Захаров Н. А. Система русской государственной власти: юридическое исследование. С. 294, 298.

Либерально настроенные обществоведы, обосновывая свою позицию, утверждали, что только в рамках конституционной монархии осуществимо истинное единение между властью и народом¹⁶. Представитель «государственной школы» Б. Н. Чичерин считал, что народу интуитивно нужен был вождь. В результате защиты страны от внешней опасности возникло сильное государство, ограничивавшее свободу народа. Разросшийся бюрократический аппарат мешал эволюционному развитию государства, а абсолютизм стал его заложником, подавляя общественную инициативу¹⁷.

Приверженцы либеральных взглядов, ставя под сомнение наличие какой-либо духовной связи между верховной властью и народом, квалифицировали самодержавие как «русскую разновидность европейского абсолютизма». Они подчеркивали, что такая форма правления не учитывает интересов и потребностей народа. В противовес этому, они выступали за «самодержавие народа» или конституционную монархию, где власть была бы ограничена и подотчетна народу, что, по их мнению, способствовало бы более справедливому и гармоничному развитию общества¹⁸.

Представители социалистического лагеря также не остались в стороне от изучаемой темы. А. Н. Потресов характеризовал отношение к самодержавию населением после 1881 г. идеологией усталого равнодушия и общественным индифферентизмом¹⁹. По мнению Г. В. Плеханова, полное подчинение русского народа интересам государства произошло вследствие вынужденных исторических

¹⁶ Кох Г. Очерки по истории политических идей и государственного управления. Т. I. Ч. 1-2. СПб.-М.: Издание С. Скимунта, 1892. 403 с.; Слонимский Л. З. О монархии. СПб.: Полит. энциклопедия, 1907. 89 с.; Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб.: издательство «Жизнь и знание», 1910. 175 с.

¹⁷ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: типография Товарищества И. Д. Сытина, 1899. 810 с.; Его же. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Издательство: Гуго Штейниц, 1901. 160 с.; Его же. Вопросы политики. М.: типо-литографии т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1903. 170 с.

¹⁸ Линский Б. Голос и воля народа в государстве. СПб.: О. С. Иодко, 1906. 32 с.; Ксюнин А. Л. Что такое Государственная дума? Конституционная монархия. Права и обязанности народных представителей. Выборы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. С. 6.

¹⁹ Потресов А. Н. Эволюция общественной мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1 С. 53; Его же. Этюды о русской интеллигенции. Сб. ст. СПб.: Издательство О.М. Поповой, 1906. С. 240.

условий выживания. Невежественные русские крестьяне являлись опорой деспотизма, разрушение общины неминуемо повлекло за собой гибель монархии²⁰. В. И. Ленин, признавая монархические иллюзии народа, преувеличивал размах революционного движения²¹.

В советской историографии по объективным причинам, обусловленным марксистско-ленинскими идеологемами, монархические настроения специально не исследовались или использовались для иллюстрации темности и забитости крестьянских и мещанских масс, одурманенных царским режимом и церковью. Тем не менее, с 1970-х гг. в контексте изучения общественно-политических процессов второй половины XIX – начала XX века появляются исследования, затрагивающие взаимоотношения самодержавия и отдельных классов²². В. С. Дякиным рассматривалось взаимодействие между существующим политическим режимом и господствующими классами. Он подчеркивал, что самодержавие стремилось поддерживать свою легитимность и стабильность, опираясь на дворян, купечество и другие элиты, используя предоставление привилегий и льгот. В свою очередь, господствующие классы, осознавая свою зависимость от власти, часто проявляли лояльность к самодержавию²³.

В. Я. Лаверычев исследовал противоречия между царским правительством и рабочим классом, акцентируя внимание на социальных, экономических и политических аспектах этих отношений. Он подчеркивал, что с ростом индустриализации и увеличением числа рабочих возникали новые требования к власти, включая улучшение условий труда, повышение заработной платы и защиту их прав²⁴. Описывая историю монархического движения, А. М. Давидович в русле советской идеологии настаивал на том, что крестьянство не являлось массовой

²⁰ Плеханов Г. В. История русской общественной мысли (Книга первая). Ч. 1. Введение. Очерк развития русских общественных отношений // Плеханов Г. В. Сочинения. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Т. XX. С. 94.

²¹ Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 339-353.

²² Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 442 с.

²³ Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1914 гг. Л.: Наука, 1978. 246 с.

²⁴ Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.). М.: Мысль, 1972. 342 с.

социальной опорой самодержавия²⁵. Напротив, даже сторонник «нового направления» А. Я. Аврех, исследуя причины, приведшие империю к революционным потрясениям, пришел к выводу, что в крестьянской среде царизм трактовался с позиций божественного происхождения власти²⁶. Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, анализируя альтернативы развития государственности в связи с проведением реформ после Манифеста 17 октября, пришли к выводу о кризисе патерналистской консервативной идеологии в начале XX века²⁷. По утверждению Н. Я. Эйдельмана вера в царя исторически была присуща русскому народу, сливаясь с верой в бога, но власть не смогла в должной мере этим воспользоваться, опоздав с «революцией сверху»²⁸.

С последнего десятилетия XX века получила переоценку тема монархического движения: социальный состав, программы, направления деятельности. С. А. Степанов отстаивал народность и демократический вектор правомонархических объединений, возникших в результате национального движения на окраинах империи²⁹.

И. В. Омелянчук, изучая генезис и эволюцию черносотенного движения, его роль и место в общественно-политической жизни в Российской империи, пришел к выводу, что раскол консервативно-монархических организаций был спровоцирован правительством, которое после поражения революции и установления третьеиюньской политической системы не нуждалось в союзе с правыми партиями³⁰.

²⁵ Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М.: Наука, 1975. С. 67-76.

²⁶ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. С. 9.

²⁷ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905-1907 годы // История СССР. 1991. № 2. С. 96-106.

²⁸ Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. С. 60, 169.

²⁹ Степанов С. А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М.: Изд-во ВЗПИ: АО «Росвузнаука», 1992. 329 с.

³⁰ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901-1914 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2006. 48 с.

Следует отметить работы, посвященные непосредственно идеям монархизма и их восприятия в массовом сознании конца XIX – начала XX века. Прежде всего, в данном ключе необходимо выделить диссертационное исследование Г. Л. Лобачевой, проследившей рост антагонизма между властью и обществом в начале XX века, особенно в период Первой русской революции, когда происходила демифологизация и десакрализация прежних установок о верховной власти³¹. А. К. Карабут были выявлены этапы девальвации монархического идеала в условиях нарастания кризиса российской государственности, а также восприятие монархических идей различными группами населения³².

Содержание объекта и предмета исследования, особенности его географических рамок закономерно расширяли теоретическую базу настоящей диссертации за счет включения в нее работ, реализующих историко-антропологический подход к анализу мировоззрения, значимых в социально-экономическом и политическом контекстах поведенческих установок и практик такой доминирующей в структуре населения России, как крестьянство во второй половине XIX – начале XX века. Большое значение для понимания факторов распространенности и устойчивости монархической доминанты в общественно-политическом сознании и поведении российского крестьянства имеют исследования А. В. Буганова³³, в которых образ монарха рассматривался не только как основа крестьянского мировоззрения, но и как наиболее весомый элемент исторической памяти крестьянства, оказывающий весомое воздействие на формирование его национально-культурной идентичности на рубеже XIX–XX веков. Идеализированный образ самодержца в качестве неотъемлемого

³¹ Лобачева Г. Л. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881 – 1917 годы): дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1999. С. 8.

³² Карабут А. К. Монархические настроения населения России на рубеже XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. С. 30-31.

³³ Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. 207 с.; Буганов А. В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идёт Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: Московская высш. шк. соц. и экон. наук, 2002. С. 253-260.; Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М.: Принципиум, 2013. 295 с.

функционального элемента иерархически организованного социального мироустройства в массовом сознании крестьян анализируется в работах пензенского исследователя О. А. Суховой³⁴. На основе изучения источникового материала, относящегося к региону Среднего Поволжья, она приходит к выводу о том, что сакрализация фигуры монарха во многом основывалась на условиях социокультурного бытия данной социальной группы, его повседневности, характеризующейся циклическим воспроизводством «аграрной обрядовости». Эрозия монархических настроений, десакрализация и негативизация образа носителя верховной власти рассматриваются ею как результат рефлексии обернувшихся масштабным социально-политическим и экономическим кризисом модернизационных процессов с позиций традиционной крестьянской этики – рассогласования в крестьянском сознании социального идеала монархической власти с ее наличным образом.

Факторы укорененности монархических настроений в среде российского крестьянства стали предметом особого интереса в зарубежной историографии социально-политической истории России на рубеже XIX–XX веков. Устойчивые монархические иллюзии значительной части населения страны расценивались в контексте присутствия в массовом сознании народа мифа о «царе-избавителе», «царе-батюшке». Так, один из крупнейших зарубежных специалистов по истории российских революций Ричард Пайпс, обращавшийся к анализу зарождения и развития российского консерватизма, усматривал истоки данного мифа в патримониальном характере существовавшего в России политического режима. Представления о нерасчлененности личности монарха и самого института государства гармонично сочетались со взглядами основной массы крестьянства,

³⁴ Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902-1922 гг.: по материалам Среднего Поволжья: дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2007. С. 341-382; Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 183-203.

видевшего в монархе прежде всего полновластного хозяина страны, единственно способного удовлетворить их наиболее насущную потребность в земле³⁵.

В работах американского историка Дэниэла Филда³⁶ формирование «культы царя» представляется как закономерный итог действия факторов идеологического, социально-психологического и политического свойства: культивируемых в православной религиозной традиции представлений о монархе и Боге как об однопорядковых явлениях, уподоблении в данном контексте «царской милости» предстоящему небесному воздаянию за праведную жизнь; локальным характером мышления и мироощущения крестьян, когда монархическая власть виделась им частью того мира повседневного социального взаимодействия, в котором они существовали; наконец, соответствием некоторых начинаний верховной власти глубинным интересам народа. Вместе с тем, исследователем на основе изучения предпосылок и характера крестьянских выступлений в пореформенное время обращается внимание на то обстоятельство, что замешанный на иррациональных мотивах наивный монархизм крестьянства нередко выступал одной из главных причин вовлечения его в действия протестного характера.

Органическая принадлежность монархическому мифу в сознании народных масс некоторой доли практицизма, прагматизма акцентируется и другими зарубежными специалистами. Прочная уверенность крестьян в наличии у верховной власти обязанности воплотить их представления о справедливости в существующую действительность вплетала проявления так называемого «наивного монархизма», преданности самодержцу и в проявления неповиновения властям, социального протеста. Именно отсутствие прямой и непосредственной связи между образом монарха и действующей системой государственного управления в крестьянском сознании в работах американских историков Джерома

³⁵ Пайпе Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 227-228.

³⁶ Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston: Unwin Hyman, 1989. 220 p.; Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы междунар. коллоквиума историков. СПб.: Наука, 1992. С. 67-79.

Блума³⁷ и Пола Аврича³⁸ расценивалось как обстоятельство, определяющее характер антиправительственных выступлений крестьян и снимающее видимое противоречие между прочным монархизмом сельского населения и его вовлеченностью в социальный протест. Ограниченность форм, целей крестьянского протеста в пореформенный период, отсутствие, по большей части, в нем антимонархического и даже антиправительственного начала констатируется и британским исследователем традиционного крестьянского общества Дэвидом Муном³⁹. Американский социолог Роберт Редфилд⁴⁰ и также обращавшийся к проблемам исторической антропологии британский историк Эрик Хобсбаум⁴¹ склонны были трактовать прагматический аспект проявляемого крестьянами «наивного монархизма» в ходе социальных выступлений и в качестве некоего защитного механизма, как оправдывающего их в собственных глазах, так и в какой-то мере страхующего от применения чрезвычайно жестких санкций со стороны верховной власти.

Актуальной проблемой для зарубежных исследователей, непосредственно или косвенно затрагивавших проблемы устойчивости монархического сегмента общественного сознания в дореволюционной России, являлось нахождение исходной точки, определившей необратимость его эрозии и разложения. Американский русист Марк Раев, исследовавший основные этапы взаимодействия государства и общества в Российской империи, в общем-то, вторил уже сложившимся в рамках советской историографии выводам об утрате монархических иллюзий широкими слоями населения в ходе русско-японской

³⁷ Blum J. *Lord and peasant in Russia, from the ninth to the nineteenth century*. Princeton, N. J.: Princeton univ. press., 1963. 656 p.

³⁸ Avrich P. *Russian rebels, 1600-1800*. New York: Schocken books, Cop. 1972. 309 p.

³⁹ Moon D. *The Russian peasantry 1600-1930: The world the peasants made*. L.: Longman, 1999. XII. 396 p.

⁴⁰ Redfield R. *Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization*. Chicago (il): Univ. of Chicago press, 1956. 162 p.

⁴¹ Hobsbawm E. *Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries*. London: Manchester Univ. Press, 1959. 208 p.; Hobsbawm E. *Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies*, 1. October, 1973. P. 3-22; Hobsbawm E. *Peasants in History: Essays in Honour of Daniel Thorner*. Oxford University Press, 1981. 334 p.

войны, вызванного ею социально-экономического и политического кризиса, событий 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге⁴². Подобной же точки зрения придерживался и Ричард Пайпс⁴³.

Один из виднейших представителей такого направления, как крестьяноведение в рамках американской русистики Теодор Шанин обращал внимание на растянутость соответствующего процесса, указывал на устойчивость промонархических чувств крестьянства даже в революционных событиях 1905-1907 гг., но одновременно в качестве индикатора начала трансформации его политических настроений рассматривал обсуждение крестьянскими представителями самой возможности альтернативных самодержавному идеалу вариантов развития социума и государства, решения стоявших в социально-политической повестке вопросов⁴⁴. Также как на индикатор довольно серьезной девальвации монархической идеи в крестьянской среде уже в 1905 г., исходя из анализа содержания петиций и приговоров крестьянских обществ, обращал внимание немецкий исследователь Дитрих Байрау⁴⁵.

Необходимо упомянуть о целом пласте работ, в которых объектом исследовательского внимания являлись вопросы содержания и эффективности административно-политических, социальных технологий и практик, применявшихся государственным аппаратом Российской империи для актуализации монархических настроений и повышения престижа самодержавия в общественно-политическом сознании населения в начале XX века. В частности, значение торжественных празднований юбилеев различных значимых событий российской истории в 1903-1913 гг. как инструмента укрепления легитимности

⁴²Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. Лондон: Overseas publ. interchange, 1990. С. 231-232.

⁴³ Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905-1917. М.: Захаров, 2005. С. 15.

⁴⁴ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. 1917-1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. С. 200-226.

⁴⁵ Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19-32.

монархического строя анализировалось К. Н. Цимбаевым⁴⁶, сделавшим вывод о том, что увлечение организаторов внешней стороной мероприятий и их излишний административный контроль явились одним из важнейших факторов провала первоначального замысла их проведения. Схожие оценки высказывались исследовавшими ход и содержание торжеств, посвященных 300-летию воцарения дома Романовых, в контексте повышения лояльности по отношению к существующему самодержавному порядку, в том числе и на провинциальном уровне, В. Ю. Карнишиным⁴⁷, В. А. Алленовой⁴⁸, А. П. Рыжовой⁴⁹. Политико-идеологическое содержание и смысл юбилейных торжеств начала XX века, их влияние на формирование образов верховной власти в глазах подданных и властной элиты затрагивались в работе американского исследователя Р. Уортмана, довольно убедительно определившего влияние масштабности, торжественности, повсеместной показательной демонстрации промонархических настроений на формирование внутривластного курса российского самодержавия в предвоенный период⁵⁰.

Деятельность в целом всего бюрократического аппарата Российской империи в данном направлении получила в зарубежной историографии консенсусную

⁴⁶ Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42-51; Цимбаев К. Н. Феномен юбилея в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108.

⁴⁷ Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 5-10.

⁴⁸ Алленова В. А. Романовские торжества 1913 года в Воронежской губернии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 5-13; Алленова В. А. Празднование 300-летия Дома Романовых в Воронеже // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13-17 мая 2013 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 256-265.

⁴⁹ Рыжова А. П. Юбилейные торжества в честь 300-летия династии Романовых в области в области Войска Донского // Новое прошлое / The new past. 2022. № 2. С. 150-166; Рыжова А. П. «Повсюду чувствовался редкий подъем патриотического чувства»: Романовские торжества в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1913 году // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 174-184; Рыжова А. П. «В общем стремлении к славянскому идеалу»: празднование 300-летия дома Романовых в царстве Польском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 18-33; Рыжова А. П. Народы «не могут не искать счастья у престола Великого Царя Русского»: романовские торжества в Эриванской и Тифлисской губерниях в 1913 г. // Журнал исторических исследований. 2019. № 3. С. 60-66.

⁵⁰ Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. С. 710-711.

оценку как ретранслятора монархических идей, инструмента управления и манипуляции общественными настроениями, эффективность которого была не очевидной⁵¹.

Отдельно мы рассмотрим близкие по тематике к нашему диссертационному исследованию труды тамбовских историков. В первую очередь обратим внимание на работы, посвященные деятельности тамбовских губернаторов, которые явно проводили правоконсервативную политику⁵².

С. А. Ильин, исследовавший становление консервативных национальных организаций в Тамбовской губернии, считал, что в условиях национальной и конфессиональной однородности, появившиеся монархические организации были реакцией на революционное движение 1905 г.⁵³. Н. А. Шарова, продолжившая изучение этой проблематики, пришла к выводу, что причиной кризиса правомонархического движения в Тамбовском крае после Первой российской революции явилась диспропорция между его активом и рядовыми членами. Верхи боялись резких перемен, а низы, уповая на патернализм власти, теряющей свой общественный авторитет, протестовали из-за ее социальной пассивности⁵⁴.

Особая роль православной церкви как института приходских священнослужителей в качестве одного из основных коммуникационных каналов взаимодействия с большей частью подданных Российской империи и, как следствие, инструмента промонархической индоктринации верующих

⁵¹ Raeff M. The bureaucratic phenomena of imperial Russia, 1700-1905 // American historic review. 1979. Vol. 84. № 2. P. 399-411; McKenzie Pinther W., Rowney L. Russian officialdom. The bureaucratization of Russian Society from the 17 to the 20 century. Chapel Hill: University of North Carolina press, 1980. 396 p.

⁵² Канищев В. В. Деятельность тамбовского губернатора Н. П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906-1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. С. 137-139; Туманова А. С. Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 109-110; Ловцов В. А. Социально-профессиональный облик губернаторского корпуса периода министерства П. А. Столыпина (1906-1911 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2022. С. 205-234.

⁵³ Ильин С. А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 178 с.

⁵⁴ Шарова Н. В. Деятельность русских национальных объединений в 1907-1914 гг. (на материалах Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 224 с.

затрагивалась в работах Е. Н. Шабельниковой⁵⁵. По мнению исследователя, жесткий административно-полицейский контроль над деятельностью церкви по актуализации монархических настроений, нежелание местного административного аппарата учитывать фактор секуляризации общественной жизни стали одним из главных факторов невысокой эффективности усилий православного духовенства по воспроизводству верноподданнических чувств и настроений у прихожан.

Проблема распространенности и устойчивости монархических настроений среди жителей городов Тамбовской губернии в период революционных событий 1905-1907 гг. поднималась в диссертационном исследовании А. Н. Плужникова⁵⁶, пришедшего к выводу, что носителями консервативно-монархических настроений выступали не только так называемые «традиционные» городские слои, но даже и в существенной мере рабочие промышленных и транспортных предприятий.

С учетом степени изученности темы в качестве **цели** осуществляемого диссертационного исследования нами было избрано формирование целостного, основанного на репрезентативной источниковой базе представления об укорененности консервативно-самодержавного элемента в структуре общественных настроений населения Тамбовской губернии в 1900-1914 гг., его динамике на протяжении избранных хронологических рамок исследования.

Избранная цель вполне закономерно предопределила необходимость решения в рамках настоящей диссертационной работы следующих **задач**:

- выявить степень распространенности и устойчивости консервативно-монархических настроений среди представителей различных социальных страт населения Тамбовской губернии в начале XX века;

⁵⁵ Шабельникова Е. Н. Участие тамбовского духовенства в идеологических мероприятиях государственного масштаба в начале XX в. // Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов: Юлис, 2004; Шабельникова Е. Н. Реализация на местах государственной политики в отношении церкви и верующих во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 229 с.

⁵⁶ Плужников А.Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект): дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 299 с.

- определить влияние русско-японской войны на динамику политического сознания жителей Тамбовской губернии, эрозию его самодержавно-монархического элемента;

- проследить проявления политически значимых реакций населения губернии на события революции 1905-1907 гг., свидетельствующие о динамике монархических общественно-политических настроений в губернии в рассматриваемый период;

- выявить влияние деятельности организаций правоконсервативного толка на формирование и поддержание политической лояльности по отношению к самодержавной власти в период существования режима думской монархии, в том числе, в рамках избирательных кампаний по выборам депутатов Государственной Думы;

- изучить характер, содержание и результативность административных практик губернского чиновно-бюрократического аппарата, направленных на актуализацию и распространение консервативно-монархического тренда в общественно-политическом сознании различных социальных групп населения Тамбовской губернии в исследуемый период.

Источниковая база исследования. Источниковой основой диссертации послужили архивные документы (Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Тамбовской области (ГАТО)), опубликованные законодательные акты⁵⁷, статистические данные⁵⁸, ежегодные отчеты политических обществ⁵⁹, центральные и губернские периодические издания, нарративные источники.

⁵⁷Высочайший его императорского величества Манифест по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Утв. 21 февраля 1913 г. С прил. СПб.: Сенатская типография, 1913. 22 с.

⁵⁸Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. СПб.: акц. общ. пет. и писчебум дела «Слово», 1904. 156 с.; Сборник-календарь Тамбовской губернии за 1903 г. Гл. III. Статистический обзор Тамбовской губернии. Тамбов: Типо-лит. Губ. правл., 1903. 105 с.; Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. Тамбов: Тип. Губ. правл., 1906. 101 с.

⁵⁹Краткий очерк деятельности тамбовского союза русских людей с 1 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. Харьков, 1906. 19 с.; Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей с 1 октября 1908 г. по 1 октября 1909 г. (Четвертый год). Харьков: типография журнала «Мирный

Первоочередными и наиболее информативными являлись документы из фондов российского и регионального архивов. В ГАРФ исследовались документы Министерства внутренних дел – фонда 102 «Департамент полиции Министерства внутренних дел»: отчеты губернаторов и начальников жандармских управлений.

В ГАТО анализировались дела фонда 4 «Канцелярия Тамбовского наместника, подчин. Сенату, с 17 декабря 1796 г. Канцелярия Тамбовского губернатора, подчин. Сенату, с 8 сентября 1802 г. подчин. Министерству внутренних дел»: циркуляры Министерства внутренних дел; отчеты губернаторов о состоянии губернии; рапорты полицмейстеров и уездных исправников о политическом положении в уездах и настроениях населения; верноподданнические адреса от государственных органов, городских дум, земских управ, сельских, городских и коммерческих обществ, физических лиц; архивные материалы об организации праздников Георгиевских кавалеров, раскрывающие подробности устраиваемых торжеств (отчеты и доклады полицмейстеров, городских голов, уездных исправников); документы о подготовке и проведении торжеств в связи празднованием 300-летия Дома Романовых; дела об организациях право-монархического толка.

В фонде 272 «Тамбовское губернское жандармское управление» изучались следующие материалы: циркуляры, приказы Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции, МВД; политические обзоры губернии; рапорты и донесения о происшествиях; агентурные сведения о настроениях населения, дела об оскорблениях императора и членов августейшего семейства.

Рассматривались документы фонда 17 «Тамбовская городская управа», в частности, протоколы заседания, постановления, отчеты; фонда 24 «Тамбовское губернское по земским и городским делам присутствие». В фонде 25 «Тамбовское губернское по делам об обществах присутствие Министерства внутренних дел г.

Труд», 1909. 13 с.; Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей с 1 октября 1909 г. по 1 октября 1910 г. Харьков: типография журнала «Мирный Труд», 1910. 14 с.; Труды первого губернского съезда представителей патриотических союзов Тамбовской губернии. 28-30 декабря 1908 года. Тамбов: электро-типография губернского правления, 1909. 123 с.

Тамбов» изучались сведения, касающиеся политических партий, конкретно монархического направления, – Союза Русских Людей и Союза Русского Народа.

В работе использовались материалы периодических изданий рассматриваемого периода – центральные печатные материалы: «Церковные ведомости» (1904 г.), «Русский вестник» (1904 г.), «Русский инвалид» (1908 г.), общественно-политическое межрегиональное издание «Черноземный край» (1906 г.); губернские официальные печатные издания – «Тамбовские губернские ведомости» (1904-1905 гг.) и «Тамбовские епархиальные ведомости» (1904-1905 гг.), правое издание «Тамбовский край» (1907, 1908, 1913 гг.), либеральная «Козловская газета» (1902, 1905, 1907 гг.) и беспартийный «Тамбовский голос» (1906 г.), в которых анализировалась информация как частного характера, так и свидетельствующая о настроениях населения губернии.

Отдельным видом источников для исследования выступили, прежде всего, воспоминания Кирсановского уездного предводителя дворянства, члена Государственного Совета В. М. Андреевского⁶⁰, мемуары тамбовского губернатора Н. П. Муратова (1906-1912 гг.)⁶¹, биографические записки сына члена IV Государственной Думы от Тамбовской губернии В. М. Вакара – С. В. Вакара⁶². Они являются ценными свидетельствами по исследуемой эпохе, однако даже в данном контексте мы учитывали то обстоятельство, что это источники личного происхождения, имеющие специфические характеристики: пристрастность и тенденциозность.

В целом в источниковедческом анализе мы акцентировали внимание на учете заметной политической предвзятости всех видов документов, вышедших из правительственных и правых общественно-политических организаций.

⁶⁰ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

⁶¹ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2007. 456 с.

⁶² Вакар С. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М.: б. и., 2000. 196 с.

Выявленные сведения из источников оппозиционного происхождения оказались немногочисленными и также отличались тенденциозностью.

Научная новизна осуществленного диссертационного исследования заключается, на наш взгляд, в попытке осмыслить воздействие на динамику монархических настроений в структуре массового сознания населения Тамбовской губернии такого фактора, как применение административно-политических технологий соответствующей направленности со стороны центрального и местного административного аппарата, дать оценку их результативности. Кроме того, мы усматриваем ее в анализе состояния и динамики общественно-политического сознания такого инструментария, как количественные методы и информационные технологии в форме электронных баз данных. Новизна диссертации также проявилась во введении в научный оборот широкого круга документов о разнообразных формах воздействия государства и правомонархических организаций на настроения населения конкретной губернии.

Теоретическая значимость диссертационной работы находит свое выражение в расширении и углублении сложившихся в отечественной исторической науке представлений о движущих факторах динамики массового сознания в аграрной провинции Российской империи в начале XX века, соотношении политически стратифицированных сегментов в структуре общественных настроений ее населения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования ее основных положений в дидактических целях при преподавании учебных курсов по отечественной истории, политологии в учебных заведениях профессионального образования, подготовке учебников и учебных пособий. Отдельные ее положения могут быть интересны специалистам в области социальных и политических коммуникаций, занимающихся информационным сопровождением деятельности органов публичной власти.

Методология и методы исследования. Методологически диссертационное исследование базируется на общепринятых исторических принципах и междисциплинарных подходах. Принципы историзма и объективности

предоставляют возможность всестороннего и непредвзятого подхода к изучаемому материалу. Первый предполагает рассмотрение явлений в их хронологическом развитии и контексте изучаемого периода, что позволяет выявить причины и последствия событий, а также их взаимосвязи. Объективность гарантирует стремление к беспристрастному анализу, основанному на фактах и достоверных источниках. Основываясь на этих методах, мы попытались преодолеть устоявшиеся клише, выражавшиеся как в отрицательной оценке самодержавной власти либеральным и левыми блоками, советской историографией, так и превосходные, фиксируемые в официальной отчетной документации.

В работе используются как общие, так и специальные методы исторического познания. Генетический метод направлен на изучение происхождения и процесса развития исторических явлений, что помогает понять их эволюцию и трансформации во времени. Типологический метод позволяет классифицировать и систематизировать исторические объекты и процессы по определенным признакам с выявлением типичных моделей и закономерностей. Факторный метод направлен на выявление и анализ факторов, влияющих на развитие исторических событий, что способствует пониманию причинно-следственных связей. Совместное применение этих методов обеспечивает комплексный и глубокий анализ исторического материала, позволяя раскрыть его многогранность и динамику развития.

Для систематизации и обработки архивных данных были сформированы три электронные базы данных (БД): БД «Верноподданнические адреса. 1898-1914 гг.», БД «Адресанты верноподданнических адресов. 1902-1914 гг.» и БД «Оскорбления Его Императорского Величества и членов императорского Дома (по данным Тамбовского губернского жандармского управления за 1900-1914 гг.)». При анализе БД использовались междисциплинарные методы – метод контент-анализа и количественный метод. Применение данной методологии позволило выявить определенные закономерности, отраженные в работе в качественно-количественном отношении и в диаграммах.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие основные положения диссертационного исследования:

1. Консервативно-монархический сегмент к началу XX века доминировал в общественно-политическом сознании населения Тамбовской губернии, что предопределялось такими обстоятельствами, как преобладание крестьянства в социальной структуре населения с присущими ему ментальными особенностями восприятия верховной власти, слабость городов как промышленных центров, широкий миграционный приток выходцев из крестьянской среды в губернский и уездные центры.

2. Наиболее серьезное деформирующее воздействие устойчивости монархических настроений среди населения Тамбовской губернии было связано с поражением в русско-японской войне 1904-1905 гг., обернувшимся кризисом традиционной легитимности института самодержавного правления.

3. Несмотря на широкое участие крестьянства Тамбовской губернии в так называемых «аграрных беспорядках», в революционных событиях 1905-1907 гг. оно, по преимуществу, сохраняло лояльность верховной власти и демонстрировало веру в идеологему об общенародной сущности российского самодержавия. Индикатором устойчивости и распространенности монархических настроений среди значительной части консервативно настроенных обывателей городов Тамбовской губернии стало активное противодействие революционной пропаганде и протестным акциям учащейся молодежи.

4. Отсутствие традиций взаимодействия между административным аппаратом и общественными институтами явилось одной из наиболее существенных причин достаточно низкой эффективности деятельности черносотенных политических организаций в Тамбовской губернии по поддержанию и распространению монархических настроений. Правомонархические организации не смогли консолидировать и расширить социальную базу монархического режима в регионе.

5. Набор административно-политических технологий и практик, применяемых губернскими властями для укрепления и расширения консервативно-

монархических настроений в массовом сознании, не отличался разнообразием и сводился, по преимуществу, к инициированию подачи верноподданных адресов на имя монарха. Широкое применение при этом методов административной мобилизации, чрезмерные бюрократизация и формализм, желание в лучшем свете представить социально-политическую ситуацию в губернии заметным образом снижали эффективность такого рода усилий, девальвируя их значение в глазах адресантов соответствующих посланий на имя императора.

6. Наибольший эффект в части актуализации и распространения монархических настроений в массовом сознании населения Тамбовской имели чествования георгиевских кавалеров, поскольку представляли собой технологию, ориентированную на заранее определенную целевую группу, учитывающую ее социально-психологические особенности, предполагающую широкое вовлечение общественности в организацию соответствующих мероприятий, достаточную степень автономии исполнителей в выборе средств и инструментов достижения поставленной цели.

7. Юбилейная кампания по празднованию 300-летия восшествия на российский престол династии Романовых в Тамбовской губернии способствовала лишь довольно неустойчивому оживлению общественных настроений промонархической направленности, одновременно обнажив целый ряд серьезных проблем в усилиях управленческого аппарата по поддержанию лояльности института монархии. Он стремился, скорее, к обеспечению порядка, предупреждению ситуаций, способных дестабилизировать атмосферу празднования, нежели чем к укоренению консервативно-монархических настроений. Серьезным образом деформировало достижение цели укрепления легитимности монархии усиление политического контроля и полицейско-жандармского надзора.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история, следующим направлениям исследований: п. 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности

развития российской государственности; п. 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 7. История развития различных социальных групп России, их общественно-политической и социально-культурной жизни, а также хозяйственной деятельности; п. 9. История общественной мысли. Интеллектуальная история. Историческая имагология. История образования и образовательных институтов; 14. История политических партий и общественных движений России; п. 16. История российских революций; п. 19. История развития российского города и деревни; п. 24. История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации были представлены на одной международной научно-практической конференции (Устойчивое развитие: традиции местного самоуправления и современность (к 240-летию учреждения органов сословного дворянского самоуправления к 160-летию начала деятельности земских учреждений в центральных губерниях России, к 155-летию подписания Городового положения, к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне) (Тамбов, 2025 г.). По итогам проведенного исследования было опубликовано 5 статей, из которых 4 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Общий объем – 4,15 печ. л. (личный вклад – 3,2 печ. л.).

Диссертация подготовлена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «История и философия» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, 2 глав из 6 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Глава I. Консервативно-монархические настроения в общественном сознании населения Тамбовской губернии на рубеже XIX-XX веков: динамика и ее факторы

1.1 Верховная власть и политическое сознание населения российской провинции в начале XX века (на примере Тамбовской губернии)

Изучение отражения института монархической власти в политическом сознании жителей Тамбовской губернии в начале XX века невозможно без краткой характеристики ее социально-экономического положения. По нашему мнению, социально-экономическая структура региона, особенности политической ситуации существенным образом влияли на формирование отношения к высшей власти у населения губернии.

Тамбовский край наряду с Воронежской, Курской и Орловской губерниями входил в так называемый Центрально-Черноземный район империи. Тамбовская губерния являлась типично аграрной, со слабой развитостью городской инфраструктуры. Вместе с Тамбовом еще 11 городов являлись административными центрами одноименных уездов, заштатный Кадом входил в Темниковский уезд. В губернии на 1903 г. в общей численности населения горожане составляли 8,4 %⁶³. Если в общероссийском масштабе население городов по темпам прироста вдвое опережало деревню, то в Тамбовской губернии эти процессы носили обратный характер. В городах губернии отсутствовало крупное производство, промышленность имела, по преимуществу, кустарный характер, что затрудняло условия для более интенсивной миграции крестьянства.

⁶³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. С. 3; Сборник-календарь Тамбовской губернии за 1903 г. Гл. III. Статистический обзор Тамбовской губернии. С. 16; Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. С. 7-9.

П. Н. Черменский называл тамбовскую городскую сеть «городами-ссыпными пунктами», имея в виду их зерновую торгово-отгрузочную деятельность, выделяя по статусности Козлов, Борисоглебск, Кирсанов, Тамбов, Липецк, Темников и Усмань⁶⁴. На начало XX века лишь Тамбов насчитывал пятьдесят с половиной тысяч жителей, Козлов – чуть более сорока, и далее по ниспадающей замыкал список городов уездный Шацк с пятью тысячами⁶⁵.

По Всероссийской переписи населения крестьяне составляли более 50% жителей тамбовских городов⁶⁶. По мнению Б. Н. Миронова, в малых городах, где значительная часть населения занималась сельским хозяйством, горожане часто не отличались от крестьян по своему образу жизни и менталитету. Это проявлялось в традициях и обычаях, которые сохранялись и в городских условиях. Кулачные бои, вечерки и посиделки были популярными развлечениями, коллективные молебны в случае засухи и другие архаические обряды, характерные для деревень, также имели место в таких городах. Это свидетельствовало о глубокой связи между городской и сельской культурами, а также о сохранении традиционных ценностей и обычаев в условиях модернизации российского общества⁶⁷.

С. В. Вакар, в юности проводивший лето в Тамбове, вспоминал, что «особенностью жизни Тамбова того времени была организованная возможность горожан в своих особнячках держать коров... на весь летний сезон, за небольшую плату, коровы сдавались на городское пастбище, причем из города на заливные луга они ежедневно утром переплывали речку Цну, в ее узком месте, а вечером, тем же путем возвращались назад. Таким образом, в Тамбове, каждый летний вечер представлялась занятая картина, когда стадо мокрых коров, с громким мычанием, рассыпалось по городским улицам, причем каждая корова безошибочно шла к

⁶⁴ Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии (1861-1917). Очерк экономики и культуры пореформенного периода. Тамбов, 1928. С. 41, 59.

⁶⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. С. 6; Сборник-календарь Тамбовской губернии за 1903 г. Гл. III. Статистический обзор Тамбовской губернии. С. 7; Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. С. 2.

⁶⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. С. 11.

⁶⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. I. СПб.: Дм. Буланин, 2003. С. 116, 117.

воротам своего дома, где ее уже ждала доярка. Это давало жителям Тамбова возможность иметь абсолютно свежее молоко за незначительную цену. Такого рода деревенские порядки в большом губернском городе могли быть только благодаря общему укладу жизни того времени»⁶⁸. «Тамбовский край» с начала апреля 1907 г. публиковал объявления о возможности жителям заключать контракты на пастьбу своего крупного рогатого скота⁶⁹.

Характерной чертой провинциальных городов, скудных проявлениями общественной жизни, местный корреспондент считал бытование сплетен, которые «издавна свили себе гнездо» в них⁷⁰. Сплетни носили самый разнообразный характер и разносились с молниеносной быстротой. Примечательно, что это явление – «устное пространство» в виде бытования слухов, сплетен, новостей и анекдотов – было присуще большинству провинциальных городов Российской империи: «...Городское устное информационное поле (при дозированной официальной информации) отличалось от сельского разнообразием, но отнюдь не меньшей фантастичностью рассказываемого»⁷¹.

Современники рисовали образ «спящего» города с нежеланием его обитателей что-либо менять в размеренной жизни. Вот как описывалась жизнь Спасска в местной прессе: «Замкнутый в глуши, замкнувшийся в себе... Он боится прогресса... опасается гласности. Как бы, дескать не взбудоражили это застоявшееся, загнившее и заплесневевшее болото»⁷². Темников, по словам корреспондента, «спит тем мертвецким сном, каким умеют спать городские обыватели, не тревожимые ни думами в настоящем, ни заботами о будущем»⁷³. Тамбов в ментальном плане мало отличался от уездных городов: «...В темную ночь

⁶⁸ Вакар С. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. С. 24.

⁶⁹ Тамбовский край. 1907. 3 апреля.

⁷⁰ Тамбовский край. 1907. 11 марта.

⁷¹ Долгих Е. В. Городская повседневность рубежа XIX-XX вв.: структура общественного быта // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 50.

⁷² Козловская газета. 1902. 19 сентября.

⁷³ Там же.

над «отсталым» Тамбовом сон непробудный царит... Благие порывы, даже в мелочах, для тамбовцев не переходят в действительность»⁷⁴.

Несмотря на «крестьянский» характер городской провинциальной культуры, ей были присущи и некоторые проявления общественной жизни, связанные с эволюционными процессами урбанизации. Произшедшая эмансипация российского общества в ходе «Великих реформ», несомненно, затронула и бытовую культуру.

Исследователи повседневной городской жизни рубежа XIX-XX веков отмечают, что жизнь российских городов этого периода невозможно представить без деятельности различного рода обществ, клубов, кружков⁷⁵. Для нас интерес представляют городские общественные собрания, отличавшиеся бóльшим демократизмом и носившие всеобщий характер.

Их появление связывают с российской модернизацией второй половины XIX – начала XX века, активизировавшей общественную жизнь горожан и повлекшей рост числа и значения городских ассоциаций и клубов. Пореформенная эпоха усиливала потребность горожан в общении, обмене мнениями по актуальным для того периода общественным вопросам: «Активная созидательная жизнь, ввиду ограниченных возможностей участия в политике, должна была найти в объединениях и союзах свою замену, свое дополнение и одновременно свое выражение, т. к. это пространство предлагало возможности не только совместного проведения времени, интенсивной коммуникации с людьми равного культурного уровня, но также и к моделированию грядущего «общества», нивелирующего сословные ограничения»⁷⁶.

⁷⁴ Козловская газета. 1902.1 декабря.

⁷⁵ Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М.: «Новый хронограф», 2008. 326 с.; Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 годы. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 487 с.; Долгих Е. В. Городская повседневность рубежа XIX-XX вв.: структура общественного быта. С. 55.

⁷⁶ Хефнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани. 1860-1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья Ульяновск: Издательство «Средневожского научного центра», 2000. С. 483.

Е. В. Долгих произвела подсчеты потенциальных участников таких обществ, по которым членами таких общественных собраний могли являться от 9 до 13% горожан⁷⁷. Конечно же, это незначительный процент провинциального городского социума, но именно эта его доля являлась той активной силой, которая участвовала в политических событиях и оказывала влияние на остальную мещанскую массу. Именно эти горожане являлись выборщиками в избирательных кампаниях в Государственные Думы и вливались в члены организуемых политических партий после октября 1905 г.

Городские общественные собрания являлись самоорганизующимися сообществами. Костяк обществ составляли, помимо членов-учредителей и почетных членов, действительные члены: они вносили вступительный и ежегодный членские взносы, их собрание выбирало правление и совет старшин (распоряжавшийся хозяйственной частью), заслушивало их отчеты, принимало решения по важнейшим вопросам жизни общества. К примеру, членами усманского общественного собрания могли быть «лица всех сословий и национальностей», их численность не ограничивалась. Главное условие – возможность уплатить членские взносы или входной билет⁷⁸.

Уставы обществ обычно запрещали членство лицам с неполноценным правовым статусом: учащимся; женщинам; низшим чинам, состоящим на военной службе; юнкерам; исключенным из собрания; ограниченным в правах по суду. Размер взносов, конечно, сильно различался, вместе с тем сумма сохраняла функцию своеобразного барьера, в большинстве обществ членские взносы являлись основным источником существования. Между тем, в усманском городском обществе, судя по годовым отчетам, основными статьями дохода являлись поступления от буфета, карт и бильярда. В 1910 г. буфет принес 6 621 руб. дохода, карты – 1393 руб., бильярд – 865 руб., членские взносы – 555 руб. В 1911 г.

⁷⁷ Долгих Е. В. Городская повседневность рубежа XIX-XX вв.: структура общественного быта. С. 57-58.

⁷⁸ ГАТО. Ф. 25.Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

игра в карты принесла 2804 руб. дохода, а бильярд – 806 руб., в 1912 г. – доход с карт составил 2255 руб., а бильярд – 770 руб.⁷⁹

Как видим, такие развлечения как бильярд и карты пользовались особой популярностью, за игру нужно было платить. Еще одним видом развлечения являлось лото, но с 1912 г., например в Усмани, им за год не воспользовались ни разу⁸⁰.

Примечательно, что сама игра в карты не считалась азартной, в тоже время игра «в железку» криминализировалась, и с ней пытались бороться, в России начала XX века она имела особую популярность.

Бюджеты обществ в какой-то степени повторяли бюджеты горожан: самые большие затратные статьи – аренда помещения, отопление, свет (около 60%). Приобретение собственного помещения было исключительным событием⁸¹.

Обычно общественные собрания подразумевали следующие цели: устройство для членов и их гостей балов, маскарадов, танцевальных, музыкальных и литературных вечеров, драматических представлений и игр. Помимо упоминавшихся выше игр, пользовались домино, шашками, шахматами и т.д. Для интеллектуального развития выписывались книги, газеты, периодические издания, устраивалось чтение научных лекций. Занимались собрания и благотворительной деятельностью, такой как оказание помощи бедным и т.д. Пребывание в собрании ограничивалось до часу ночи, после чего запозднившимся следовало платить повышенную таксу за каждые полчаса⁸².

Связь провинциальной городской жизни с селом проявлялась в годовых циклах деятельности собраний, отражавшейся в коммуницировании с традиционным православным календарем. Собрания не работали в последние три

⁷⁹ Там же. Л. 13 об., 14, 19-19 об., 27, 27 об., 28.

⁸⁰ Там же. Л. 28.

⁸¹ Долгих Е. В. Городская повседневность рубежа XIX-XX вв.: структура общественного быта. С. 56.

⁸² ГАТО. Ф. 25.Оп. 1. Д. 19. Л. 1-1 об., 28.

дня Страстной недели, в первый день Пасхи, Рождественский и Крещенский сочельники, в первый день Рождества Христова⁸³.

Традиционные формы ярко проявлялись в области обрядовой жизни, проведения праздников и досуга. Для большинства городских сообществ были привычными кулачные бои, вечерки и посиделки, трактиры, чайные и пивные лавки, посещение церкви и народные гуляния на религиозные праздники⁸⁴.

Поэтому уместно рассматривать особенности восприятия верховной власти жителями губернии, прежде всего, в контексте господства именно крестьянской ментальности. Нелицеприятное, типично сельское мироощущение, присущее городским обывателям, давали очевидцы: «...(обывателя – О.С.) пугает все непонятное... Он тяготеет к консерватизму, к своей насиженной рутине»⁸⁵.

В системе ценностей крестьянина приоритетами были достаток, который понимался как удовлетворение скромных материальных потребностей, уважение односельчан, праведность поведения и забота о детях. Достаток обеспечивал не только физическое благополучие, но и стабильность в жизни семьи. Уважение со стороны соседей играло важную роль в социальной жизни, так как оно способствовало укреплению общинных связей и взаимопомощи. Праведность поведения, в свою очередь, воспринималась как основа моральных норм, определяющих такое поведение в обществе. Забота о детях отражала стремление сохранить и передать традиции, ценности и навыки следующему поколению, что также было важным аспектом крестьянской жизни⁸⁶.

Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как на источник богатства и власти. Он считал, что собственность должна служить обеспечению элементарных средств для жизни, а не использоваться для эксплуатации других или для личного обогащения, что воспринималось как греховное. В его понимании

⁸³ Там же. Л. 2.

⁸⁴ Тедорадзе А. С. Русские рукопашные состязания как явление социальной истории аграрного общества. Тамбовская губерния, вторая половина XIX – первая половина XX в.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 22 с.

⁸⁵ Горн В. Общественные силы и их борьба в русской революции. М., 1907. С. 19.

⁸⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. I. С. 87.

источником существования каждого человека должен быть личный труд, который не только обеспечивал выживание, но и придавал смысл жизни. Такой подход подчеркивал ценность честного труда и взаимопомощи в общине, а также отражал более глубокие моральные и этические нормы, которые были важны для крестьянского образа жизни.

Накопление средств «приземляет», удаляет от Бога и не всегда гарантирует успех и признание в обществе. Отсюда сильное влияние в начале XX века на обывательскую городскую и сельскую среду Русской православной церкви, главного трансформатора патерналистских и верноподданнических настроений опекаемой паствы. Причем церковь воспринималась большинством населения как институт, гарантировавший близость к Богу точным выполнением обрядовых культов. «Крестьянин прежде и больше всего – безусловный приверженец обряда, обычая, заведенного порядка, предания», – писал К. Д. Кавелин⁸⁷.

Крестьянская психология считала, что все равны перед Богом и царем, отсюда уравнительный принцип в общине: все должны иметь равные права и обязанности, одинаковый достаток и т. п. Поэтому уместно говорить о традиционном православном менталитете. Крестьянин верил, что община является источником правды и справедливости, а также надежной защитой от нарушителей обычая и традиции, включая барина и чиновников. В его понимании община представляла собой наиболее целесообразную форму человеческого общежития, где взаимопомощь, поддержка и сотрудничество были основными ценностями. Это коллективное единство создавало условия для устойчивого существования, позволяя каждому члену общины чувствовать себя защищенным и поддерживаемым. Общинные нормы и традиции служили основой для моральных ориентиров и социального порядка, что укрепляло связи между людьми и обеспечивало гармонию в жизни.

Земледельческий труд представлялся крестьянину наполненным глубоким смыслом и важным для всего государства. Он осознавал, что каждое сословие

⁸⁷ Кавелин К. Д. Государство и община. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 609.

выполняет свою полезную функцию: мужик работает, чтобы пахать, косить, платить подати и кормить всех; барин следит за крестьянами, собирает недоимки и получает жалованье; священник венчает, крестит и хоронит; монахи молятся за всех; солдаты защищают государство, а купцы занимаются торговлей. Однако крестьянин считал себя центром святорусской земли, единственным кормильцем, от которого зависят все остальные. Это осознание порождало у него негативное отношение к другим сословиям, воспринимаемым как дармоеды, живущие за его счет. Он требовал от власти, чтобы она обеспечила ему достойное существование, признавая его труд и вклад в общее благосостояние⁸⁸.

Городские жители в социальном и культурном плане были более разнородными, чем сельское население, что затрудняло общую характеристику их мировоззрения, однако можно выявить некоторые общие его черты. Во-первых, среди этих групп наблюдалось стремление к самосохранению и улучшению жизненных условий, что проявлялось в активном участии в экономической жизни города. Во-вторых, общая культура и традиции, передаваемые из поколения в поколение, создавали чувство общности и солидарности. Таким образом, несмотря на разнообразие, менталитет городских слоев можно охарактеризовать как ориентированный на практические нужды, общинные ценности и стремление к социальной справедливости.

Изучение трактовки проблемы свободы и порядка в крестьянской среде показывает, что до конца XIX века эти категории воспринимались как альтернативные: либо свобода, либо порядок. Этот конфликт часто персонифицировался в образе разбойника, который восстает против власти и, совершая бунт, стремится к свободе. Поднимая восстание, разбойник противостоял царю (государству), церкви и общине, что приводило к конфликту между индивидуальной свободой и общественным порядком. В ранних трактовках данной проблемы бунт считался всегда незаконным, а свобода – нарушением общественного порядка. Это создавало определенные стереотипы о том, что

⁸⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. I. С. 102, 103, 104.

индивидуальные права и свободы не могут сосуществовать с установленными социальными нормами и законами. Таким образом, проблема свободы и порядка становилась центральной в дискуссиях о роли индивида в обществе и о границах легитимности власти⁸⁹.

Отсюда вытекал и частный характер социального протеста крестьян, выступавших не против власти, верховным носителем которой являлся государь император, а против частных беззаконий. Конец XIX – начало XX века в Тамбовской губернии наблюдались единичные крестьянские волнения, вызванные, в основном, факторами локального значения и распространением различных слухов.

Например, в конце 1894 – начале 1895 г. в Усманском уезде происходило «брожение» крестьян, связанное с неправильным истолкованием высочайшего манифеста от 14 ноября 1894 г., изданного по случаю бракосочетания императора Николая II. По мнению крестьян, манифест отменял все подати и их уплату: «...Все подати прекращены и платить их не следует»⁹⁰. Возникновение слухов связывалось с получением писем родителями служащих низших чинов, части которых располагались в С.-Петербурге. Действительно, манифестом даровались послабления отдельным категориям землевладельцев, в частности, «долги, причитающиеся ко взысканию в казну и в общий по Империи продовольственный капитал по ссудам, выданным до образования в 1866 году сего капитала... сложить со счетов сполна; По таковым же ссудам, выданным после 1866 года из общего по Империи продовольственного капитала и из казны, сложить половину долгов, остающихся к сему дню не уплаченными» и др.⁹¹. Однако о полной отмене податей

⁸⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. I. С. 108.

⁹⁰ Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. Тамбов: типография «Пролетарский светоч», 1925. С. 31.

⁹¹ Высочайший Манифест 20 октября 1894 г. «О всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Величества, государя императора Николая Александровича» / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 14. № 11035. СПб., 1898. С. 634.

и налогов речи не шло. Полицией были приняты меры по изъятию данных писем, после чего волнения постепенно прекратились.

В мае 1895 г. крестьянин с. Отрожки Поддубровской волости Усманского уезда Е. Тархов с сестрой был задержан в казенном лесу, располагавшемся недалеко от села. По его словам, отправился он туда, чтобы нарвать травы корове. При задержании он был избит лесниками, на крики прибежало около 50 крестьян с. Отрожки, отбивших Тархова. История закончилась задержанием всей семьи Тарховых под стражу на семь суток и успокоением сельского общества⁹².

В апреле 1898 г. крестьяне сел Тафина и Красиловки Липецкого уезда вступили в конфликт с арендовавшим землю огородником. Выступление было довольно массовым – около 200 человек с дрекольем. Крестьяне прогнали огородника, волонтаристски засеяв половину его участка овсом. Для умирения волнения потребовалось вызывать резервный батальон из Козлова⁹³.

В 1898 г. фиксировались выступления среди крестьян с. Уварово Борисоглебского уезда, вспыхнувшие из-за вопросов отчуждения земель под железную дорогу и занятия помещиком князем Гагариным общинной земли под постройку мельницы⁹⁴.

В 1899 г. в отдельных крестьянских обществах начались волнения, связанные со сдачей их земель в аренду бельгийской компании для разработки руды. Опасения их выражались в том, что в дальнейшем эта земля станет непригодной для использования в сельскохозяйственных целях. Поэтому сельские общества в одностороннем порядке будут инициировать расторжение договоров. Инцидент приобретет резонансный характер, дойдя до императора. Конечно же, император лично не разбирался в этом вопросе, но, однако, от него поступил манифест, защищающий права крестьян: повышалась цена с каждого предположенного к извлечению пуда земли, увеличивалась в четыре раза плата за минимально извлеченные руды.

⁹² Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 33.

⁹³ Там же. С. 34.

⁹⁴ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 143. Л. 101.

В августе 1900 г. в Липецкий уезд, охваченный этими волнениями, приехал губернатор С. Д. Ржевский в сопровождении начальника жандармского управления по Липецкому и Усманскому уездам для объявления монаршей воли. В первую очередь, он поинтересовался, найдется ли какая-нибудь группа крестьян для принесения благодарности государю за его заботы об их нуждах. На предложение губернатора в одном из сел отслужить молебен в знак благодарности государю, раздались ропот и крики «зачем молиться», «мы и в церкви помолимся», «лучше о дождике помолиться» и т. п. На попытку схода разойтись, он натолкнулся на противодействие полиции. По окончании молебна вновь был шум: «не желаем», «если это царский указ – предъяви нам грамоту с царской подписью», «все это обман», «все подкуплено» и проч. Для успокоения толпы жандармский офицер ринулся в ее гущу, был окружен и получил удар подсолнухом, кинутым из толпы в грудь. Жандармский начальник, пытаясь успокоить толпу, пошел с ней на диалог, в ходе которого крестьяне повинились за оскорбительный поступок с подсолнухом. Далее они поведали, что условились сорвать сельский сход заранее, не зная содержание манифеста, так как обычно их на сельский сход собирал земский начальник для безусловного одобрения выносимых на него вопросов.

Попытка губернатора зачитать манифест в других «мятежных» селах привела к такому же результату. Тем не менее, в целом ряде населенных пунктов уезда манифест был принят одобрительно крестьянами. В с. Сокольском после благодарственного молебна крестьянин с. Ильинка Г. Юров обратился с просьбой к губернатору разрешить в воспоминание о царской милости сделать пожертвование в пользу Красного Креста. На это другие крестьяне посоветовали, что нужно «благодарить государя императора, послав ему телеграмму с выражением верноподданнических чувств». Губернатором тут же была составлена телеграмма, зачитана сходу и отправлена царю через министра внутренних дел.

После отъезда губернатора жандармским начальником несколько раз в мятежные села посылались унтер-офицеры, которые прибывали у крестьян по несколько дней. Они пользовались их доверием, помогая иногда составлять соответствующие прошения. Миссия унтер-офицеров заключалась в

последовательном разъяснении крестьянам, что по царскому манифесту они приобретают больше, чем по старым договорам. В результате удалось выяснить, что крестьян взволновало варварское отношение к земле на окраине Липецка, где бралась пробная партия руды и землю после этого не рекультивировали. Отказ от участия в молебне, по словам крестьян, был вызван вовсе не враждебностью по отношению к императору, а их подозрением, что губернатор хотел их заставить молиться о руде: «быть на молебне, целовать св. Евангелие и крест – есть присяга к добровольному согласию каждого на сдачу руды».

В дальнейшем крестьяне признали, что вели себя недостойно, «поведение их в этот день для них самих непонятно, были в каком-то исступлении, действовали без смысла и без разума», готовы были по телеграфу «кому следует, повинную принести», отслужить молебен и выразить государю императору верноподданнические чувства⁹⁵.

В этом, казалось бы, частном случае демонстрируется и общинная психология, и хитрость, и малограмотность крестьян, а главное – стихийность выступления и принесения покаяния. Причем заметим, что крестьяне бунтовали не столько против государя, а сколько против произвола местной администрации. Образ царя оставался священен, его десакрализация будет происходить несколько позже. Демонстрируемый лоялизм в отношении фигуры самодержца, по точному наблюдению Эрика Хобсбаума, выступал одновременно и инструментом самооправдания крестьян, и страховочным средством, предотвращавшим широкое задействие репрессий, неизбежных в любой иной ситуации за участие в нарушении общественного порядка⁹⁶.

С началом XX века продолжились частные покушения крестьян на земельные помещичьи участки и лесные угодья. В декабре 1901 г. произошла самовольная порубка помещичьего леса крестьянами с. Сошки Липецкого уезда⁹⁷.

⁹⁵ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 113. Л. 50-50 об., 51-51 об.

⁹⁶ Hobsbawm E. Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies, 1. October, 1973. P. 13, 21.

⁹⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5190. Л. 1-3.

В конце октября 1902 г. крестьяне с. Пертово Усманского уезда осуществили самовольную порубку леса в имении помещика Л. Кареева⁹⁸.

Объективация причин своего неудовлетворительного состояния крестьянами воспринималась буквально, материализовываясь в виде помещичьей собственности. В 1901 г. один из управляющих констатировал, что возможно вскорости придется собирать свои пожитки и уезжать с насиженных мест: «Голод у нас отчаянный и на урожай нет надежды. Каждый день в усадьбу являются толпы мужиков и требуют хлеба. Все, что было можно, они уже забрали под работу и положение их поистине безнадежно. Они прямо заявляют: «или давайте, или мы сами возьмем». Недавно один крестьянин повесился с голода. По селам идет говор: «прежде хоть столовые были, кормили нас, а теперь ничего нет, хоть умирай». В 20 верстах от нас крестьяне явились всем обществом с телегами и мешками, отперли общественный магазин и увезли хлеб. Тоже было в других местах... жить в деревне становится невыносимо: и их жаль, и себя жаль...»⁹⁹.

В 1900-1902 гг. происходили волнения крестьян с. Сухая Лукавка Усманского уезда. Поводом к выступлениям сельчан послужила чересполосица при размежевании 30 000 десятин земли в Демшинской земельной даче между крестьянами Демшинской, Бреславской, Нижне-Матренской волостей и более 100 частных владельцев. Крестьяне с. Сухая Лукавка в течение 1900-1902 гг. производили запашку земель частных владельцев, мотивируя это незаконным захватом земли у крестьянских обществ. В 1902 г. потребовалось два личных приезда губернатора С. Д. Ржевского с вызовом из Тамбова роты Борисоглебского полка. Несколько крестьян были подвергнуты административному аресту, восемь человек подверглись телесному наказанию. Об инциденте губернатор вынужден был сообщить в Министерство внутренних дел. Казалось, что казус имел место быть исчерпанным: суровость наказания была тому подтверждением. Но крестьяне упорствовали и обещали на следующий год повторить свою акцию, тем более,

⁹⁸ Там же. Д. 5334. Л. 2-5.

⁹⁹ Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 35.

основания для этого у них были: выяснилось, что у некоторых частных владельцев не было соответствующих прав, они не имели даже окладных листов на землю¹⁰⁰.

Указанный частный случай иллюстрирует вполне законные основания крестьян к возмущению, негибкость административной практики, нежелание местных и губернских властей разобраться в сути вопроса. Данные обстоятельства породили выступления крестьян и апеллирование к верховной власти – государю императору, единственному и нерушимому гаранту своих прав.

Осенью 1903 г. в с. Колударове Николо-Островской волости Моршанского уезда происходила потрава озимых и одергивание сена в стогах частных владельцев крестьянами¹⁰¹. Весной 1904 г. крестьяне Мало-Грибановской и Павлодарской волостей Борисоглебского уезда выгоняли скот и лошадей в степи, принадлежащие князю Волконскому¹⁰². В это же время крестьяне дер. Заулок Темниковского уезда отказались подписывать соглашение об аренде земли с помещиком Новосильцевым, начав самовольную запашку земли и покос лугов, мотивируя свои действия неправильными землеустроительными расчетами. Конечный итог привел к продаже земли помещиком крестьянам дер. Заулок¹⁰³.

В Козловском уезде в деревнях, прилегающих к имению Белосельских-Белозерских, возмущения крестьян касались распланировки господских полей, причем они ссылались на «приказы» царя (как и в выше приведенных случаях), который «приказал делать прирезку земель именно им»¹⁰⁴. Вера в справедливость и милосердие царя-батюшки доминировала в крестьянском сознании. Так, крестьяне дер. Борщевки Тамбовского уезда просили «начальство» отобрать землю от помещицы Никитиной, передать эти земли крестьянскому обществу, «оставив помещикам земли столько, сколько им будет нужно»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 35-38; ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5333. Л. 2-4.

¹⁰¹ Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. С. 41.

¹⁰² Там же. С. 42.

¹⁰³ Там же. С. 43-45.

¹⁰⁴ Там же. С. 45.

¹⁰⁵ Там же.

Еще раз подчеркнем, что возмущения крестьян обуславливались недовольством частного характера, под влиянием экономических условий, объективной нехватки земли, отсутствия леса у крестьянских обществ и т. д. Выступления были достаточно компактными по географии возникновения, ограниченными несколькими селениями и ненаправленными против самого института государственной власти. Объектом негодования крестьян выступали помещики, арендаторы и т. д. Даже первоначальный исследователь крестьянского движения в Тамбовской губернии В. Д. Андреев признавал тот факт, что крестьяне, выступая против помещиков и частных землевладельцев, преследовали довольно узкие темы причин своего негодования, выражая их в стремлении честного распределения земельного фонда, подкрепляя их монаршей волей, ратующей за благосостояние своего народа¹⁰⁶.

Как нам представляется, попытки тамбовских крестьян, активно вовлекавшихся в антипомещичьи выступления, апеллировать к позиции и авторитету носителя верховной власти, основывать свои притязания на их заведомом полном согласии с предполагаемой волей самодержца, исключительно иллюстративно подкрепляют адекватность концепции американского исследователя Дэниэла Филда. Его тезис об обусловленности значительной части проявлений социального протеста со стороны сельских жителей именно хоть и «наивным», но весьма искренним чувством приверженности монархическому идеалу базируется на укорененном в массовом сознании крестьянства представлении о «царе-избавителе», призванном выразить, воплощать и защищать чаяния простого народа¹⁰⁷.

Обратимся к еще одному источнику по рассматриваемой проблеме – отчетным документам жандармского управления. Начальник жандармского управления по Липецкому и Усманскому уездам в отчете за 1899 г. докладывал, что народонаселение уездов в политическом отношении следует признать вполне благонадежным. Народ искренне чтит и верно предан государю императору:

¹⁰⁶ Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии.

¹⁰⁷ Field D. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston: Unwin Hyman, 1989. P. 209-210.

«Случаев каких-либо волнений среди классов населения в истекшем году не было»¹⁰⁸. В политическом обзоре за 1900 г. по Борисоглебскому уезду сообщалось: «Общее настроение народонаселения как города, так и уезда за минувший год было нормальное и благонадежное. Массовых волнений не было. Особо выдающихся случаев ненормальных отношений между целыми классами населения также не было»¹⁰⁹. В Липецком, Усманском и Борисоглебском уезде неблагонадежных лиц насчитывалось около двух десятков, и все находились под наблюдением. При этом борисоглебский жандармский начальник сетовал, что публичная библиотека в г. Борисоглебске по-прежнему является местом сборища неблагонадежных лиц¹¹⁰.

Сошлемся в обоснование нашего тезиса на данные количественного анализа. Дела об оскорблении государя императора и членов августейшего семейства проходили по линии жандармского управления. На их основании нами была создана база данных по соответствующим случаям с 1900 г. по 1914 гг. (См. Приложение 1, 2.)

Проанализировав их динамику, можно сделать следующие выводы. До русско-японской войны мы фиксируем единичные случаи оскорбления монарха и членов правящей династии. Они, преимущественно, происходили, если исходить из сведений жандармского управления, в запальчивости, вызванной алкогольным опьянением: «подобные случаи вообще указывают лишь на дурную привычку русского человека к сквернословию, чем на проявление с его стороны сознательного неуважения к священной особе государя императора»¹¹¹.

Приведем наиболее типичные примеры такого поведения. 6 октября 1903 г. крестьянин с. Большое Ардабьево Елатомского уезда С. Я. Баранов в присутствии односельчан в нетрезвом виде произносил оскорбительные слова против государя императора. Эти же крестьяне доложили о нем полиции¹¹². 7 декабря 1903 г. крестьянин с. Булдыгино Ачадовской волости Спасского уезда Я. Ф. Бодяшкин,

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 143. Л. 21-21 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 9-9 об.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 143. Л. 109.

¹¹² Там же. Д. 259. Л. 6-6 об., 7-7 об.

владелец трактира, по случаю престольного праздника в их селе был пьян и бегал по селу с ножом, грозя кого-нибудь зарезать. Первоначально крестьяне пытались его урезонить, но он закрылся от них в трактире, где шумная компания крестьян продолжала пьянствовать. В ответ на неоднократные попытки сельчан попасть внутрь Бодяшкин все-таки открыл трактир. На вопрос крестьянина В. С. Акинина, почему он пьянствует и зачем закрылся, Бодяшкин ответил, что в своем трактире пьянствует: «какое твое дело, я в своем доме хозяин и никого не признаю, в своем доме я и государя е...у». Также Бодяшкин оскорблял вызванного стражника¹¹³. Обычно виновным в такого рода деяниях давали семь суток ареста. Видимо, в общественном мнении господствовало представление о том, что подобные хулиганские выходки не могут быть осознанными и отражать действительные умонастроения правонарушителя.

Патриархально-консервативный характер мировоззрения крестьянства и значительной части городских жителей, их искренний монархизм подчеркивался современниками, противопоставлявшими его умонастроениям интеллигенции. Вот как об этом писал наблюдавший восторженную встречу Николая II на торжествах в честь Серафима Саровского в 1903 г., тамбовский землевладелец В. М. Андреевский: «И в каком глубоком и удивительном противоречии с этими интеллигентскими настроениями оказался тот русский народ, который мне пришлось наблюдать в 1903-ьем году в Саровской пустыни на открытии мощей св. Серафима! Какая незаполнимая пропасть лежала между этими двумя частями русского народа! С одной стороны озлобленные оппозиционные выступления представителей общественности, поведение которых хотелось бы объяснить и оправдать искренностью их убеждений и любовью к родине, а с другой – детски бесхитростное верование в святителей наших и такое же детски восторженное преклонение перед носителем верховной власти. Государь и Государыня провели

¹¹³ Там же. Д. 260. Л. 1-1 об., 22-22об.

три дня в Сарове в близком общении с простонародием и, как казалось мне, вынесли радостное впечатление от всего тут виденного и пережитого»¹¹⁴.

Резюмируя, отметим, что в начале XX века политическое сознание большинства населения Тамбовской губернии детерминировалось особенностями крестьянской патриархально-консервативной ментальности, присущей и значительной части городского народонаселения. Ее устойчивость проистекала, в том числе, и из слабой интенсивности модернизационных процессов в провинциальном социуме типично аграрного региона. Замедленные процессы урбанизации проявлялись в господствующем положении православной религии и мировоззренческих установках провинциальных горожан, влиявших и на общественную жизнь. Одним из важных элементов ментальности данного типа являлась сакрализация власти и, главным образом, ее носителя – монарха. Монархические установки являлись господствующими в общественном сознании населения Тамбовской губернии на рубеже XIX-XX веков. Имеющиеся факты крестьянских выступлений не свидетельствовали об антимонархическом характере протестных действий.

¹¹⁴ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

1.2 Влияние русско-японской войны на устойчивость консервативно-монархического сегмента общественного сознания населения Тамбовской губернии

Одним из самых значимых факторов, повлиявших на состояние и динамику консервативно-монархических настроений населения Тамбовской губернии в начале XX века, как, впрочем, и всего российского социума, независимо от того, проживали ли их носители в провинции или столичных городах, аграрных регионах или промышленных центрах, стали события русско-японской войны 1904-1905 гг., а точнее – сам факт поражения казавшейся несокрушимой Российской империи в противостоянии с только набирающей силу Японией.

Обстановка, сложившаяся в Тамбовской губернии в первый период после нападения японцев на российскую тихоокеанскую эскадру и издания царского манифеста о начале войны с Японией, характеризовалась необычайным общественным подъемом, бурным всплеском патриотических настроений. В этом отношении представляется необходимым указать на следующее обстоятельство. Сила инерции политических традиций и культуры российского общества, проявлявших себя ранее и сохранившихся в основном и до настоящего времени, была такова, что для значительной части населения сама идея государства, направленности государственной политики, содержания национальных интересов имела весьма четкую персонификацию, воплощаясь в личности его главы и носителя верховной власти. Столь сильное влияние традиции персонифицированного этатизма на формирование и развитие общественного сознания, по нашему глубокому убеждению, в полной мере объясняет феномен неразрывной связи, внутреннего единства между проявлением патриотических чувств, побуждений и активной демонстрацией лояльности по отношению к лицу, олицетворяющему собой государственную власть. Поэтому для значительной

части населения провинциального социума, типичным примером которого и являлось население Тамбовской губернии, не существовало никакого противоречия в том, что выражение верноподданнических чувств по отношению к монарху расценивалось и выступало в качестве наиболее зримого и очевидного проявления патриотической позиции, а солидаризация с внешнеполитическим курсом государства неизбежно предполагала и приверженность существующему самодержавно-монархическому политическому строю. В наибольшей мере подобного рода нерасчлененность представлений об институтах государства и монархической власти была характерна для политического сознания составлявшего абсолютное большинство населения Тамбовской губернии крестьянства. Отмеченное обстоятельство дает нам основание соотносить значительную часть проявлений патриотических настроений и подъема в губернии одновременно и как свидетельства лояльности в отношении института самодержавия в рассматриваемый период.

В наибольшей мере промонархическая направленность проявлений патриотических чувств была характерна для населения городов Тамбовской губернии. Так, уже 30 января 1904 г. гласные Тамбовской городской думы собрались на экстренное внеочередное заседание. В ходе обсуждения событий, связанных с началом русско-японской войны, депутаты единогласно поддержали инициативу о направлении на имя императора Николая II телеграммы с осуждением вероломного нападения японцев на Россию, пожеланием дарования побед российскому оружию и выражением в связи с этим верноподданнических чувств от имени этого органа самоуправления губернского центра¹¹⁵. Преданность монарху на волне патриотического подъема в эти дни активно выказывало и население города Тамбова. По свидетельству корреспондента газеты «Тамбовские губернские ведомости», 2 и 3 февраля 1904 г. в городе прошли массовые патриотические манифестации, участниками которых стали горожане, принадлежавшие к самым разным социальным группам, но с преобладанием

¹¹⁵ ГАТО. Ф. 17. Оп. 35. Д. 17. Л. 1, 3, 6.

учащейся молодежи. Толпы манифестантов в восторженном настроении в эти дни следовали по улицам губернского центра в сопровождении музыкантов, останавливались у наиболее значимых государственных и общественных учреждений, пели государственный гимн «Боже, царя храни», и все это сопровождалось многоголосными и громкими криками «ура»¹¹⁶.

Но патриотический верноподданнический пафос тамбовских обывателей в начальный период войны не ограничивался только внешними, формальными проявлениями лояльности в виде направления адресов на имя императора и проведения патриотических манифестаций. Общественность весьма активно включалась в оказание деятельной поддержки армии и флоту, видя в этом свой долг перед страной и престолом.

Как это часто, к сожалению, случалось в отечественной истории, армия на дальневосточном театре оказалась в значительной мере не готова к ведению боевых действий в части материального обеспечения солдат и офицерского корпуса, оказания им медицинской помощи при ранениях. Уже в феврале 1904 г. исполнительный комитет главного управления российского общества Красного креста сообщал тамбовскому губернатору В. Ф. фон дер Лауницу, что действующая армия особенно нуждалась в предметах зимней амуниции (полушубках, фуфайках, тёплой обуви и т.п.), нательном белье и полотне, предметах гигиены для военнослужащих, сухих пищевых и консервированных продуктах. Данные вещи, приобретенные на средства населения или пожертвованные в натуральном виде, предлагалось передавать в ведение тамбовского местного отделения общества Красного Креста¹¹⁷.

Но еще ранее, предвосхищая заявленные потребности, органы городского самоуправления в губернии организовали работу по закупке соответствующей продукции. Отдавая себе отчет в том, что сбор пожертвований отдельных лиц и обществ может занять определенное время, а острая нужда в зимних вещах ощущается армией в настоящее время, Тамбовская городская дума в лице

¹¹⁶ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 5 февраля.

¹¹⁷ ГАТО. Ф. 17. Оп. 35. Д. 17. Л. 30, 31.

специально созданной комиссии гласных по оказанию помощи вооруженным силам не ограничилась только объявлением открытой подписки для сбора пожертвований при городской управе, а решила употребить для этого весьма значительные средства из городского бюджета. 5 февраля 1904 г. комиссия городской думы из располагаемых остатков в 10 000 руб. уплаченного ранее в доходы бюджета налога на недвижимость постановила передать 7 500 руб. на приобретение полушубков и тулупов, а 2 000 руб. – валенных сапог¹¹⁸. Но состояние товарных запасов у торговцев теплой одежды и обуви в торговых заведениях Тамбова, Козлова, Борисоглебска и Кирсанова на тот момент исключало возможность приобретения данных товаров в крупнооптовом объеме, поэтому было решено отправлять их к театру военных действий небольшими партиями, насколько это позволяла степень насыщения потребительского рынка губернии¹¹⁹. Стоит отметить также, что в феврале и марте 1904 г. Тамбовские городская дума и городская управа из бюджетных остатков выделяли средства для приобретения зимней одежды и обуви для воинских частей, несших гарнизонную службу на территории губернии, для торжественной встречи 112-го пехотного Тамбовского полка, отправлявшегося из Харькова к театру боевых действий, для снаряжения местным отделением общества Красного Креста отряда сестер милосердия, в качестве пожертвования действовавшему под патронажем наследника престола Общероссийскому комитету по усилению отечественного флота¹²⁰.

Столь широкий патриотический почин органов городского самоуправления губернского центра был поддержан в уездных городах губернии городскими обществами в лице местных дум и управ, казенными учреждениями, частными коммерческими предприятиями и заведениями, которые вносили денежные

¹¹⁸ ГАТО. Ф. 17. Оп. 35. Д. 17. Л. 6.

¹¹⁹ Там же. Л. 14.

¹²⁰ Там же. Л. 18-19, 36, 41, 42, 44, 45.

средства как в качестве единовременных взносов, так и процентных отчислений от капитала, дохода на период войны¹²¹.

Обычно служащие государственных учреждений делали отчисления в размере 1-2% в месяц от получаемого жалованья. Например, в апреле 1904 г. директор Тамбовского реального училища сообщал губернатору, что служащие училища производят отчисление в размере 1% от жалованья без обозначения на какие именно нужды. Такую же сумму жертвовали служащие Тамбовской мужской гимназии, Тамбовского губернского казначейства – 1-2%, Кирсановского казначейства и Лебедянской городской управы – 2%, Моршанского уездного казначейства – 1%. Тамбовского губернского жандармского управления – 1% на усиление военного флота¹²².

Тамбовский полицмейстер докладывал, что чиновники городской полиции жертвовали по 2%, нижние чины – 1%. Кирсановский уездный исправник доносил, что его помощник и надзиратели вносили по 2 %, канцелярия, урядники, стражники и городовые – по 1 %¹²³.

Практиковались и большие суммы на конкретное начинание. Например, в апреле 1904 г. служащие ст. Кирсанов и депо определили сумму пожертвования в 5% «на сооружение санитарного поезда» от Рязано-Уральской ж/д, тогда как Кирсановское отделение Орловского коммерческого банка ограничилось планкой в 1% на усиление флота¹²⁴.

Жертвовали денежные средства и необходимые армии вещи и отдельные лица. Так, в качестве жертвователей отметились такие видные представители тамбовской общественности, как В. М. Аносов, С. И. Попов, И. Потапов, И. А. Гуаданини, В. М. Лемке и др.¹²⁵.

¹²¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. Д. 5634. Л. 12-14; Д. 5794. Л. 38; Д. 5713. Л. 4, 6, 22, 24-26, 28-40, 48, 50, 57, 72, 74-76, 79-80, 84, 95-99, 136, 139, 156, 171-178, 249-255, 276, 280.

¹²² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5713. Л. 22, 24, 25, 26, 34, 74-75, 95-96.

¹²³ Там же. Л. 31, 34-35.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ ГАТО. Ф. 17. Оп. 35. Д. 17. Л. 18-19.

В отличие от городов, в сельской местности демонстрация верноподданнических и патриотических чувств и настроений оказалась несколько смещена по времени. Обусловлено это было, на наш взгляд, двумя взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, сравнительно более поздним поступлением известий о начале русско-японской войны, а, во-вторых, исключительной ролью приходских священнослужителей в информировании неграмотной, по преимуществу, крестьянской массы о внутри- и внешнеполитических событиях, формировании их реакции на указанные события и общественно-политических настроений.

Несмотря на то, что манифест императора Николая II был подписан 27 января 1904 г., информация о его принятии и верноподданническое по этому поводу письмо митрополита Санкт-Петербургского Антония, обещавшего монарху от имени духовенства возносить за него усердные молитвы, в случае необходимости, пожертвовать на нужды Отечества все имущество монастырей и церквей и «даже жизнь во имя Царя, Отечества и Веры», было опубликовано в главном печатном органе Тамбовской епархии «Тамбовских епархиальных ведомостях» лишь 7 февраля¹²⁶.

Непосредственно сам царский манифест о начале войны с Японией вместе с определенной на заседании Святейшего Правительствующего Синода программой действий по этому поводу провинциального духовенства был опубликован в «Тамбовских епархиальных ведомостях» лишь 21 февраля 1904 г. Конечно же, в ряде приходов духовенство могло оглашать манифест и напутствовать крестьян в верности монарху и Отечеству и по получении экземпляров официального печатного органа Синода – журнала «Церковные ведомости». Однако публикация манифеста о войне и указаний высших церковных иерархов состоялась 31 января в пятом номере упомянутого издания. Учитывая время на доставку его в сельские приходы и содержащееся предписание осуществлять публичное оглашение именно во время воскресных или праздничных служб, приходится признать, что широкое

¹²⁶ Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 6. 7 февраля.

информирование сельского народонаселения Тамбовской губернии о начавшейся войне могло состояться не ранее конца первой декады февраля 1904 г. или даже середины этого месяца.

Исходя из содержания упомянутых документов, можно в определенной мере реконструировать характер проводимых в сельских населенных пунктах губернии мероприятий, призванных укрепить и приумножить патриотические и верноподданнические настроения среди крестьянской массы. Так, во время воскресного или праздничного богослужения, привлекавших как раз наибольшее количество прихожан, после традиционной литургии священники публично зачитывали содержание царского манифеста о вероломном нападении японцев на российскую военно-морскую базу Порт-Артур и начале в связи с этим боевых действий. Особое значение в укреплении промонархического и патриотического настроения крестьян должен был сыграть ритуал вознесения в ходе молебственных песнопений в коленопреклоненном виде особой молитвы, призванной ниспослать Божье благословление императору и всем воинам на одоление неприятеля. Данную молитву, текст которой прилагался в постановлении Синода, от священнослужителей требовалось возносить перед прихожанами ежедневно во время утренних и вечерних служб, литургий вплоть до окончания войны. Кроме того, Святейший Правительствующий Синод наставлял приходское духовенство активно участвовать в сборе пожертвований для обеспечения санитарных нужд действующей армии и вовлекать в это прихожан¹²⁷. С этого времени к движению пожертвований повсеместно присоединится духовенство губернии¹²⁸.

Как видим, если в городах губернии проявления монархических и патриотических настроений населением приобретало формы патриотических манифестаций, отправки адресов на имя монарха с выражением верноподданнических чувств, вовлечением органов местного самоуправления,

¹²⁷ Церковные ведомости. 1904. № 5. 31 января.; Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. № 8. 21 февраля.

¹²⁸ Радецкий С. В., Щербинин П. П. Вклад Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды российской армии в период русско-японской войны 1904-1905 годов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2014. № 1. С. 170-186.

различных обществ и горожан в сбор вещественных и денежных пожертвований на нужды армии и флота, то в сельской местности выказывание преданности самодержавию в первые месяцы войны выливалось, в основном, в достаточно инертные и пассивные проявления – участие в молебнах о здравии государя-императора, ниспослании победы над японцами и крестных ходах по этому поводу. То есть монархически настроенные крестьяне практически не вовлекались имевшим на них влияние духовенством в проявление своей общественно-политической позиции какими-либо активными действиями. В этом, на наш взгляд, нельзя не усмотреть проявлений подданнического типа патриархальной политической культуры крестьян, не предполагавшей выражения инициативы, участия в каких-либо действиях, акциях или практиках активного типа.

Показательна в этом отношении история с так называемыми кружечными сборами. В мае 1904 г. тамбовский губернатор В. Ф. фон дер Лауниц дал поручение определить список волостных правлений на территории губернии, где целесообразно было бы разместить специально приспособленные кружки для сбора денежных пожертвований со стороны крестьян, предназначенных для оказания помощи больным и раненым воинам в действующей армии. Приоритет в размещении пунктов кружечных сборов в целях максимизации поступления пожертвований отдавался наиболее населенным волостям Тамбовской губернии¹²⁹.

Развернувшаяся в летние месяцы 1904 г. компания по кружечным сборам с крестьян, по свидетельствам должностных лиц местной администрации, с самого начала стала пробуксовывать. Так, земский начальник 3-го участка Шацкого уезда докладывал в губернскую канцелярию о том, что в волостях его участка сборы идут, но размер денежных пожертвований является довольно небольшим¹³⁰. Начальник 10-го участка Тамбовского уезда перед началом кружечных сборов выражал уверенность в том, что в местностях с преимущественно крестьянским населением рассчитывать на сколько-нибудь успешный сбор денежных пожертвований не представляется возможным. Изрядную долю скепсиса по этому

¹²⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5714. Л. 1.

¹³⁰ Там же. Л. 33.

поводу высказывал и земский начальник 4-го участка Усманского уезда, утверждавший отсутствие пользы размещения пунктов кружечных сборов во вверенных ему волостях, поскольку «пожертвования в них будут самые незначительные»¹³¹. Оправдывая весьма слабую динамику поступления денежных пожертвований, начальник 3-го участка Моршанского уезда уведомлял губернские власти о том, что та публика, которая посещает волостное правление, вообще к внесению подобных пожертвований не склонна¹³². Оценивая ход компании по кружечным сборам, земский начальник 3-го участка Спасского уезда настаивал на необходимости открытия соответствующих пунктов только при тех волостных правлениях, где действуют постоянные базары или ведутся торги по покупке или аренде казенного леса. Он предлагал возлагать на волостных старшин обязанность лично ходить по базарам и собирать пожертвования с торговцев и покупателей¹³³.

Уже по завершении компании, в октябре 1904 г., исполнительная комиссия российского общества Красного Креста сделала запрос о количестве пунктов кружечных сборов, открытых на территории Тамбовской губернии. Как следовало из ответа губернских властей, всего таковых на территории губернии было открыто ровно 100: в Борисоглебском уезде – 17, Моршанском – 15, Тамбовском – 14, Козловском – 13, Кирсановском – 8, Шацком – 7, Лебедянском, Липецком, Спасском, Темниковском и Усманском – по 5, Елатомском – 1¹³⁴. Представляется, что для столь пространной и населенной губернии с абсолютным доминированием именно крестьянского населения, коей и являлась Тамбовская губерния, подобный результат являлся, мягко говоря, довольно скромным.

Но может ли все это быть расцениваемо как косвенное проявление нелояльности по отношению к действующей власти и, как следствие, игнорирования, бойкота со стороны крестьянской массы различного рода начинаний патриотической направленности? На наш взгляд, такого рода оценки

¹³¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5714. Л. 12, 45.

¹³² Там же. Л. 76.

¹³³ Там же Л. 39.

¹³⁴ Там же. Л. 95, 98.

будут преждевременными, весьма поверхностными и не соответствующими действительным умонастроениям тамбовского крестьянства в начальный период русско-японской войны. Представляется адекватным объяснение слабых результатов кружечных сборов летом 1904 г., данное начальником 5-го участка Кирсановского уезда: «В настоящее время волости бедствуют, но, может быть, с наступлением заработков и по окончании благополучной уборки хлебов, найдутся жертвователи и кружки начнут наполняться»¹³⁵. Земские начальники, постоянно взаимодействующие с органами крестьянского волостного самоуправления, знакомые с сельским бытом, отдавали себе отчет в прозаичности причин, по которым крестьяне неохотно и в малом количестве жертвовали денежные средства в рамках данного патриотического почина: в летние месяцы, перед уборкой нового урожая, когда потреблялись остатки старого, материальное положение многих крестьянских семей было весьма тяжелым, если не сказать плачевным. Крестьяне зачастую не имели не то, что хоть сколько-нибудь лишних денежных средств, но им могло не доставать даже продуктов питания. Именно на подобные обстоятельства также указывали в своих отчетах в губернский центр земские начальники целого ряда участков Усманского, Моршанского уездов¹³⁶.

В контексте рассматриваемой проблематики особенно стоит выделить визит в конце июня – начале июля 1904 г. в Тамбовскую губернию императора Николая II, осуществлявшего инспекцию доукомплектовавшихся мобилизованными запасными воинских частей, предполагавшимися к отправке на Дальний Восток для усиления действующей армии. События, связанные с посещением царем Моршанска, а затем и Тамбова, сами по себе свидетельствовали не только о распространенности монархических настроений среди различных социальных групп населения губернии, но и стали своего рода источником, первопричиной их всплеска летом 1904 г.

Николай II прибыл в г. Моршанск 27 июня, намереваясь дать смотр мобилизованным нижним чинам Юхновского, Тарусского, Епифанского и

¹³⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5714. Л. 53.

¹³⁶ Там же. Л. 42, 76.

Куликовского пехотных полков. Известие о прибытии императора вызвало самый настоящий ажиотаж не только среди жителей города, но и среди крестьянского населения близлежащих волостей. Количество желающих увидеть и приветствовать самодержца было столь значительно, что встречающая публика в буквальном смысле заполонила все улицы и площади Моршанска. Эффект от визита царя усиливался тем обстоятельством, что к встрече с ним были допущены не только гласные городской думы и депутация дворян Моршанского уезда, но и представители городской общественности в лице членов местного комитета общества Красного Креста, рабочих суконной фабрики Асеевых. На торжественном богослужении в Троицком соборе, наряду с должностными лицами, также присутствовали и верхи городского общества. Крестьяне и рядовые горожане имели возможность увидеть императора на плацу во время проведения смотра мобилизованных. На всем пути передвижения Николая II по городу его повсюду встречали восторженные приветствия встречающих. При этом, по свидетельствам очевидцев, несмотря на чрезвычайное эмоциональное возбуждение публики, нарушений общественного порядка не происходило, царил полный порядок¹³⁷.

Схожие картины народного ликования по поводу визита царя наблюдались и в губернском центре, который император посетил 2 июля 1904 г. на обратном пути из Пензы. В последние дни июня перед губернской и городской администрацией встал вопрос об охране общественного порядка в Тамбове во время приезда Николая II. Живейший отклик среди монархически настроенного крестьянства вызвала идея обеспечить охрану особы царя, сопровождающих его членов правящей династии, поддержание общественного порядка из «числа лиц известных и вполне благонадежных». Жители Сосновской, Мельгуновской и Лаврской волостей Тамбовского уезда избрали для этого своих представителей, снарядили и отправили их в Тамбов под руководством земского начальника 10-го участка уезда¹³⁸.

¹³⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5667. Л. 170-170 об.

¹³⁸ Там же. Л. 73.

Довольно подробное описание пребывания императора в городе, хотя и не лишенное значительной степени экзальтированности, содержится в июльском 1904 г. номере «Тамбовских епархиальных ведомостей». По словам корреспондента, в Тамбове заранее готовились к высочайшему визиту: улицы, причем не только пути предполагаемого движения царя и его свиты, тщательно чистились и прибирались, в окнах торговых заведений выставлялись портреты императора и императрицы, домовладельцы украшали фасады своих домов цветами, повсюду развешивались национальные флаги.

Николай II прибыл на железнодорожный вокзал губернского центра в 11 часов 15 минут, но уже за несколько часов до его приезда встречающая публика заполнила все места движения и пребывания царского кортежа – главные улицы города, площадь перед Спасо-Преображенским кафедральным собором, загородный плац. Первую встречу с губернскими властями и представителями населения император провел в специально декорированном по этому случаю зале первого класса железнодорожного вокзала. Хотя она и была непродолжительной, впечатлял масштаб представительства на ней различных социальных групп: общения с царем, как и в Моршанске, были удостоены представители губернского и уездного земства, городской думы и управы, волостные старшины близлежащих уездов, делегации местного дворянства, тамбовских мещан, рабочих Тамбовских мастерских Рязанско-Уральской железной дороги и даже еврейских общин Тамбова, Козлова, Кирсанова и Борисоглебска. Такого рода церемонии, имевшие почти ритуальный характер, призваны были символизировать единение всех общественных сил вокруг монарха в условиях войны и продемонстрировать ему глубину верноподданнических чувств населения губернии.

Атмосфера, царившая вокруг движения царского кортежа по улице Дворянской к Соборной площади, была даже более торжественной, чем при встрече императора в Моршанске, и наглядно свидетельствовала о широте распространения монархических настроений среди жителей города и крестьянства близлежащих волостей. Проезд самодержца и его свиты сопровождался нескончаемыми криками «ура» со стороны ликующих толп народа, нескончаемым

звоном колоколов, по мере продвижения к кафедральному собору царя встречали тожественные процессии прихожан Уткинской церкви и собора Казанского монастыря и духовенства, шедшие крестным ходом с хоругвями и крестами. Появление Николая II на паперти кафедрального Спасо-Преображенского собора толпа приветствовала обнажением голов и криками «ура». О масштабности торжественной встречи императора свидетельствует хотя бы тот факт, что, по наблюдениям корреспондента «Тамбовских епархиальных ведомостей», даже на загородном плаце, где производился смотр Кромскому, Мценскому, Борисоглебскому и Кирсановскому пехотным полкам, собралось до 20-25 тыс. человек, стремившихся увидеть царя. При этом вся численность населения Тамбова в тот период едва превышала показатель в 50 тыс. человек.

Скорее всего, свидетельства корреспондента епархиального издания о том, что присутствующие при объезде императором выстроженных полков зрители не могли удержаться от слез радости и умиления, о толпах народа, бежавших за царским поездом после его отбытия из Тамбова и осенявших его крестным знаменем, необходимо отнести на счет преувеличений свидетеля, явно являвшегося адептом представлений о патриархально-семейном характере взаимоотношений царя и его подданных¹³⁹. Однако и ставить под сомнение масштабность и глубину проявления верноподданнических чувств населением губернии, проявившихся в ходе визита царя и отраженных в упомянутом источнике, оснований не имеется.

Монархические настроения среди жителей посещенных Николаем II городов империи поддерживались и тем имевшим общественный резонанс обстоятельством, что им выделялись личные денежные средства для оказания материальной поддержки беднейшим обывателям. Для помощи жителям Моршанска было выделено 2 000 руб., жителям Тамбова – 3 000 руб. При этом размер такого рода выплачиваемых пособий в Моршанске колебался от 2 до 5 руб., в Тамбове уже увеличивался до 10-15 руб.¹⁴⁰

¹³⁹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1904. 10 июля.

¹⁴⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5668. Л. 302, 343, 344.

Все описанные события могли свидетельствовать в пользу исключительной устойчивости консервативно-монархического сегмента в общественном сознании населения одного из типичных аграрных регионов центра европейской части Российской империи. Тем более удивительной представляется динамика общественно-политических настроений, одним из основных трендов которой станет начало постепенной эрозии лоялизма по отношению к институту самодержавной власти и личности главы правящей династии Романовых, кризиса традиционной легитимности монархического режима даже среди тех социальных групп, которые в силу преобладания консервативно-патриархальной ментальности считались надежной социальной опорой самодержавия в России. Попытаемся выявить состав и проанализировать действие тех факторов, которые и привели к развитию подобных социально-политических тенденций.

Во-первых, по нашему мнению, нельзя исключать действие такой причины, как проведение весной-летом 1904 г. первых волн мобилизации пребывающих в запасе нижних чинов. В оценке ее воздействия на умонастроения крестьянства, которое в наибольшей мере оказалось затронуто призывом, сошлемся на мнение одного из наиболее известных специалистов в области гендерной истории и знатока крестьянской повседневности, тамбовского исследователя П. П. Щербинина. Им обращается внимание на такие обстоятельства, как время проведения мобилизационных мероприятий, приходившихся на период весенне-летних полевых работ, когда призыв мужчин-работников во время страды грозил разорением хозяйства и ставил их семьи в тяжелое материальное положение, а также широко распространенную практику мобилизации запасных старших возрастов, многие из которых были обременены большим количеством иждивенцев в семьях. Последнее представлялось крестьянам особым произволом, поскольку бытовала убежденность в том, что подобная практика прямо противоречит воле императора, якобы запретившего призыв запасных, имевших многочисленные семьи¹⁴¹. Столкновение сельского народонаселения с социально-

¹⁴¹ Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Монография. Тамбов: Юлис, 2004. С. 189-192.

политическими реалиями, довольно жестко развенчивающими подобные иллюзии и надежды, думается, не прибавляло авторитета в его глазах ни представителям местной власти, ни лично монарху.

Вторым фактором постепенной делегитимации самодержавной власти, имевшим наибольшее значение, мы видим, очевидно, проявившее себя на рубеже 1904-1905 гг. противоречие между явно завышенными ожиданиями общества в отношении хода и результатов кампании на дальневосточном театре и той военно-политической обстановкой, которая складывалась в действительности. Во многом эти завышенные ожидания формировались в атмосфере крайней степени психоэмоционального возбуждения, охватившего различные слои провинциального социума под воздействием официальной военной пропаганды.

Небезынтересным в связи с этим представляется сделать небольшой экскурс в то, каким образом официальная пропаганда конструировала образ врага в сознании обывателей. Специалист в области военно-исторической антропологии Е. С. Синявская указывает на наличие двух направлений в формировании средствами российской пропаганды стереотипов в восприятии противника в массовом сознании в самом начале русско-японской войны. С одной стороны, населению внушалась мысль о принадлежности японцев к абсолютной иной, чуждой и даже совершенно варварской, языческой по духу цивилизации. Подобные установки довольно органично вписывались в доминирующий в официальном пространстве идейно-политический дискурс об особости, уникальности и избранности российской цивилизации, и находили отклик у объекта воздействия. С другой, образ жестокого и коварного врага сочетался с целенаправленным формированием совершенно уничижительного, доходившего порой до карикатурности, к нему отношения¹⁴². Л. В. Жуковой при этом подчеркивается, что действенность указанных направлений пропаганды достигалась, в том числе, особыми лексическими средствами – устойчивыми словосочетаниями, подчеркивающими свирепость, кровожадность противника и, одновременно, его

¹⁴² Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 28-29, 35.

ничтожность, презренность («желтолицые островитяне», «желтомордые макаки» и т. д.)¹⁴³, также довольно часто использовался тезис об иноверческой, языческой сущности противника¹⁴⁴.

При этом в средствах массовой информации такого рода уничижительное отношение формировалось не только в отношении оценки боевых качеств армии и военно-морского флота Японии, но даже и применительно к японцам как к представителям определенной этнической общности с набором присущих ей внешних физических качеств. Так, корреспондент одного из наиболее авторитетных российских изданий консервативно-охранительной направленности – журнала «Русский вестник» – таким образом представлял своим читателям образ типичного японца: довольно низкий рост, тщедушный внешний образ, чрезвычайно некрасивые черты лица, внешняя схожесть некоторых из них с обезьянами, особенно усиливающаяся в старости¹⁴⁵.

Для значительной части крестьянского населения Тамбовской губернии, являвшейся неграмотной или малограмотной, подобные пропагандистские штампы и паттерны формировались преимущественно средствами визуальной пропаганды – плакатами и лубочными картинками, в обилии выпускаемыми в период русско-японской войны. Э. А. Воробьевой, обстоятельно исследовавшей влияние данных средств на формирование образа противника в массовом сознании, отмечается, что изображения русского солдата, матроса или казака и его японского визави носили явно контрастирующий характер. Крупной фигуре русского воина с богатырским телосложением противопоставлялся хрупкий, маленький японец с уродливыми чертами лица. Во-вторых, постоянной темой такого рода плакатов и картинок являлся закономерный итог противостояния между этими противниками – победа русского солдата, моряка над противником, его уничтожение. Наконец, они сопровождались носящими сатирический характер надписями,

¹⁴³ Жукова Л. В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сборник статей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. Вып. 2. С. 350.

¹⁴⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. 8 января.

¹⁴⁵ Русский вестник. 1904. № 5.

комментирующими изображения и выдержанными в целях наилучшего восприятия массами в духе народного фольклора¹⁴⁶.

Стоит ли удивляться тому, что в подобных условиях практически во всех слоях провинциального социума в первый период войны росла и крепла убежденность в скором и победоносном окончании войны, доминирующими были настроения шапкозакидательского характера. Весьма иллюстративным примером всего этого являются зарегистрированные тамбовскими губернскими властями факты быстрого и довольно массового распространения слухов в городах губернии о якобы одержанных масштабных победах над японцами. К примеру, уже в начале февраля 1904 г. в Козлове стали распространяться слухи о потоплении российской тихоокеанской эскадрой 11 японских крейсеров и взятии в плен многотысячного десанта, высаженного японским флотом¹⁴⁷. Немного позднее, в апреле 1904 г. уже в губернском центре обыватели радостно делились друг с другом «совершенно надежными», как им казалось, известиями о разгроме и пленении 30-тысячной группировки японских войск во главе с ее командующим¹⁴⁸.

Но подобного рода стереотипы и ожидания рано или поздно должны были столкнуться с суровой и горькой реальностью. Поступавшая с дальневосточного театра боевых действий информация заметно расходилась с первоначальными ожиданиями. И чем большим становился разрыв между надеждами на скорую и быструю победу и действительным положением вещей, тем более очевидным для многих становилась беспомощность официальной пропаганды в попытках объяснить и интерпретировать постоянные поражения и неудачи в ходе войны. Так, предводитель дворянства в Кирсановском уезде В. М. Андреевский таким образом характеризовал этот диссонанс: «Я вернулся в Тамбов к моим предводительским обязанностям и сельско-хозяйственным заботам. Потекли хмурые дни и начались уязвления нашей национальной гордости. Ни одной удачи, ни одного славного

¹⁴⁶ Воробьева Э. А. Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904-1905 годов // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 9. С. 362-368.

¹⁴⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3651. Л. 46.

¹⁴⁸ Тамбовские губернские ведомости. 1904. 30 апреля.

дела. Мы только и делали, что читали об «отступлениях на заранее подготовленные позиции», как писали наши штабные мудрецы, не подозревавшие очевидно всего растлевающего значения этой фразы. А от времени до времени переживали и болезненные удары вроде гибели Макарова, сдачи Порт-Артура и, наконец, Цусимский разгром... Ужасное время!»¹⁴⁹.

Надо отметить, что довольно примитивными были и попытки православного духовенства объяснить характер и причины неудач в войне с Японией для крестьянской массы. 15 января 1905 г. «Тамбовские епархиальные ведомости» публикуют статью священника Н. Дмитриевского «Отблески нового года». Пытаясь дать священникам ориентир в деле наставления прихожан в духе верности престолу, он рисовал совершенно лубочные картины героизма русских войск во время боевых действий в Маньчжурии, объяснял неудачи (гибель броненосца «Петропавловск» вместе с командующим тихоокеанской эскадрой адмиралом С. О. Макаровым, капитуляцию крепости Порт-Артур) гневом божьим, карой, постигшей народ за неверие и маловерие¹⁵⁰.

В конце января – начале февраля 1905 г. по всем церквям Тамбовской губернии духовенство оглашает прихожанам обращение Святейшего Правительствующего Синода от 14 января, в котором затрагиваются вопросы сложившейся ситуации на театре боевых действий и печально известные события в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г. В духе уже упомянутой тенденции причину череды последовавших поражений армии и флота высший орган руководства Русской православной церковью усматривал в гордыне и самонадеянности, отсутствии осознания народом своих грехов, чувства покаяния и смирения. Однако появились и иные трактовки неудач, обусловленные, как нам представляется, особенностями социально-политической ситуации и началом революционного брожения. Зачитывая послание Синода, священнослужители внушали прихожанам

¹⁴⁹ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

¹⁵⁰ Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. 15 января.

мысль о том, что затруднения в снабжении армии и флота на Дальнем Востоке, направлении туда дополнительных подкреплений являются и следствием беспорядков и междоусобицы, организованных на денежные средства, щедро направляемые японцами для дестабилизации внутренней ситуации в России. В результате слушатели подобных проповедей должны были усвоить одну простую мысль: выступление против самодержавия отвечает интересам внешнего врага и ведет к гибели России¹⁵¹.

Очевидно, что диссонанс между нарисованной официальной пропагандой картиной и усиливающимся потоком информации о плачевном положении дел на фронте порождало состояние фрустрации, затрагивающее все более широкие круги провинциального общества. Инерция пропагандистской машины государства, продолжающей отрабатывать прежние нарративы, ее неспособность дать адекватное понимание текущей военно-политической ситуации лишь углубляли и усиливали подобное состояние. В конечном счете последовал совершенно закономерный и предсказуемый откат. Упомянутые нами выше особенности политической культуры российского социума заставляли в поиске причин неблагоприятного хода войны многих ее носителей персонализировать такие факторы. И в качестве виновников очень часто определялись не отдельные представители административного или военного аппарата: на такую роль общественное сознание стало назначать личность самодержца, выражавшего собой существующий государственно-политический режим. Гротескным и ничтожным постепенно становился не японец с народных картинок, а сам институт самодержавия. Так, некоторыми исследователями социально-политической ситуации в России в период русско-японской войны подмечается совершенно новое явление, иллюстрирующее данный тезис. Указывается то, что в народном творчестве после падения Порт-Артура частушки ура-патриотического содержания начинают меняться на критикующие верховное командование и лично царя,

¹⁵¹ Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. 22 января; 29 января.

который становится позже и отрицательным героем сатирического фольклора и произведений литераторов¹⁵².

В уже упомянутых воспоминаниях В. М. Андреевского мы находим свидетельства того, что лояльность к самодержавию верхов провинциального дворянства, земских кругов, представителей городского самоуправления начинала давать трещины. В частности, им фиксируются факты резкой критики существующего строя, ведения разговоров о свержении «ненавистного царизма» такими лицами, как председатель Борисоглебской уездной земской управы Измайлов, член губернской земской управы Брюхатов, уездный предводитель дворянства Новосильцов¹⁵³.

Размывание патриархального политического уклада, основой которого являлась безусловная преданность самодержцу, становится очевидным и среди крестьянского населения Тамбовской губернии.

Как свидетельствуют документы канцелярии тамбовского губернатора, куда регулярно поступали отчеты об умонастроениях местного населения, их динамике, распространение не просто критических, а резких, обвинительных по своей тональности и содержания, а, в ряде случаев и откровенно оскорбительных высказываний в отношении личности императора и членов правящей династии, фиксируется уже в декабре 1904 – январе 1905 гг.

Именно в это время среди населения активно циркулирует информация о неудачном исходе сражения под Ляояном, безрезультатных боях на р. Шахэ, капитуляции гарнизона военно-морской крепости Порт-Артур. Надо отметить, что своего рода «информационную войну» в части освещения событий на театре боевых действий и, самое главное, их интерпретации официальная печать, местная администрация и полиция проигрывали представителям различных антиправительственных групп. В эти зимние месяцы среди сельского населения

¹⁵² Гладкая Е. А. Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 3. С. 72.

¹⁵³ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025).

губернии довольно интенсивно распространялись революционные прокламации и брошюры антивоенного и антимонархического содержания с характерными названиями «Порт-Артур пал», «Война против войны», «Порт-Артур и Ляоян», «В борьбе ты обретишь право свое», «Какая политическая свобода нужна русскому народу», «Новое крепостное право», «Беседы о земле», «Дворянский царь». Бывали случаи, когда неграмотные крестьяне, будучи не в состоянии разобраться с содержанием революционных прокламаций, передавали их местной администрации и чинам полиции, как это произошло в селе Тюменевка Дудкинской волости Шацкого уезда¹⁵⁴. Однако, куда как более распространенными были иные ситуации. Земский начальник 5-го участка того же Шацкого уезда прямо признал, что из данных прокламаций, листовок и брошюр «ничтожный процент попадает в руки полиции и местных властей», а сами они «передаются из рук в руки и оставляют глубокий след в умах»¹⁵⁵.

Вполне объяснимым последствием действия данных обстоятельств стали проявления уже антимонархических настроений. Не поверхностный и не случайный их характер, по нашему мнению, подтверждается активным использованием крестьянами обценной, инвективной лексики при упоминании в разговорах личности императора применительно к военным событиям. Так, губернские власти уведомялись о том, что в январе 1905 г. между двумя крестьянами села Рудовка Кирсановского уезда состоялся разговор о войне с Японией и тяжелом положении воюющих российских солдат. В ответ на суждение одного из них о том, что и императору приходится несладко, другой резко возразил: «...солдату трудно-то трудно, а что касается Государя, то ему не х.. делать... Какого же х.. нашему царю делать, он живет себе в Москве спокойно, как его самого послать на войну, он бы вытряс свое брюхо. Японский царь сам воюет, а наш царь сидит»¹⁵⁶. Стесняясь дословно отражать содержание неллицеприятных высказываний об особе самодержца, местные чиновники из Шацкого уезда

¹⁵⁴ ГАТО. Ф. 4 Оп. 1. Д. 5927. Л. 29, 30.

¹⁵⁵ Там же. Л. 106-106 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 78.

информировали о поминовании одним подвыпившим по случаю свадебных торжеств крестьянином «скверноматерными словами Его императорское Величество Государя Императора»¹⁵⁷.

Особое раздражение, как свидетельствуют документы, у крестьян вызвала и фигура ставшего жертвой революционного террора московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. К примеру, в феврале 1905 г. крестьянин села Беломестная Двойня в состоявшемся разговоре на станции Сабурово Козловского уезда резюмировал сообщение собеседника о гибели великого князя следующим образом: «х... с ним, туда и дорога», добавив «что Великий Князь не нужен нам, а нужны японцы»¹⁵⁸. В представлениях крестьян, сформированных под влиянием слухов, революционной пропаганды, фигура погибшего генерал-губернатора ассоциировалась с фактами разворовывания вещей, собиравшихся общественностью для оказания помощи воюющей армии: «...туда и дорога, чего искал, то и нашел, там наши солдатки бедные голодают и холодают, в Москве какой-то фабрикант пожертвовал на большие тысячи простыни и прочее, а он утаил..., ...так его и надо, чтобы они не грабили и жертвенного одеяла не тратили», – утверждали некоторые крестьяне Тамбовского и Борисоглебского уездов при обсуждении известий о террористическом акте в отношении представителя правящей династии¹⁵⁹.

На этом фоне фиксируемые высказывания жителей сельской глубинки о том, что «наш Государь вор», «Ваш Государь ничего не делает, а только отправляет свои естественные потребности», «на кой черт мне нужен Государь Император»¹⁶⁰, вполне могли бы быть расценены, выражаясь современным языком, как примеры сравнительной политкорректности.

Нередко от обсуждения личных качеств самодержца и членов правящей династии крестьяне могли перейти и к обобщениям более широкого характера и

¹⁵⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 148.

¹⁵⁸ Там же. Л. 164-164об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 144, 165-165об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 32, 85, 147-147об.

масштаба. Так, в декабре 1904 г. на сходе в селе Каверино Агишевской волости Шацкого уезда один из сельчан рассказывал другим об обширности территорий России и ненужности вследствие этого Порт-Артура, а также и «единодержавного правления»¹⁶¹. В конце января 1905 г. крестьяне села Копыла Борисоглебского уезда следующим образом обсуждали события, случившиеся в Санкт-Петербурге 9 января: «Государь неправильно поступает, отчего происходит бунт, и поделом быть бунту»¹⁶². В это же время в селе Шехмань Липецкого уезда вольноопределяющийся фельдшер из числа местных крестьян и вовсе рассуждал о необходимости поучиться у своего противника – Японии, о дурности государственных порядков в Российской империи и «неповиновении распоряжениям Его Величества и постановлениям властей»¹⁶³.

Фиксируя подобные факты нелюбезных и оскорбительных высказываний в адрес императора, членов династии, свидетельствующие о формировании в политическом сознании лиц, их допускающих, антимонархических установок, важно не впасть в крайность иного свойства: не преподнести это как всеобщую тенденцию, не распространить подобный образ мыслей на все тамбовское крестьянство. То обстоятельство, что многие из приведенных выше фактов становились известными в канцелярии тамбовского губернатора, свидетельствовало и о распространенности явления прямо противоположного свойства. Часть представителей крестьянства, особенно женского пола, считали своим безусловным долгом сообщать должностным лицам волостного правления, чинам полиции, уездным земским начальникам о подобных событиях. И в этом нельзя не усмотреть проявлений их верноподданнических чувств, сохранения лояльности по отношению к институту монархии, несмотря на всю неблагоприятность военно-политической ситуации и социально-политического фона.

¹⁶¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 77-77об.

¹⁶² Там же. Л. 94.

¹⁶³ Там же. Л. 131-131об.

Но вместе с тем, в такого рода суждениях и высказываниях, даже принимая во внимание и стремление доносчиков где-то приукрасить, усилить тональность их содержания, проявлялась весьма опасная тенденция к началу процесса политизации крестьянства, что было не характерно для менталитета селян в довоенный период. Переход от критики монарха к сомнению в целесообразности самого существования института самодержавного правления свидетельствовал о начале кризиса и деформации консервативно-монархической политической картины мира в умонастроениях крестьянства в Тамбовской губернии. Подобные тенденции под воздействием фактора поражения в войне находили свое проявление и в общественно-политическом сознании представителей иных социальных групп провинциального социума.

1.3 Монархические настроения в общественном сознании населения Тамбовской губернии в годы Первой русской революции

Нарастание противоречий между самодержавным режимом, не желавшим идти на какие-либо уступки требованиям общества о модернизации и либерализации государственного строя Российской империи, стало очевидным задолго до событий 9 января 1905 г., переведших конфликт в наиболее острую его фазу. Взаимная отчужденность начала проявлять себя существенно ранее. И в условиях войны с Японией, как это нами уже отмечалось в предшествующем изложении, частью пропагандистских усилий официальной печати и церкви становилось поддержание верноподданнических и патриотических настроений путем клеймения, навешивания ярлыков о сотрудничестве с внешним врагом в отношении представителей тех социальных и политических сил, которые проявляли оппозиционность в отношении самодержавия, прямо или косвенно выступали за масштабные политические и социально-экономические преобразования в стране. Именно такого рода установки пыталась сформировать

официальная пропаганда в сознании тех слоев провинциального социума, которые отличались лояльностью по отношению к институту самодержавной монархической власти.

Так, еще 8 января 1905 г., как будто предвосхищая события 9 января в столице и последующее революционное брожение, «Тамбовские епархиальные ведомости» публикуют текст проповеди епископа тамбовского и шацкого Иннокентия, произнесенной им в ходе новогоднего молебствия. В этой проповеди тамбовский иерей прямо указывает на то, что у России есть враги не только внешние, но и внутренние – все те, кто «поднял знамя своей крамолы», «потребовал себе громко и ясно свободы и воли разливать беспрепятственно яд своей лжи, обмана и развращения». Прихожан епархии он наставлял в том духе, что одоления внешнего врага в лице коварных японцев недостаточно, для конечной победы надо искоренить и врагов внутренних – покушающихся на незыблемость самодержавия изменников¹⁶⁴.

В данном контексте совершенно неудивительно то, каким образом преподносился расстрел манифестации 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге и какова была реакция консервативно настроенных слоев населения Тамбовской губернии на эти события. К примеру, 16 января 1905 г. «Тамбовские губернские ведомости» следующим образом описывали выраженное тамбовскими фабрично-заводскими рабочими отношение к манифестации и вспыхнувшему после ее расстрела забастовочному движению на промышленных предприятиях столицы: они расценили забастовку как организованную на деньги англичан и японцев с единственной целью максимально помешать подготовке отправления формирующейся в балтийских портах 3-й Тихоокеанской эскадры для усиления действующих на дальневосточном театре морских сил, а самих петербургских забастовщиков как жертв революционной пропаганды¹⁶⁵.

20 января 1905 г. в тамбовских железнодорожных мастерских в присутствии более чем 1000 рабочих, некоторые из которых пришли с членами своих семей,

¹⁶⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. 8 января.

¹⁶⁵ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 16 января.

генерал-губернатора В. Ф. фон дер Лауница, прокурора окружного суда Н. М. Белявского, уездного воинского начальника В. Г. Веселовского, а также тамбовского епископа Иннокентия было отслужено торжественное молебствие в ознаменование твердой верноподданнической позиции тамбовских рабочих, которые не поддержали волну забастовочного движения и не прекратили работ в этот период¹⁶⁶. Корреспондент «Тамбовских губернских новостей» с восторгом констатировал присущее рабочим, как и всяким русским людям, чувство глубокой любви к Богу и самодержцу как его помазаннику, которое не удалось поколебать внешним и внутренним врагам¹⁶⁷.

Столь же спокойными и невосприимчивыми к забастовочной пропаганде оказались и рабочие борисоглебских железнодорожных мастерских, также не прекратившие работ. Губернской печатью отмечалось, что революционно настроенные агитаторы пытались убедить персонал мастерских примкнуть к протестному движению рабочих, однако не преуспели в таких действиях. По этому поводу здесь также прошло торжественное молебствие, привлекшее довольно значительное количество рабочих и членов их семей¹⁶⁸.

Необходимо сказать, что указанная нами расстановка акцентов в осуществлении официальной пропаганды, воедино сплетавшая патриотические и верноподданнические мотивы, возымела определенный эффект в части актуализации монархических настроений и даже канализации их в наиболее активные формы демонстрации – открытого противодействия проявлениям революционно-освободительного характера. Особенно это было характерно для городского народонаселения губернии и таких его социальных страт, как мещане, купцы, мелкие торговцы и лавочники, ремесленники, служащие торговых заведений, предприятий, оказывающих услуги бытового характера населению и т. д.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1905. Д. 4 ч. 59. Л. 12-12об, 13.

¹⁶⁷ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 22 января; 4 февраля.

¹⁶⁸ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 4 февраля.

Весьма показательный в этом отношении случай произошел в феврале 1905 г. в Елатье. Здесь городские обыватели, поддержанные крестьянами пригородных сел, своим активным противодействием сорвали проведение протестной акции – демонстрации елатомских гимназистов. При этом, по свидетельству елатомского уездного исправника, степень конфликтности ситуации была такова, что перерастания перепалки в рукоприкладство по отношению к ученикам гимназии удалось избежать лишь благодаря вмешательству полиции, которая, по сути, спасла последних от избиения. Им же констатировался довольно высокий градус бытовавшего среди мещан недовольства повторяющимися выступлениями учащейся молодежи. Последних презрительно называли «гимназерами», «светлыми пуговицами», задевали их фразами типа: «Вы что это надумали? ... за японца? ... вот мы вас!». Такого рода настроения среди жителей небольшого уездного города и, самое главное, готовность воплощать их в конкретные действия стали, по наблюдениям уездного исправника, одним из главных факторов успокоения гимназической среды и прекращения в тот период их выступлений¹⁶⁹. Характерно, что в апреле 1905 г. среди обывателей той же Елатьмы начали активно циркулировать слухи о якобы готовящихся гимназистами и находящимися в городе студентами высших учебных заведений праздновании 1 мая и организации в связи с этим масштабной демонстрации. Основной реакцией консервативно настроенных горожан на такого рода намерения представителей учащейся молодежи, по свидетельству должностных лиц местного полицейского ведомства, было желание «маленько поучить их»¹⁷⁰.

Этот казус был далеко не единичным. Аналогичные факты регистрировались и в других городах Тамбовской губернии. Так, из сообщения козловского полицмейстера, адресованного тамбовскому губернатору В. Ф. фон дер Лауницу, мы узнаем, что планируемая учениками старших классов коммерческого училища в феврале 1905 г. манифестация в г. Козлове не состоялась. В качестве причины ее срыва полицмейстер указывал опасения со стороны учащихся даже не столько в

¹⁶⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5862 ч. 2 (т. 2). Л. 351-351об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 489-490об.

отношении полиции, сколько в отношении «мясников и базарников», которые могли их избить к вящему удовольствию полицейских чинов¹⁷¹. Моршанский полицмейстер также фиксировал распространенность враждебного отношения к участникам революционных выступлений из учащейся молодежи среди обывателей этого уездного центра Тамбовской губернии в начале весны 1905 г. Оно выливалось в исключительно презрительных и одновременно угрожающих высказываниях мещан вроде следующего: «Вот они, легаши, и вас скоро будем колотить»¹⁷².

Адекватность передаваемых в канцелярию тамбовского губернатора сведений о такого рода умонастроениях среди консервативно настроенной части городских обывателей, отсутствие среди них свойственной представителям административного аппарата привычки давать руководству устраивающую его, а не действительную картину событий, подтверждается и иными источниками. К примеру, в марте 1905 г. вполне либеральная по духу, не ангажированная местной властью «Козловская газета» приводила следующие примеры обывательской реакции в отношении выступлений учащейся молодежи в Козлове: «Ишь-ты, бунтовать вздумали, молокососы! Подрать бы вас хорошенько, по старинному»¹⁷³. Не менее неприязненно обыватели высказывались и в отношении активного стремления студентов вовлечь в протестное движение фабрично-заводских, железнодорожных рабочих и представителей иных социальных групп населения: «...вот погодите, всех вас, чертей, из Козлова»¹⁷⁴.

Активную роль промонархически настроенных обывателей городов Тамбовской губернии в противодействии революционной агитации и выступлениям подчеркивал в своем докладе в Департамент полиции министерства внутренних дел о ситуации во вверенном ему регионе в конце января 1905 г. губернатор В. Ф. фон дер Лауниц. По его свидетельству, «тамбовский торговый

¹⁷¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5862 ч. 2 (т. 2). Л. 479-481об.

¹⁷² Там же. Л. 393-394об.

¹⁷³ Козловская газета. 1905. 15 марта.

¹⁷⁴ Козловская газета. 1905. 13 марта.

люду» проявлял исключительную лояльность, сплотился «против врагов внутреннего порядка», выражал не только несочувствие, но и противодействие революционной пропаганде, тем самым «много содействовал умиротворению»¹⁷⁵.

Представляется, что столь активное проявление лоялизма по отношению к самодержавию, выливавшееся даже в силовое противодействие манифестациям и попыткам ведения революционной агитации, подпитывалось в среде городских обывателей и иными факторами. Как нам кажется, в объяснении подобного явления необходимо учитывать и то обстоятельство, что в городах Тамбовской губернии и в начале Первой русской революции, и в период ее наивысшего подъема главным застрельщиком и участником антиправительственных выступлений выступала именно учащаяся молодежь, удельный вес которой во всех выступлениях горожан в этот период, по подсчетам некоторых специалистов в данной области, составлял 44%¹⁷⁶. Объективной предпосылкой этого являлось и преобладание молодежи вообще в возрастной структуре населения городов Тамбовской губернии в рассматриваемый период¹⁷⁷.

В представлениях обывателей вовлечение молодежи в протестные выступления, выдвижение ею требований относительного совершенствования существующего порядка вещей означало разрыв со сложившейся социальной традицией, ставившей те или иные поведенческие практики в зависимость от достижения возраста, статуса и положения, устоявшимся типом политической культуры. Этого никак не могли себе позволить, не имели на это права еще не сформировавшиеся, не достигшие определенной зрелости, а, самое главное, еще несостоятельные в социальном плане молодые люди. Отсюда, на наш взгляд, и такое уничижительное отношение, выражающееся в вербальных конструкциях вроде «молокососы», «легаша», «подрать бы вас хорошенько» и т. д.

¹⁷⁵ ГАРФ. Ф, 102. Оп. 1905. Д. 2550 ч. 34 (1). Л. 145.

¹⁷⁶ Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. С. 111-118.

¹⁷⁷ Там же. С. 37.

К тому же, презрительно-пренебрежительное отношение к вовлеченной в протестное движение учащейся молодежи могло усиливаться и тем обстоятельством, что в ее среде преобладали выходцы из крестьянства. Так, из обучающихся, к примеру, в Екатерининском учительском институте, студентов почти 70% составляли именно выходцы из крестьянской среды¹⁷⁸. В этом мог отражаться конфликт между представителями т. н. «старых» городских слоев и маргинальной по своему социальному положению массой молодых крестьян, являвшихся, в большинстве своем, жителями городов в первом или втором поколении.

В качестве обстоятельства, способствующего не только укоренению монархических настроений в среде городских обывателей, но и их радикализации, стоит указать на их естественную реакцию в отношении угрозы нарушения привычного образа жизни, ухудшения имущественного и материального положения, которую несли за собой революционные выступления. В упоминавшемся выше случае разгона гимназического шествия в Елатье, довольно значимым мотивом в действиях горожан являлось и опасение на предмет того, что демонстрация учеников в конечном счете выльется в битье стекол в домах и торговых заведениях жителей, разгром городского базара¹⁷⁹. Такого рода опасения и страхи со стороны обывателей были отнюдь не беспочвенными. Исследователи революционной активности учащейся молодежи отмечают наличие довольно сильного бунтарского элемента в этом движении, проявлявшего себя, нередко, в откровенно хулиганских выходках, действиях погромного характера. Более трети вообще всех протестных выступлений в городах Тамбовской губернии, при этом проходивших не только с участием учеников средних учебных заведений и

¹⁷⁸ Броудо А. И. Участие воспитанников Тамбовского Екатерининского института в революции 1905 г. // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области: краткие тезисы докладов на 2-ой областной научной конференции (ноябрь, 1982 г.). Уварово: Типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Тамбовского облисполкома, 1982. С. 11.

¹⁷⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5862 ч. 2 (т. 2). Л. 351-351об.

студентов, стихийно перерастало в проявления тех или иных форм насильственных действий¹⁸⁰.

В конце концов, побуждающим мотивом выступало и все более ухудшавшееся в ходе революционных беспорядков социально-экономическое положение в городах Тамбовской губернии. Особенно это стало ощутимо в период наивысшего накала революционных выступлений – Всероссийской октябрьской политической стачки. Она в буквальном смысле парализовала логистику в городах Тамбовской губернии, сказалась на существенном росте цен на предметы первой необходимости для горожан – продуктов питания, дров, керосина и т. д. Острота положения была такова, что гласные Тамбовской городской думы ввиду постоянно поступающих письменных и устных заявлений избирателей были вынуждены на специальном заседании 14 октября 1905 г. поставить вопрос о введении ценовых такс на такие товары, как хлеб, мука, мясо, соль, сахар, чай, керосин и обратиться по этому поводу в городскую управу¹⁸¹.

Оценивая степень влияния ухудшения экономического положения на умонастроения консервативно настроенной части городского населения губернии, тамбовский губернатор В. Ф. фон дер Лауниц в докладе в Департамент полиции от 17 октября 1905 г. писал следующее: «...Изведенные невозможным положением жизни, торговли, лишённые заработков, выбитые из колеи обычной жизни горожане, все более раздражаясь, готовы принять репрессивные меры против забастовавших революционеров...»¹⁸².

Неудивительно, что такого рода эксцессы имели место быть. Один из них получил особый публичный резонанс. 14 октября 1905 г. очередная манифестация учащихся учебных заведений города, интеллигенции была разогнана промонархически настроенными лицами, подкрепленными солдатами гарнизона. Разгон сопровождался массовым и довольно жестоким избиением манифестантов.

¹⁸⁰ Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 110, 120-121.

¹⁸¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 36. Д. 40. Л. 4, 5, 6.

¹⁸² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5965. Л. 200.

Непропорциональность применения силы была такова, что были вынуждены отреагировать на это событие и гласные Тамбовской городской думы, обратившиеся к губернатору с требованием прекратить подобный произвол и водворить порядок в городе¹⁸³.

О степени готовности монархически настроенных представителей т. н. «старых» городских слоев решительно, даже с применением силы, отстаивать порядок свидетельствуют приводимые А. Н. Плужниковым данные. По его подсчетам, всего за период Первой русской революции состоялось 73 случая относительно массовых выступлений учащейся молодежи. При этом в 8 из них прекращение протестных акций было связано именно с вмешательством обывателей¹⁸⁴. То есть, более чем каждое десятое выступление революционно настроенной молодежи в городах губернии разгонялось консервативно настроенной городской общественностью. По нашему разумению, это довольно убедительное свидетельство степени устойчивости промонархических настроений среди этой части городского населения, пусть и не составляющей его большинства.

Впрочем, проявление лоялизма по отношению к самодержавию среди горожан не было связано исключительно с такого рода крайними формами. Предметом постоянного беспокойства местных властей стали распространяемые представителями революционного подполья листовки и брошюры антиправительственного содержания. Они в обильном количестве стали появляться сразу же после событий 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге. Так, тамбовский полицмейстер 24 января 1905 г. сообщал в губернское правление, что в городском театре во время представления распространялась прокламация с известием о расстреле нескольких сотен рабочих во время мирной манифестации в столице. Полицейскому приставу удалось изъять 15 ее экземпляров¹⁸⁵. Еще ранее, 22 января 1905 г., уже моршанский полицмейстер уведомлял о фактах

¹⁸³ ГАТО. Ф. 17. Оп. 36. Д. 40. Л. 1-1а.

¹⁸⁴ Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 118, 121.

¹⁸⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 73.

распространения на городской базарной площади размноженных на гектографе листовок «Письмо священника Гапона к рабочим», в которых содержался призыв к рабочим, интеллигенции и студентам активно включаться в освободительную борьбу с самодержавием¹⁸⁶. Показательно, что, учитывая установленные факты распространения революционных листовок и прокламаций через почтовые сообщения и посылки, руководство местного полицейского ведомства ходатайствовало перед губернатором о введении контроля за всеми почтовыми сообщениями, однако предварительное обязательное вскрытие всей почтовой корреспонденции тамбовским губернатором было не санкционировано¹⁸⁷.

Весьма эффективно чинам полиции в противодействии распространению такого рода листовок уже с самого начала революционного брожения содействовали именно представители таких социальных страт городского населения, как купцы, лавочники, ремесленники, приказчики, мещане. Именно их деятельная поддержка, как отмечается некоторыми исследователями, способствовала тому, что значительная часть прокламаций и листовок в городах не достигала своих адресатов, а листовки, наклеенные на фасады зданий, часто соскабливались, даже не дожидаясь полицейских¹⁸⁸. Показательна оперативная реакция на распространение революционных брошюр и прокламаций со стороны борисоглебских обывателей в марте 1905 г.: в большом количестве они были собраны и сданы представителям местных властей и полицейским¹⁸⁹.

В качестве носителей промонархических идей в годы Первой русской революции выступали представители и такой социальной группы городского народонаселения, как фабрично-заводские рабочие. Как мы уже указывали ранее, в начальный период революции одна из наиболее многочисленных и организованных категорий данной социальной группы – железнодорожные рабочие – в значительной своей части отказались поддержать стачечное движение

¹⁸⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5927. Л. 74.

¹⁸⁷ Там же. Л. 107.

¹⁸⁸ Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 194-195.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906 (II). Д. 9 ч. 41. Л. 17-18об.

и осудили за участие в них санкт-петербургских рабочих. Несмотря на то, что осенью 1905 г. именно железнодорожные рабочие стали наиболее активными участниками Всероссийской октябрьской политической стачки, губернские власти не рассматривали фабрично-заводских рабочих в целом как ту социальную группу, которая отличалась нелояльностью по отношению к самодержавному режиму. Давая в октябре 1906 г. характеристику общественно-политическим настроениям основных социальных групп населения губернии, тамбовский губернатор Н. П. Муратов обращал внимание своих адресатов в Департаменте полиции Министерства внутренних дел, что «фабричное население» в губернии немногочисленно, инертно в политическом отношении, не подвержено влиянию каких-либо политических сил. Его участие в забастовочном движении вовсе не свидетельствовало об антимонархических настроениях, сразу же сворачиваясь, как только власти и администрации предприятий шли на удовлетворение их экономических требований. Революционным духом, по мнению губернатора, были заражены только железнодорожные рабочие¹⁹⁰.

Но даже в отношении железнодорожных рабочих, как показывала практика, вполне можно было добиться лояльности, удовлетворив их насущные чаяния экономического характера. Губернатор В. Ф. фон дер Лауниц еще в начале 1905 г. в докладе в Департамент полиции отмечал взрывоопасность ситуации среди железнодорожных рабочих г. Борисоглебск. Однако их удалось успокоить, найдя и устранив первопричину недовольства – неправильный расчет заработной платы перед праздниками¹⁹¹. После этого, как мы уже видели, эти же рабочие отметились массовым участием в молебствиях промонархической направленности.

Особый всплеск проявления монархических настроений в городах Тамбовской губернии приходится на период, последовавший вслед за подписанием манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Причину его мы усматриваем в том, что предоставление гражданских и политических свобод отвечало интересам

¹⁹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906 (II). Д. 828 ч. 14. Л. 4.

¹⁹¹ Там же. Оп. 1905. Д. 4 ч. 59. Л. 13.

значительной части городского народонаселения. В отношении же консервативно настроенных горожан можно сказать, что институционализация обладающей законодательными полномочиями Государственной Думы рассматривалась ими в качестве волеизъявления самодержца, которое способно стабилизировать социально-политическую ситуацию и прекратить волну революционных беспорядков. К примеру, 18 ноября 1905 г. усманский городской голова просил разрешения губернатора на напечатание и раздачу в Усмани выпущенного Воронежской городской управой листка «Православные русские люди», где осуждалась большая смута на Руси, предлагалась поддержка самодержцу в управлении страной с помощью сановников, и в тоже время возлагались надежды на будущую Думу, которая должна была все исправить¹⁹².

Немалое рвение в выражении верноподданнических чувств выказывали органы местного самоуправления. В октябре 1905 г. все думы уездных городов губернии проявили свою преданность царю. Так, 20 октября 1905 г. состоялось экстренное заседание Тамбовской городской думы по поводу направления всеподданнейшего адреса царю с выражением верноподданнических чувств¹⁹³. Городской голова предложил думе выслушать высочайший манифест, депутаты при этом стояли, затем поставил вопрос о вознесении молитвы о здравии императора. Заседание, в связи с этим, было прервано приглашенным духовенством, в думском зале был отслужен благодарственный молебен. После него гласные исполнили гимн «Боже, царя храни», и прозвучало троекратное единодушное «Ура». Председатель предложил в воскресенье, 23 октября, совершить на одной из городских площадей публичный молебен с участием архиепископа Иннокентия, а губернатор должен был оповестить об этом общественность¹⁹⁴. Отдельно от городской думы тамбовский городской голова 21

¹⁹² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 111-112.

¹⁹³ Там же. Л. 4.

¹⁹⁴ Там же. Л. 5-5об.

октября 1905 г. изъявил верноподданство «с выражением одушевляющих чувств беспредельной горячей благодарности за дарование манифеста 17 октября 1905 г.»¹⁹⁵

В конце октября 1905 г. Борисоглебская городская дума выражала монарху верноподданнические чувства за манифест 17 октября, за что получила в ноябре того же года высочайшую резолюцию «прочел с удовольствием»¹⁹⁶. К ней присоединялись обыватели Козлова, за что удостоились именного ответа от вице-губернатора Н. Е. Богдановича «сердечно благодарю верных козловских жителей»¹⁹⁷. В ноябре-декабре 1905 г. волна такого рода демонстраций лояльности охватила органы местного самоуправления практически всех уездных городов Тамбовской губернии.

В этот период, несмотря на широкий размах так называемых «аграрных беспорядков» в выражение преданности престолу включались и крестьянские массы. К примеру, 21 октября 1905 г. толпа крестьян из 500 человек деревень Шехмановской волости Липецкого уезда пришли в Шехмановское волостное правление «с портретом Николая II без шапок с пением народного гимна, криками несмолкаемого «ура», затем из волостного правления отправились на площадь к местной церкви, где был отслужен молебен о здравии и благополучии императора»¹⁹⁸. Крестьяне Липецкой пригородной слободы Сокольской волости Липецкого уезда 13 ноября 1905 г., выражая верноподданнические чувства, после оглашения земским начальником манифеста от 3 ноября о даровании крестьянам льгот по выкупным платежам, прошли по слободе крестным ходом, «горячо молились Богу о здравии обожаемого монарха»¹⁹⁹.

Рост крестьянских выступлений повлек за собой опубликование 3 ноября 1905 г. манифеста, гласившего: «где крестьяне чинят насилие в имениях частных владельцев – гражданским и военным властям предупреждать и прекращать беспорядки, карая виновных, уменьшить выкупные платежи с крестьян бывших

¹⁹⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 3.

¹⁹⁶ Там же. Л. 93.

¹⁹⁷ Там же. Л. 110.

¹⁹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹⁹ Там же. Л. 49.

помещичьих и государственных с 1 января 1906 г., с 1 января 1907 г. прекратить взимание платежей – широкое распространение (оповещение) среди сельского населения. Крестьянскому поземельному банку обеспечить возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупаемой площади из землевладения, увеличив для этого средства банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд»²⁰⁰.

Как отмечал в своем циркуляре 3 декабря 1905 г. министр внутренних дел П. Н. Дурново, «манифестом 17 октября возведены новые основания государственной и общественной жизни», а «манифестом 3 ноября пожалованы существенные облегчения сельскому населению, предуказан путь для разрешения крестьянского вопроса»²⁰¹.

Рискнем предположить, что в период наивысшего накала антиправительственных выступлений, когда, по воспоминаниям Н. П. Муратова, губернатор В. Ф. фон дер Лауниц буквально лежал над картой Тамбовской губернии, отмечая очаги крестьянских выступлений и телеграфируя о посылке войск туда для скорейшего наведения порядка²⁰² демонстрация лояльности монарху со стороны крестьян приобретала форму своего рода индульгенции. Вовлекаясь в публичное выказывание верноподданнических чувств, крестьянские общества стремились таким образом избежать расправы за участие в погромах помещичьих владений.

В ноябре 1905 г. крестьяне сел и деревень Слободской волости Лебедянского уезда и Троицко-Дубровской волости Козловского уезда при выражении верноподданничества и благодарности монарху за манифест 17 октября, сообщали, что не грабили и не жгли помещичьи усадьбы²⁰³, 13 ноября тоже самое произошло в Преображенской волости Темниковского уезда²⁰⁴ и в с. Покровское Покровско-

²⁰⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 95-95об, 97.

²⁰¹ Там же. Д. 5964. Л. 1-1об., 2-2об.

²⁰² Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч». 2007. С. 29.

²⁰³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 122, 135, 148, 149, 216.

²⁰⁴ Там же. Л. 128.

Васильевской волости Моршанского уезда²⁰⁵, 21-30 ноября в Грачевской, Кариановской, Покрово-Марфинской волостях Тамбовского уезда²⁰⁶, 30 ноября в Куровщинской волости Кирсановского уезда (196 человек)²⁰⁷. 107 домохозяев от 151 двора д. Алкаладка Борисоглебского уезда на сельском сходе также в ноябре 1905 г. выражали верноподданнические чувства, осуждали бунтовавших крестьян и сообщали, что они не бунтовали²⁰⁸.

15 декабря в Изосимовской волости Козловского уезда по поводу высочайших манифестов 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной Думы и 17 октября 1905 г. об усовершенствовании государственного порядка крестьянами выражалась благодарность императору от имени 2529 представителей домохозяйств: «безграничной любви и преданность за манифесты царь в лице выборных в Государственную Думу выяснит нужды и желания, слагает выкупные платежи и предоставляет льготные условия на покупку земли посредством земельного банка. Молят за драгоценную жизнь государя... да водворится мир и тишина в родной земле... крамольники различные хулят царскую власть, насмеваются над самодержавием, все это глубоко наполняет горем их сердца...»²⁰⁹.

Точно такой же приговор был составлен, но немного ранее – 8 декабря двумя тысячами прихожан Покровской церкви с. Токаревки Тамбовского уезда, 11 декабря крестьянами Барашевской волости Темниковского уезда, а 24 декабря крестьянами Больше-Грибановского сельского общества Борисоглебского уезда (1 марта 1906 г. они повторили свой приговор)²¹⁰. 31 декабря 1905 г. такие же приговоры принимались Больше-Липовицким и Больше-Лазовским волостными сходами Тамбовского уезда: «Русский народ, ведомый самодержавными вождями, объединил и собрал из маленького Московского княжества громаднейшую в мире империю, под покровом которой нашли покой и защиту многие народности. В

²⁰⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 203.

²⁰⁶ Там же. Л. 227.

²⁰⁷ Там же. Л. 206.

²⁰⁸ Там же. Л. 117.

²⁰⁹ Там же. Д. 6245. Л. 1, 2-2 об.

²¹⁰ Там же. Л. 8., 19, 21; Д. 5856. Л. 209.

настоящее время эти народы с русскими изменниками, именующие себя представителями русского народа, собрались в Москве – забыли Бога и заветы своих предков – волки в овечьей шкуре.

Молят запретить незаконные собрания. Крестьянин как верный слуга престола и Отечества, начиная с Куликовской битвы... поднимался на защиту своей Родины и ложился тысячами на полях Бородина, Севастополя, Турции, Маньчжурии. Встанем на защиту православия и самодержавия»²¹¹.

Борисоглебский и Козловский уезды отличались наибольшей в Тамбовской губернии интенсивностью крестьянских выступлений. Вице-губернатор Н. Е. Богданович лично с войсками водворял порядок, жестоко подавляя здесь очаги бунтарских проявлений в крестьянской среде.

Уже 8 ноября 1905 г. обеспокоенные крестьяне с. Уварово Борисоглебского уезда собрались на грандиозный сход (около 12 тыс. человек), в день храмового праздника архангела Михаила. Их тревога была вызвана решительными действиями тамбовского губернатора В. Ф. фон дер Лауница и двигавшегося к ним во главе правительственных войск вице-губернатора Н. Е. Богдановича. Сельчане уверяли командированного в Борисоглебский уезд вице-губернатора, что они не причастны к грабежам. Они встретили земского начальника В. Ц. Плонского с портретами Николая II, национальными флагами, благодарили за усмирение окрестных деревень и охрану села, подчеркивали, что не участвовали в грабежах и поджогах владельческих имений²¹². Их поддержали крестьяне с. Мучкап того же уезда. Вице-губернатор Н. Е. Богданович выражал «сердечное спасибо крестьянам за их преданность и спокойствие в смутное время»²¹³. Подобная показная лояльность позволила населению указанных крупных сел, по меньшей мере, избежать репрессий. Для нас данный случай интересен наличием в запасах у крестьян обильного количества портретов государя и национальных флагов, что

²¹¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 2-2об., 4, 5.

²¹² Там же. Д. 5856. Л. 75-82.

²¹³ Там же. Л. 75-82, 83.

наводит на мысль о «срежиссированности» встречи крестьян с земским начальником.

С наступлением нового 1906 г. крестьяне продолжали благодарить за манифесты, выражая полную преданность и любовь монарху, возлагая чаяния на учрежденную волею императора Государственную Думу, представители которой во всем разберутся. Приговоры крестьянских обществ повторяли ноябрьские 1905 г. и писались, буквально, под копірку. Уже 7 января 1906 г. верноподданнический адрес шлетя от Троекуровского сельского общества Лебедянского уезда за октябрьский и ноябрьский манифесты 1905 г.²¹⁴. В это же время благодарность за манифесты 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 г. выражал Грибановский волостной сход Борисоглебского уезда²¹⁵, сельское общество Покровское Лебедянского уезда и Польно-Конобеевское Шацкого уезда²¹⁶.

В феврале 1906 г. верноподданнические адреса за манифесты и сожаления по поводу «горестных происшествий внутри государства» посылались от Пригородной волости, Чурюковского сельского общества, Челнавско-Рождественской и Челнавско-Дмитриевской слобод, с. Березовки Козловского уезда, крестьян Лубновского и 1 и 2 Теплинского сельских обществ Лебедянского уезда, Троице-Росляйской волости, с. Соломенки Моршанского уезда, Жуковской волости, Спасского уезда, Васильевской, Богословско-Новиковской волостей, Колмаковского и Беломестно-Криушинского сельских обществ, д. Красивой, с. Михайловки, Шульгино, Ахматовского, Никольского, Починки Тамбовского уезда²¹⁷.

Верноподданнические приговоры, осуждавшие внутренние крамолы, ратующие за учрежденную Думу были приняты 2 января 1906 г. сельским обществом крестьян д. Красивой Кочетовской волости Тамбовского уезда, 8 января 1906 г. Выскополянским волостным сходом Елатомского уезда, 6 февраля 1906 г.

²¹⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 199.

²¹⁵ Там же. Л. 161.

²¹⁶ Там же. Д. 6245. Л. 62, 67.

²¹⁷ Там же. Л. 53, 58, 174.

Лавровским волостным сходом Тамбовского уезда, 16 февраля 1906 г. сельским обществом крестьян с. Липовки Ст.-Соломенской волости Моршанского уезда, 17 февраля 1906 г. сельским обществом крестьян д. Табаковки Богоявленской волости Моршанского уезда. Лейтмотивом приговоров звучало: «Весь многомиллионный крестьянский люд станет на защиту самодержавия, веры православной и неприкосновенности границ русской земли. Деда и отцы управлялись самодержавными царями, другого правителя не желаем»²¹⁸.

Оригинальный приговор, видимо не без подсказки губернских властей, был принят Белоречинской волостью Шацкого уезда в середине апреля 1906 г. Помимо выражения верноподданнических чувств за манифесты 17 октября и 3 ноября 1905 г., крестьяне отдельно благодарили «за высочайшее повеление об усиленной охране в Тамбовской губернии, последовавшее в виду волнений и смут среди крестьян», а крестьяне Кочетовской волости Тамбовского уезда отличились «с ходатайством их о сохранении в неприкосновенности самодержавной власти»²¹⁹.

Кстати, «благодарили» крестьяне за манифесты 6 августа, 17 октября и 3 ноября с весны 1906 г. по начало 1907 г. Например, в апреле – Липовское сельское общество Моршанского уезда, Зарубкинская волость Спасского уезда, Раевская волость Моршанского уезда (подкрепляя их сожалениями «по поводу горестных происшествий внутри государства»)²²⁰, в июне – Моршанский волостной сход, крестьяне деревень Островки и Николаевки Усманского уезда. За это они удостоились монаршей резолюции: «Искренне благодарю всех за выраженные чувства»²²¹.

13 июля 1906 г. крестьяне Агишевской волости Шацкого уезда выразили верноподданнические чувства за манифесты 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 г., а потом «в волостном правлении отслужили благодарственный молебен о здравии Государя Императора, Государыни Императрицы Александры

²¹⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 6, 10, 13, 15, 17.

²¹⁹ Там же. Л. 102, 185.

²²⁰ Там же. Л. 145, 167, 168, 208, 209.

²²¹ Там же. Л. 143, 195, 196.

Федоровны, Марии Федоровны, цесаревича Алексея и всего Царствующего Дома»²²².

Алкаладское сельское общество Борисоглебского уезда при выражении верноподданнических чувств в июле 1906 г. надеялось тем самым оградить свою местность от репрессий, по наивной крестьянской логике, ссылаясь на внешние силы, способствовавшие распространению беспорядков и неповиновению власти: «по поводу происходивших в их местностях под влиянием различных злонамеренных людей беспорядков, выразившихся в разграблении и разорении помещичьих усадеб»²²³.

Спорадически русская православная церковь пыталась вклиниться в лоялистское течение, выступая инициатором составления верноподданнических адресов. Так, в августе 1906 г. причт и прихожане Тихоновской церкви с. Первоникольское Тамбовского уезда также благодарили монарха за манифесты 1905 г.²²⁴

8 октября 1906 г. верноподданнические чувства за манифесты 17 октября, 6 августа и 3 ноября 1905 г. выразили Уваровская волость Борисоглебского уезда, крестьяне и торговцы с. Уварово, Добринская волость Лебедянского уезда, 20 декабря 1906 г. – крестьяне Вановской волости Шацкого уезда, в январе 1907 г. – крестьяне товариществ сел Кочетовка, Малая Даниловка и д. Платоновка Тамбовского уезда, сельское общество крестьян с. Дьяча Самодуровской волости Шацкого уезда²²⁵.

По свидетельству местного официозного корреспондента, «среди сельской глуши от манифестов Государя Императора веет такую отрадою... вспоминается славная эпоха Императора Александра II, вспоминаются присущие ей общий подъем духа и стремление к правде, к свету, к знанию, что достижимо и теперь единением людей всех сословий и званий...»²²⁶.

²²² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 170, 171, 172.

²²³ Там же. Л. 195, 196.

²²⁴ Там же. Л. 199.

²²⁵ Там же. Л. 216, 217, 229, 230; Д. 6510. Л. 92, 93, 108; Д. 6510. Л. 121.

²²⁶ Тамбовский край. 1907. 17 марта.

Возможно, свою роль в умиротворении крестьянских масс сыграло и создание комитетов по пропаганде манифестов 1905 г. Как предписывал министр П. Н. Дурново, целесообразно образование в губернских и уездных городах особых комитетов из лиц, пользующихся общественным доверием, которые бы добровольно приняли на себя «трудную задачу по разъяснению и толкованию смысла Манифестов 17 октября и 3 ноября»: «Лучшие местные деятели должны содействовать Правительству в деле умиротворения крестьян. Местные деятели, наиболее знакомые с условиями жизни и взаимных отношений разных классов населения в губернии, своим влиянием могут принести существенную пользу в деле водворения порядка»²²⁷.

В задачи комитетов входило:

1. Ознакомление населения с манифестами 17 октября и 3 ноября.
2. Разъяснение крестьянам предпринятых правительством мер по улучшению крестьянского землевладения.
3. Разъяснение населению всех последующих законов и распоряжений, связанных с земельным устройством крестьян.

Губернаторы должны были лично контролировать работу комитетов, при необходимости, материально оказывая им поддержку: «Деятельность Комитетов – миротворческая, не отвечать насилием на насилие, не возбуждать национальную рознь, не подстрекать к погромам, побоищам и т. п.»²²⁸. Земские начальники также были обязаны подключиться к работе этих общественных органов. С февраля по апрель 1906 г. комитеты были открыты во всех уездах²²⁹.

Неурожайные 1905-1906 гг. оказались крайне тяжелыми для сельского населения, нехватка хлеба и кормов спровоцировала голод. Масштабы его подтолкнули царское правительство на выдачу ссуд крестьянским обществам. Ссуды выражались в натуральной форме в виде хлеба на пропитание или обсеменение, либо в денежной форме – на покупку земли или семенного фонда. С

²²⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5964. Л. 1-1об., 2-2об.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. Л. 4, 5, 6, 7, 11, 15, 16, 19, 24, 25.

конца 1906 г. крестьяне в своих верноподданнических посланиях на имя императора стали выражать благодарность за выдачу ссуд.

Так, 25 ноября 1906 г. верноподданнические чувства и признательность по поводу выдачи ссуды и обсеменения выражали сельские общества с. Сергиевское Козловского уезда и Ольховская волость Шацкого уезда, удостоившись монаршей резолюции: «Прочел с удовольствием»²³⁰.

Верноподданнические чувства «за выданный в ссуду хлеб на поддержание хозяйства и прокорм малолетних детей» изъявляли в июле 1907 г. жители Боганской, Больше- и Мало-Алабужской, Братковской, Заполотовской, Костино-Отдельской, Павлодарской, Русановской, Чащинской волостей Борисоглебского уезда, Жидиловской волости Козловского уезда, Мордовской, Ново-Никольской, Карпельской, Пушкинской, Чемлыкской волостей Усманского уезда, в августе 1907 г. – Андреевской, Алешковской, Архангельской, Боганской, Больше-Алабужской, Больше-Грибановской, Братковской, Бурнакской, Верхне-Шибряйской, Красно-Хуторской, Куйманской, Мало-Алабужской, Мало-Грибановской, Махровской, Нижне-Чуевской, Пичаевской, Подгоренской, Ростошинской, Русановской, Сукмановской, Троекуровской, Туголокувской, Уваровской, Черепнянской, Шапкинской волостей Борисоглебского уезда, Бибииковской, Ирской волостей Кирсановского уезда, Екатерининской, Епанчинской волостей Козловского уезда, Александровской, Каменской, Львовской, Протасовской, Степановской волостей Тамбовского уезда, Павловской, Подворской, Пушкинской, Карпельской, Княже-Татарской, Мордовской, Ново-Никольской, Ново-Тихвинской, Черкутинской, Чемлыкской волостей Усманского уезда, Большой и Малой Агишевской, Каверинской, Конобеевской, Ново-Березовской, Унковской, Ямбирнской волостей Шацкого уезда, в сентябре 1907 г. – Больше-Лазовской, Грачевской, Княже-Богородицкой, Кариановской, Куньевской волостей Тамбовского уезда, Булыгинской, Верхне-Мосоловской, Куровщинской, Соколовской волостей Кирсановского уезда, Ново-Никольской,

²³⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6470. Л. 30.

Поддубровской, Талицкой, Чемлыкской волостей Усманского уезда: «...верноподданнических чувств и беспредельной благодарности Его Императорскому Величеству за оказанные милости по продовольствию в неурожайные годы... многие из нас могли бы прийти в совершенное разорение и даже лишиться своего хозяйства»²³¹.

На период после сбора урожая приходятся заключительные благодарственные адреса за ссуды – в октябре 1907 г. они подаются от Алешковской, Андреевской, Архангельской, Больше-Грибановской, Верхне-Шибряйской, Красно-Хуторской, Ростошинской, Сукмановской волостей Борисоглебского уезда, Бибииковской волости Козловского уезда, Кампсинской, Трубетчинской, Шовской волостей Лебединского уезда, Павловской, Подворской, Пушкинской, Ново-Черкутинской, Тихвинской, волостей Усманского уезда²³².

Прагматичная крестьянская психология, привычная размышлять «от печки», по-видимому, искренне благодарила императора, выступившего с инициативой поддержать сельчан в трудную годину. Нельзя не отметить, что часть приговоров составлялась в страдную пору, но, судя по всему, данное негативное обстоятельство не являлось определяющим в общем настрое крестьянских масс, получивших помощь от царя, выступившего в роли отца-благодетеля.

Таким образом, революционные события 1905-1907 гг. в российской аграрной провинции, несмотря на интенсивность крестьянских выступлений против помещичьего землевладения, выступлений учащейся молодежи и железнодорожных рабочих, не поколебали значительно устоев монархического сознания крестьянства и так называемых «старых» городских слоев. Более того, устойчивость монархических настроений в первый год революции находила свое выражение в намерении определенной части их носителей вступать в открытую конфронтацию с оппонентами. Согласимся с Р. Пайпсом, что выступления крестьян не носили намерений физической расправы над помещиками, их цели

²³¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6470. Л. 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 33, 35, 39, 60-60 об., 61-62, 63, 64-64 об., 65-65-об., 70, 72, 77, 84-84 об., 88, 94, 126, 134, 135, 137, 138, 139, 141.

²³² Там же. Л. 65-65 об., 70, 72.

определялись «выкуриванием» землевладельцев с земли, возможности жить с нее, принудить продать ее по сходной цене²³³. Вовремя оказанная крестьянам поддержка в период неурожайных лет со стороны правительства способствовала укреплению мировоззренческих патриархальных установок на институт монархической власти.

²³³ Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905-1917. М.: Захаров, 2005. С. 28.

Глава II. Монархическая идея и ее объективация в практиках регионального политического процесса в начале XX века

2.1 Правомонархические политические объединения в социально-политическом рельефе Тамбовской губернии в 1905-1914 гг.

Первая российская революция явилась фактором, определившим начало формирования новой общественно-политической структуры Российской империи. Манифестом 17 октября 1905 г. провозглашались свобода личности, совести, собраний, союзов, партий; даровалась неприкосновенность личности. Важной вехой дальнейшего преобразования государственного управления России являлся созыв Государственной Думы. Выборы не будут прямыми и равными, право голоса получит меньшинство, но это станет знаковым событием в истории страны, знаменовавшим появление новой социально-политической общности – российского электората с правом участия посредством своих представителей в законодательном управлении страной. По мнению И. К. Кирьянова, выборы в Думу смогли укротить революционную стихию, причем не столько применением грубой силы, сколько альтернативой поступательного, цивилизованного движения, революции снизу противопоставлялась революция сверху²³⁴.

Все эти обстоятельства, коренным образом преобразовывавшие внутреннюю политику страны, коснулись и Тамбовской губернии. Если до 17 октября 1905 г. на территории губернии существовали нелегальные ячейки РСДРП и партии социалистов-революционеров, то теперь мощный импульс получил процесс партийного строительства. Протекание его носило специфические черты,

²³⁴ Кирьянов И. К. Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX века // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М.: Мосгорархив, 2001. С. 39.

продиктованные типично аграрной характеристикой региона, входившего в так называемый анклав черноземных губерний России, характеризовавшийся слабым уровнем урбанизации и развития промышленных отраслей отечественной экономики.

Для нас логичным видится рассмотрение создания и функционирования правомонархических и консервативных объединений и союзов в контексте выборов в I-IV Государственные Думы. Данный подход позволяет выявить особенности и общие черты создания этих организаций, их дальнейшую судьбу. Выборы в Государственные Думы позволяют проследить динамику монархических настроений различных социальных групп населения Тамбовской губернии в контексте институционализации политических организаций консервативного толка, артикуляции ими монархической идей, динамики монархических настроений в процессе предвыборной агитации, оценить результаты выборов как один из критериев эффективности политической пропаганды монархического толка.

Политические партии и группы, создававшиеся в губернии, являлись беспрецедентным явлением для местного общественно-политического фона. Привычное провинциально-обывательское спокойное течение жизни, характеризовавшееся внешним законопослушанием и добропорядочностью, видоизменялось под воздействием внешних и внутренних факторов. Зарождавшаяся легальная многопартийность явилась новым явлением не только для власти, но и для городских и сельских обывателей.

Следует учесть, что тамбовское общество в этот момент было крайне политизировано, что было связано с проведением Всероссийской октябрьской политической стачки, усугублявшейся новым витком аграрных беспорядков на селе²³⁵. Поэтому деятельность по созданию правомонархических и национальных организаций легла на благодатную почву. Первоначальные чаяния тамбовского обывателя укладывались в формулу – покоя и порядка.

²³⁵ Безгин В. Б. Погромное движение 1905-1907 гг. и повстанчество 1920-1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: факты и символы. 2017. № 3 (12). С. 21.

Конечно, не стоит преувеличивать степень вовлеченности тамбовского обывателя в разворачивавшиеся события строительства партийных организаций в губернии. Определенные слои тамбовского общества проявили довольно высокую степень вовлеченности в эти процессы. К ним можно отнести представителей таких городских слоев, как служащие учреждений, интеллигенция, учащая молодежь²³⁶. Крестьяне в меньшей степени откликнулись на возможность организованной политической активности.

Если революционные события «пробудили» тамбовского обывателя, то процесс партобразования придал некую организованную форму гражданской активности тамбовчан. Следует считать, что процесс создания политических партий канализировал стихийность выступлений наиболее активных жителей губернии в организованное, цивилизованное русло. Для них появились своеобразные платформы, где можно было открыто демонстрировать свои политические симпатии и будущие чаяния, связанные с реструктуризацией государственного аппарата. Выборы же в Государственную Думу лишь усиливали накал страстей по выражению своего политического кредо.

Безусловно, в работу по организации местных отделений политических партий и союзов включились горожане, в первую очередь, так называемые «новые»²³⁷. Именно в губернском и уездных городах появлялись первые отделения политических партий и союзов, чаще и ограничиваясь ими. Исключение составляли отделения промонархической направленности и крайне левые партии. Это являлось следствием слабой развитости городской структуры, большими размерами губернии (Спасск от Тамбова, по признанию местных властей, отстоял более чем на 480 верст²³⁸, расстояние некоторых волостей до уездных городов составляло до 70-80 верст²³⁹) и архаичностью тамбовского общества, основную

²³⁶ Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 99-132.

²³⁷ Там же. С. 144.

²³⁸ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Л. 106.

²³⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7434. Л. 12-12об.

массу населения которого составляли крестьяне, со значительным процентом неграмотных, а также пережитками крепостничества²⁴⁰.

История и эволюция создания и функционирования партийных групп и союзов в губернии носила сложный характер, затруднявшийся, главным образом, отсутствием как такового опыта организованной политической работы и её администрирования. Усугубляло ситуацию и извечное стремление власти все контролировать, в силу которого как публичные мероприятия партий, так и внутренняя организационная работа сопровождались полицейским и жандармским наблюдением. Сеть жандармских информаторов распространялась на все партийные отделения (от крайне правых до крайне левых), доставляя соответствующие сведения об их деятельности. Следует отметить, что к этому периоду произошло совершенствование агентурной сети и полицейской розыскной деятельности, поэтому местные власти имели достаточно объективную картину губернской внутривнутрипартийной работы.

Идея создания в Тамбовской губернии обществ консервативного, правомонархического толка возникла еще в первые месяцы 1905 г., но ее реализации мешали январские события в Петербурге, неудачи на театре военных действий на Дальнем Востоке, нестабильная ситуация в деревне. Поэтому на первых порах русские национальные движения в губернии существовали полулегально, используя методы своих оппонентов: распространялись слухи о погромах лавок «смутьянами и богоотступниками». В Тамбове с апреля по август 1905 г. члены нелегального правомонархического движения расклеивали прокламации с призывами «бить революционеров», дать «урок бастующим учащимся» и т. д. Сочувствующие черносотенцам принимали участие в избиении учащихся, наиболее активной и революционизированной части населения во время митингов и демонстраций в Елатье, Козлове, Моршанске и Тамбове²⁴¹.

²⁴⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. I. С. 401, 415.

²⁴¹ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 346. Л. 1.

Летом 1905 г. начался сбор подписей лиц, желающих вступить в общероссийский национально-патриотический правомонархический Союз, нацеленный на «мирное процветание Отечества», основанное на единстве царя и народа. К октябрю удалось собрать несколько сот подписей²⁴².

Бывший адвокат Г. Н. Луженовский, советник Тамбовского губернского правления, вернувшись в конце июля 1905 г. из Москвы, где проходил съезд Союза Русских Людей, в котором он участвовал, создал его отделение в Тамбове, став его председателем. В конце августа такое же отделение образовалось в Усмани (председатель – профессор Варшавского университета П. В. Никольский)²⁴³. Отделения не сыграли существенной роли в общественно-политической жизни губернии. В Тамбове организация существовала формально, так как ее члены, по преимуществу, проживали вне города, а в Усмани – из-за отдаленности и слабой структурированности²⁴⁴.

Конечно же, возникновение политических организаций правомонархического толка явилось следствием нарастания революционной волны. Подъем леворадикального движения привел к появлению его антипода – реакции справа в виде национальных монархических движений²⁴⁵.

Одной из сословных групп, активно включившейся в работу по организации национально-монархических организаций, было местное православное духовенство. Их участие и влияние на создание правомонархических организаций в Тамбовской губернии переоценить достаточно сложно.

Вовлечение духовенства в политическую жизнь объяснялось пугающими простого обывателя событиями 1905-1907 гг. Однако степень этого участия оставалась туманной и неопределенной. В циркуляре от 15 сентября 1906 г.

²⁴² Краткий очерк деятельности тамбовского союза русских людей с 1 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. Харьков, 1906. С. 3.

²⁴³ Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии / История Тамбовского края: век XX-й. Тамбов, 2006. С. 11.

²⁴⁴ Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. М., 2008. С. 531.

²⁴⁵ Шарова Н. В. Деятельность русских национальных объединений в 1907-1914 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. С. 16.

председателя совета министров, министра МВД П. А. Столыпина отмечалось «полное равнодушие духовенства к мятежному движению в их крестьянской пастве», и епархиальному начальству предписывалось давать соответствующие указания священнослужителям²⁴⁶.

С одной стороны, священнослужители призывались архиереями для вмешательства в мирские дела, дабы встать несокрушимым оплотом на пути разрушительной волны, грозящей смыть устои традиционных ценностей. С другой, им настоятельно не рекомендовалось запятнать себя принадлежностью к какой-либо политической партии, что расценивалось как измена православному благочестию, как духовное падение. Указывался и источник заразы – материалистический дух времени, стремящийся низвести все сущее до приземленных, материальных причин, скрывая под этим бездуховность как результат революционизированности масс, разъедающей государственные и общественные институты²⁴⁷. Вообще, современники довольно трезво оценивали падение религиозных чувств у мирян, вызванное революционным лихолетьем²⁴⁸.

Именно близкие к редакции газеты Тамбовской епархии «Тамбовские епархиальные ведомости» ректор Тамбовской духовной семинарии, архимандрит Феодор (Поздеевский) и учитель семинарии М. Т. Попов выступили инициаторами создания тамбовского монархического общества.

Учредительное собрание тамбовского отделения Союза Русских Людей состоялось 5 октября 1905 г. в здании Тамбовской духовной семинарии. На собрании было принято решение присоединиться к уже образовавшемуся Московскому Союзу Русских Людей, программа которого отвечала чаяниям тамбовцев. Стремление тамбовских монархистов к большей автономии привело к образованию 23 октября 1905 г. самостоятельной монархической организации, избравшей председателем архимандрита Феодора, а товарищем председателя –

²⁴⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6294. Л. 2.

²⁴⁷ Лисюнин В. Ф. Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (на материалах Тамбовской епархии) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 172. С. 153.

²⁴⁸ Тамбовский край. 1907. 16 марта.

М. Т. Попова. По этому случаю государю был послан верноподданнический адрес с выражением полной готовности служить умиротворению и процветанию Отечества на почве единения самодержавного царя с прославленным русским народом, в ответ на который была получена резолюция царя в ноябре «прочел с удовольствием»²⁴⁹.

На собрании 30 октября новая организация получила название – Тамбовский Союз Русских Людей. Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий ниспослал собранию свое приветствие и архипастырское благословение. Союз впоследствии открыл отдел в Тамбовских вагонных мастерских, а также четыре городских отдела в Козлове, Липецке, Борисоглебске и Кадоме. Кроме того, было создано около 60 подотделов в сельской местности²⁵⁰. В марте 1906 г. на общем собрании Тамбовский Союз Русских Людей единодушно примет название «Серафимовского» в память о преподобном Серафиме Саровском. Союз стремился укрепить свои позиции и улучшить взаимодействие с рабочими, служащими и крестьянами в различных уездах губернии. По числу открытых отделений и по проявлению политической активности, пропагандистской деятельности это была самая мощная монархическая организация в Тамбовской губернии.

Если Тамбовский Союз Русских Людей на стадии процесса создания проявил автономность, то местные отделы Союза Русского Народа создавались как структурные единицы общероссийской организации. Процесс образования отделений Союза Русских Людей и Союза Русского Народа растянулся по времени вплоть до 1907 г. В Козлове Тамбовский Союз Русских Людей открыл свое отделение 8 декабря 1905 г., затем сеть филиалов стала распространяться по Козловскому уезду²⁵¹.

²⁴⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5856. Л. 67, 69.

²⁵⁰ Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 533.

²⁵¹ Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 531-533; Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 298.

После регистрации устава Союз Русского Народа в Петербурге в августе 1906 г. развернулась активная деятельность по открытию его филиалов по стране. 27 октября 1906 г. был образован Шацко-Агишевский подотдел Союза Русского Народа (в селе Агишево Шацкого уезда) под председательством старшины волостного правления А. Фомкина. 2 ноября 1906 г. открылся Шацко-Алгасовский отдел Союза Русского Народа Моршанского уезда, по поводу чего была послана телеграмма на имя царя с выражением верноподданнических чувств, которая была удостоена императорского благоволения «прочел с удовольствием»²⁵².

По инициативе крестьянина Борлова 21-22 декабря 1906 г. подотдел Союза возник в селе Малышеве Спасского уезда. 27 декабря 1906 г. с решения губернатора состоялось учредительное собрание Борисоглебского отдела, который возглавил врач Н. Миронов²⁵³. В декабре 1906 г. Союз Русского Народа открыл свои отделения в Козлове и Елатье, с. Потапьеве Елатомского уезда²⁵⁴. В 1907 г. открылись отделения Союза в с. Староюрьево с прилегающей волостью Козловского уезда, в Липецке и Шацке – в 1907 г.²⁵⁵.

18 января 1907 г. «по инициативе и вследствие хлопот старшего урядника Демидова и диакона кладбищенской церкви г. Козлова И. Данилова» крестьяне с. Изосимово Козловского уезда составили приговор (от 220 домохозяев из 320) о присоединении к Союзу Русских Людей. По окончании схода местным духовенством был отслужен молебен, а затем «с криками «ура» и национальными флагами в руках проводили, несомый впереди портрет государя императора, до волостного правления»²⁵⁶. Такое же присоединение к Союзу Русских Людей по

²⁵² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 290, 291.

²⁵³ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 940. Л. 1.

²⁵⁴ Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии / История Тамбовского края: век XX-й. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. С. 11-12.

²⁵⁵ ГАТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3. Л. 79; Тамбовский голос. 1906. 18 января.; Степанов С. А. Численность и состав черносотенных организаций / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг.: Количественный анализ. М.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 213-231; Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии. С. 12.

²⁵⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 85.

сельскому приговору (260 из 394 домохозяев) произошло 18 января 1907 г. в с. Лежайка Изосимовской волости Козловского уезда²⁵⁷.

22 января 1907 г. темниковский уездный исправник докладывал губернатору, что в заштатном Кадоме, входившем в Темниковский уезд, который по числу населения был больше Темникова, образовался Союз Русского Народа²⁵⁸. Таким образом, черносотенные организации охватили более половины городов губернии, в сельской местности их присутствие было более скромным.

Говоря о численном составе правомонархических организаций, следует учитывать то обстоятельство, что все партии вели учет своих членов формально, численная скрупулезность отсутствовала. Это не значит, что учет вообще не велся, но посчитать членов монархических политических организаций представляется довольно сложной задачей. Во-первых, руководство правомонархических организаций зачастую для солидности и значимости сознательно завышало количество своих членов. Во-вторых, имели место массовые присоединения целых волостей и селений к Союзу Русских Людей или Союзу Русского Народа, как в описываемых выше случаях с Шацко-Алгасовским отделом Союза Русского Народа Моршанского уезда, Изосимовской волостью Козловского уезда, поддержавшей Союз Русских Людей, или Староюрьевской волостью этого же уезда, примкнувшей к Союзу Русского Народа²⁵⁹. На это же обстоятельство указывал С. А. Степанов²⁶⁰.

Козловская организация Тамбовского Союза Русских Людей была самой многочисленной в губернии. С городом и уездом она составляла 5000 человек, в Тамбове – 1000, в Борисоглебске – 400 человек, в Кадоме – 200, в Кирсанове – 1000, в Липецке – 400, и в Шацке – 90²⁶¹.

²⁵⁷ Там же. Л. 90, 91.

²⁵⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6510. Л. 81.

²⁵⁹ Там же. Л. 165, 166, 180, 183.

²⁶⁰ Степанов С. А. Численность и состав черносотенных организаций / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. С. 194.

²⁶¹ Там же. С. 250-251.

И все же приведенные цифры не являются абсолютными, и к ним следует подходить с некоторой долей скепсиса. Сохранность источников не позволяет на данном этапе поставить точку в этом вопросе. Например, с учетом сведений из отчетов губернатора и публикаций в местной прессе цифра о количестве членов отделения Союза Русских Людей в Тамбове доходила до 8000 человек²⁶², С. А. Степанов приводит цифру в 1000 человек, сами представители Союза Русских Людей упоминали о 700 членах²⁶³.

По подсчетам С. А. Степанова, в процентном отношении члены монархических организаций по губерниям империи составляли 0,3-0,4 % от количества жителей²⁶⁴.

По мнению В. Левицкого, в каждом провинциальном отделе состояло несколько активных людей, «которые развивают на месте деятельность в духе получаемых из центра директив и указаний... Остальные десятки, сотни и тысячи человек... просто фиктивные величины, пассивный текущий элемент, записывающийся (нередко против воли) в организацию»²⁶⁵.

С этим утверждением трудно не согласиться. Показателен случай, произошедший в декабре 1908 г. в с. Чутановка Вяжлинской волости Кирсановского уезда. Местный крестьянин Антонов и сельский староста ходили по селу и насильно заставляли односельчан записываться в Союз Русского Народа, предоставляя значок Союза с обязательной уплатой за него от полутора до трех рублей, с наиболее зажиточных крестьян требовали до десяти рублей. Антонов подкреплял свои действия словами, что он председатель (местного Союза – С.О.) и судья. Наиболее строптивых они избивали, для острастки пугали револьвером, грозясь непокорных поставить на учет в полиции как неблагонадежных и «красносотенников». Дело получило огласку, дошло до губернатора, который

²⁶² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1907. Д. 48 ч 9. Л. 1.

²⁶³ Краткий очерк деятельности тамбовского союза русских людей с 1 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. С.6.

²⁶⁴ Степанов С. А. Численность и состав черносотенных организаций / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. С. 195.

²⁶⁵ Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. СПб.: Типография т-та Общественная польза, 1914. С. 407.

поручил председателю кирсановского Союза Русского Народа И. В. Сосульникову провести дознание и выяснить все обстоятельства: «чтобы хорошее дело делалось честно и чистыми руками»²⁶⁶.

Инициаторы открытия отделов Союза Русских Людей и Союза Русского Народа рассчитывали на традиционную религиозность основной массы населения губернии. Несмотря на пошатнувшийся авторитет власти, надежда на консервативность тамбовского обывателя, не видевшего прежде иные формы государственного устройства, была оправдана. Подчеркнем, крестьянство составляло более 90% населения губернии²⁶⁷, и его устоявшиеся представления о верховной власти, незыблемости самодержавия оставались достаточно устойчивыми.

Исследователь черносотенного движения С. А. Ильин подчеркивал, что в составе русских национальных организаций объединилась значительная часть законопослушных граждан разных званий и состояний, пользовавшихся доверием и уважением в обществе²⁶⁸.

Авторитетный специалист по правомонархическим организациям С. А. Степанов в 1990-е гг. в своих исследованиях отмечал, что социальный состав черносотенного движения отличался крайней неоднородностью между верхушкой и рядовыми членами, столичными городами и уездными. По его подсчетам, среди председателей отделов и членов правления, расположенных в губернских городах, преобладали дворяне – от 30 до 50%, в уездных городах процент дворян снижался до 30 (к примеру, председателем Козловского Союза Русских Людей являлся уездный предводитель дворянства В. Н. Снежков²⁶⁹), при росте числа мещан до 17%²⁷⁰. Так, помощниками председателя Союза Русского Народа в Кадоме были

²⁶⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7031. Л. 136-137 об.

²⁶⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. С. 3.

²⁶⁸ Ильин С. А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. С. 18.

²⁶⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 65, 66.

²⁷⁰ Степанов С. А. Численность и состав черносотенных организаций / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. С. 195.

кадомские мещане, а товарищем председателя Козловского Союза Русских Людей был выбран мещанин С. И. Попов²⁷¹.

Существенное представительство в уездных городах имело купечество, но не родовитое, а выбившееся из низов, сколотившее состояние грубыми методами первоначального накопления капитала. В образовавшемся в 1907 г. отделе Союза Русского Народа в Кадоме председателем стал купеческий сын П. С. Кинякин²⁷², члены правления «Серафимовского» Союза были тамбовские купцы С. П. Дедов и И. И. Волокитин²⁷³.

Значительную роль в руководящих органах на местах играло духовенство. После отъезда председателя Тамбовского Союза Русских Людей архимандрита Феодора его место занял М. Т. Попов, а товарищем председателя общества стал протоиерей С. Д. Бельский²⁷⁴. В меньшей степени в руководящих рядах было представлено чиновничество – всего 0,3% от общего состава руководства. К примеру, коллежский регистратор И. И. Волокитин возглавил Тамбовский Серафимовский Союз Русских Людей²⁷⁵. Рядовые же члены союзов принадлежали, преимущественно, к социальным группам, стоящим в самом низу социальной пирамиды. Задачей черносотенных союзов являлось привлечение на свою сторону как можно большего количества крестьян, мелких ремесленников и рабочих²⁷⁶.

В 2000-е гг., возможно под влиянием распространения в среде российской общественности идеи поиска национального пути России, ее исторического предназначения, С. А. Степанов в своих работах заметно меняет тональность высказываний о социальной основе черносотенного движения. Он начинает утверждать, что эту общественную организацию оболгали, навешав на нее ярлыки погромщиков: «Черную сотню пытаются изображать кучкой невежественной черни, но среди 12 членов Главного совета Союза русского народа было пять

²⁷¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 65, 66.

²⁷² Там же. Д. 6510. Л. 81, 82.

²⁷³ Там же. Д. 8699. Л. 15.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же. Л. 100, 101.

²⁷⁶ Степанов С. А. Численность и состав черносотенных организаций / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг. С. 195, 196, 197, 198, 200.

профессоров и один академик, а их идеям открыто сочувствовали великий химик Менделеев, философ Розанов, художники Васнецов и Нестеров...»²⁷⁷.

Соглашаясь со С. А. Степановым, что в центральном руководстве Союза Русских Людей и Союза Русского Народа состояли авторитетные и уважаемые члены общества, приведем пример оценивания тамбовскими губернскими властями местного руководства черносотенцев. Губернатор Н. П. Муратов характеризовал личность председателя Тамбовского Союза Русских Людей архимандрита Феодора как фигуру очень трусливую и нерешительную²⁷⁸. О слабом авторитете архимандрита Феодора говорит и тот факт, что, по агентурным сведениям, в стенах возглавляемого им учреждения «среди семинаристов революционная пропаганда работает особенно успешно; из них выходит масса агитаторов»²⁷⁹.

Председатель Тамбовского Союза Русского Народа П. Камаринов в марте 1909 г. писал председателю кирсановского Союза Русского Народа, что у него в гостях в Тамбове был кирсановский уездный исправник, который характеризуя местный отдел Союза Русского Народа, заявил, что «у нас не союзники, а крамольники, и не я буду, если я не влеплю им сколько влезет и не упрячу их всех в тюрьму»²⁸⁰. Лидеры тамбовской черной сотни подчеркивали, что в Союзе «никого нет из лиц либеральных профессий»²⁸¹.

Крупный землевладелец В. М. Андреевский вспоминал: «В политическо-правовом отношении мы правые сильно отставали от левых, к которым принадлежали представители всех либеральных профессий: адвокаты, доктора, профессора, всевозможные художники и артисты. Все они живут по городам и им гораздо легче объединяться и организовываться в разные союзы и партии, чем нам аграриям, живущим в одиночку по деревням и хуторам, на больших часто друг от

²⁷⁷ Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. С. 11.

²⁷⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906 (II). Д. 828. Ч. 14. Л. 7.

²⁷⁹ Там же. Л. 7об.

²⁸⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7031. Л. 245.

²⁸¹ Краткий очерк деятельности тамбовского союза русских людей с 1 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. С. 10.

друга расстояниях... В дальнейшем своем развитии он («Союз Русского Народа» – С. О.) попал в ведение и руководство не всегда приемлемых лидеров, но в начале... было идиллично»²⁸².

Любопытно, что 19 мая 1908 г. Департамент полиции министерства внутренних дел циркулярно, секретно извещая губернаторов и подчиненных лиц по вопросу о возможности вступления чинов полиции вступать в монархические организации, отвечал, что согласно циркуляру министра «полицейские чины по самому свойству лежащих на них по закону служебных обязанностей, ни в какие общества и союзы, имеющие партийный политический характер, вступать не могут»²⁸³.

Каждый из отделов Союза Русских Людей имел свои уставы и программы, являвшиеся, в основном, симбиозом теории официальной народности, элементов шовинизма и антисемитизма. Тем не менее, это не являлось реанимацией архаичных идеологических формул николаевской России XIX века. Движениями предлагалась мирная программа обновления страны при тесном контакте власти и общества.

В центре внимания стояла задача укрепления православия, преимущественно, через миссионерскую деятельность. Предполагалось на основе соборности усилить роль прихода, который должен был стать одним из элементов местного самоуправления. В понимании черносотенцев православная вера являлась господствующей. Даже несмотря на указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и манифест 17 октября, устанавливающие свободу совести и вероисповедания, в основе их должен был лежать принцип особого положения православной церкви, охраняемой государством²⁸⁴. Также уделялось внимание обеспечению всесословности духовных учебных заведений. В отношении

²⁸² Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

²⁸³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6723. Л. 99.

²⁸⁴ Тамбовский край. 1907. 18 марта.

духовенства предполагалось установить твердое жалование с отменой платы за обряды.

На втором месте стояло осмысление природы самодержавной власти в связи с изданием манифеста от 17 октября 1905 г. Государственная Дума получала законодательные полномочия, но за государем сохранялась верховная самодержавная власть. Газета «Тамбовский край», отражая позицию столичных лидеров, писала, что ни крайние правые партии, ни крайняя правая печать не могут примириться с мыслью, что «созданный ныне волею Царя государственный строй – строй конституционный», еще раз, подчеркивая верховную и абсолютную волю монарха, даровавшего новую конструкцию государственной власти стране²⁸⁵.

Продолжая эту мысль, следуя тональности идеологов черносотенцев, «Тамбовский край» писал, что царь сам пошел на этот беспрецедентный шаг по ограничению самодержавия, даровав Государственной Думе и Государственному Совету законодательные права. Разговоры про возвращение неограниченного самодержавия должны быть прекращены, новый конституционный строй освящен волею монарха так же, как и воля Божия, его неизмеримой любовью к подданным²⁸⁶.

На собраниях Тамбовского Союза Русских Людей в декабре 1905 г. эта тема неоднократно поднималась, в итоге сошлись на компромиссной формулировке, что манифест 17 октября не ограничивает самодержавие, а дает новое содержание деятельности по улучшению аппарата управления в виде выборных от народа.

Данная конструкция совершенно не будет укладываться в головах крестьян, о чем речь пойдет ниже. При этом козловский отдел Тамбовского Союза Русских Людей отвергал народное представительство, предлагая заменить губернское деление областным с введением земского самоуправления. Напротив, Тамбовский

²⁸⁵ Тамбовский край. 1907. 1 апреля.

²⁸⁶ Тамбовский край. 1907. 16 марта; Тамбовский край. 1907. 3 апреля.

Союз Русских Людей стоял за сохранение губерний, но при наделении граждан полномочиями в деле местного благоустройства²⁸⁷.

Третьим программным пунктом стоял крестьянский вопрос – самый болезненный на тот момент. Констатируя малоземелье и безземелье крестьян, черносотенцы одновременно и признавали неприкосновенность частной собственности. Решение аграрного вопроса лежало в плоскости покупки или обмена на казенные земли, широкой денежной и агрономической помощи деревне от государства, активизации переселения на свободные земли Сибири, Кавказа и Средней Азии. По их мнению, «черный передел» не устроил бы деревню, создав социальное напряжение, сопровождаемое уничтожением наиболее культурных хозяйств.

Принимая во внимание аграрный экономический тип губернии, тамбовские монархисты сравнительно мало уделяли внимания рабочему вопросу. По их мнению, государственная власть должна была улучшить положение рабочих с обеспечением «под старость». Они отрицали статус рабочего класса, ратовали за равные права рабочих и работодателей, предлагали законодательно запретить стачки и локауты, наносивших громадный ущерб как молодой российской промышленности, так и потребителям²⁸⁸.

В программных документах имела место и заинтересованность к вопросам образования, которое должно было стать всеобщим, а начальная школа – бесплатной²⁸⁹.

Основные методы работы правомонархических организаций мало отличались от других партий. Это было открытие новых отделов, рекрутинг новых членов, расклейка прокламаций, раздача брошюр, подача верноподданнических адресов, связанных с тезоименитством государя, государыни и наследника Алексея, а также иных юбилейных дат, связанных с императорским домом.

²⁸⁷ Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии. С. 12.

²⁸⁸ Там же. С. 13.

²⁸⁹ Там же.

Посылались верноподданнические адреса и в связи с юбилейными датами открытия местных отделов.

Конечно же, члены Союзов были неперенными участниками крестных ходов и всех значимых мероприятий Русской православной церкви. В апреле 1907 г. епископ Иннокентий совершил обряд освящения знамени и хоругви Тамбовского Союза Русских Людей, которые как символы веры и просвещения стали храниться в кафедральном соборе Тамбова, рядом с мощами святителя Питирима Тамбовского. Также были освящены хоругви отделов Тамбовского Союза Русских Людей – тамбовских железнодорожных мастерских и Изосимовской волости²⁹⁰.

Тамбовский Союз Русских Людей отличался демократизмом своих собраний, на которые собиралось от 150 до 600 человек и которые устраивались каждое воскресенье в зимний сезон и два раза в месяц летом. На них могли присутствовать не только члены организации, но и представители других партий. В особых случаях инициировались внеочередные собрания. На собраниях в 1905-1910 гг. присутствовали видные деятели российского право-монархического движения: князь В. М. Волконский, П. Б. Мансуров, Н. Н. Родзевич, протоиерей И. И. Восторгов, В. А. Грингмут, князь А. Г. Щербатов, академик А. И. Соболевский. К 1910 г. почетными членами Тамбовского Союза Русских Людей были избраны А. И. Дубровин, П. Ф. Булацель, В. М. Пуришкевич²⁹¹.

Тамбовский Союз Русских Людей был инициатором проведения двух съездов представителей патриотических союзов Тамбовской губернии в Тамбове в 1908 г. и 1910 г.²⁹² В 1908 г. съезд председателей и членов советов монархических организаций Тамбовской губернии, отделов Союза Русского Народа и Союза Русских Людей созывался для обсуждения следующих вопросов:

²⁹⁰ Тамбовский край. 1907. 26 апреля; 27 апреля.

²⁹¹ Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 532.

²⁹² Труды первого губернского съезда представителей патриотических союзов Тамбовской губернии. 28-30 декабря 1908 года. Тамбов, 1909. 123 с.; Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 533.

1. об объединении всех организаций, объединений и совместных действиях всех отделов;
2. о согласовании программы Тамбовского Союза Русских Людей с прочими программами;
3. о сельской общине;
4. о волостном суде;
5. о земских и церковно-приходских школах²⁹³.

Уполномоченные Тамбовского Союза Русских Людей принимали участие в работе Всероссийских съездов Союза Русских Людей, в 1913 г. в деятельности 6-го Всероссийского съезда представителей монархических организаций²⁹⁴.

С 1907 г. по предложению ряда педагогов и офицеров, с одобрения Министерства народного просвещения, Военного министерства, Святейшего Синода и при личном участии императора, в церковно-приходских школах, гимназиях и монастырях начали появляться так называемые «потешные» полки и роты. Название «потешные» отсылало ко временам Петра I и его «юношеским забавам». Не остались в стороне от этой инициативы и правомонархические организации, пытаясь вербовать молодежь через военно-исторические примеры прошлого.

Козловский Союз Русских Людей для привлечения молодежи создал, по примеру Петра I, роту «потешных»²⁹⁵. Следует заметить, что идеи правомонархических организаций слабо проникали в юношескую среду, влияние там имели партии эсеров и социал-демократов. Например, в Тамбове осенью и весной 1906 г. брошюры и прокламации Союза Русских Людей раздавались в 1-м духовном училище²⁹⁶, но, вероятно, акции не имели успеха, так как в отчетных документах организации не упоминается учащаяся молодежь.

²⁹³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7068. Л. 375, 377.

²⁹⁴ Там же. Д. 8699. Л. 100, 101.

²⁹⁵ Там же. Д. 7683. Л. 1, 2.

²⁹⁶ Тамбовский голос. 1906. 18 апреля; 3 сентября.

Неофициальными органами пропаганды черносотенцев являлись «Тамбовские губернские ведомости» и «Тамбовские епархиальные ведомости». С 1907 г. «Тамбовские губернские ведомости» прекратили публикацию неофициальной части, поэтому национальное движение нуждалось в самостоятельном органе печати. С 1907 г. им стала газета «Тамбовский край», редактируемая губернским секретарем С. Кишкиным²⁹⁷. В этих изданиях публиковались программные цели, сведения о деятельности черносотенцев, объявления об очередных собраниях.

Рассматривая деятельность правомонархических организаций в Тамбовской губернии, следует обратиться к устоявшемуся стереотипу, связанному с черносотенным движением, – погромной деятельности. В. А. Попов прямо утверждал, что реальная деятельность консервативных организаций была связана с погромами, которые усилились с созданием черносотенных организаций²⁹⁸. Отметим, что погромы в губернии начались ранее образования правомонархических отделов. Первое такое происшествие датируется концом 1904 г.²⁹⁹, образование же отделов Союза Русских Людей падает на конец августа 1905 г. Поэтому можно лишь предполагать об индивидуальном участии в погромах членов или сочувствующих монархическим движениям или, опять-таки, индивидуальной пропаганде, но не об организации правомонархическими партиями этих эксцессов. Подобного рода мнения о погромном характере функционирования консервативных движений сложились, скорее всего, из-за антисемитской пропаганды, распространявшейся ими.

Так, 26 января 1905 г. моршанские евреи послали телеграмму председателю комитета министров С. Ю. Витте из-за опасений погромов, исходящих от хулиганов и черносотенцев. На это губернатору было поручено предотвратить

²⁹⁷ Тамбовский край. 1907. 11 марта.

²⁹⁸ Попов В. А. Монархические партии в России в 1905-1907 гг. // Великий Октябрь. Политические партии и СССР. Ч. 2. Владимир: ВГПИ, 1991. С. 39.

²⁹⁹ Тамбовские губернские ведомости. 1905. 5 января.

возможные беспорядки. Губернатор, в свою очередь, убеждал С. Ю. Витте в неосновательности опасений евреев³⁰⁰.

Еврейский вопрос не имел одинакового толкования в черносотенной среде, имея различия даже в пределах одного отдела. В резолюции козловского отделения Союза Русских Людей в мае 1907 г. по еврейскому вопросу отмечалось его государственное значение, решаемое в законодательном русле, исключались погромы и какие бы ни было акты насилия, как противоречащие православной вере³⁰¹.

В тоже время в 1906-1907 гг. в Козловском уезде развернулась целая антиеврейская кампания.

Изосимовский отдел и Лежайский подотдел Союза Русских Людей, Староюрьевский отдел Союза Русского Народа Козловского уезда, а также ряд примкнувшим к ним волостей забрасывали Петербург телеграммами о поражении евреев в гражданских правах и недопущения их в Государственную Думу. Использовалась низкопробная пропаганда, рассчитанная на малограмотное сельское население: «Считая евреев главными виновниками всей на Руси смуты и злейшими врагами христовой веры и народа русского... не давать им равноправия и разрешения расселяться по всей земле русской, потому что, пользуясь таким правом, они проникнут во все села и деревни наши... опутают нас по неопытности долгами, а за долги отберут от нас землю кормилицу»³⁰².

17 декабря 1906 г. был составлен приговор, не без инициативы местного отдела Союза Русского Народа, Чурюковского сельского общества Козловского уезда от 985 домохозяев, имеющих право на голос. Волостной старшина и писарь объяснили им, в процессе обсуждения некоторых общественных нужд, изменения, грядущие в новом государственном устройстве. Результатом явился следующий приговор: «узнали, что готовится дать равноправие евреям, чтобы они пользовались таким же правом, как и мы православные русские... государь

³⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1905. Д. 2000. Ч. 14. Л. 2, 3.

³⁰¹ Козловская газета. 1907. 23 мая.

³⁰² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 85, 86; Д. 6510. Л. 165, 166.

император, ваше императорское величество, великий государь! Нас крайне волнуют дошедшие до нас слухи о том, что евреям готовится дарование равноправия, умоляем тебя не отдавать нас в рабство. Россия и без того находится в полной кабале у евреев. Настоящее положение в нашем Отечестве указывает на то, что доколе племя это будет жить в России, до тех пор спокойствие в стране будет невозможно.

Повели государь, обсудить мероприятия не к расширению прав евреев, а к выселению из пределов нашего Отечества, т. к. нам думается, что все происходившие в России неурядицы суть плод трудов этого племени, то для них как видно Россия не дорога.

Милость и доверие оказанные тобой, великий государь, нам крестьянам призывает нас наравне с прочими сословиями в Государственную Думу твою, обязывает всех нас избрать представителей честных и хорошо знающих нужды крестьян.

Верь, государь-батюшка, что мы крестьяне с. Чурюково при первом слове твоём готовы положить жизнь свою за благо твое и всего Царствующего Дома, а также дорогого Отечества и, что никто из злонамеренных людей не поколеблет в нас, хотя простую, но благоговейную, сильную и никогда никаким несокрушимую любовь к тебе царю благодетелю нашему»³⁰³.

Конечно же, местные власти пытались предотвратить погромы, дестабилизирующие мирное течение жизни и покушавшиеся на главенство местной власти в поддержании правопорядка. С проповедью и призывами воздержаться от насилия в ноябре 1905 г. обращался к пастве епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий³⁰⁴.

Отдельным этапом партийной работы русских национальных организаций на территории губернии станут выборы в Государственную Думу. Законодательной основой выборов являлись манифест 17 октября и избирательный закон от 11 декабря 1905 г.

³⁰³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6510. Л. 75-80.

³⁰⁴ Тамбовские епархиальные ведомости. 1905. 6 ноября.

Избиратели в соответствии с данными правовыми актами делились на четыре разряда: землевладельцы, городские избиратели, крестьяне и рабочие. Земельный ценз для землевладельцев варьировался от 125 до 200 десятин. Мелкие землевладельцы могли объединять свои земельные цензы, чтобы получить один голос, что позволяло им участвовать в выборах, несмотря на относительно небольшие земельные наделы. Эта система подчеркивала имущественный и сословный подход к предоставлению избирательного права и создавала условия для политического влияния более состоятельных слоев общества. В городской курии право голоса имели владельцы торговых и промышленных предприятий, а также лица, платившие промысловый налог и получавшие жалование на государственной службе. Самой многочисленной была земледельческая – крестьянская курия. По рабочей курии выборы проводились на тех предприятиях, где численность рабочих превышала 50 человек. Каждая курия избирала своих выборщиков.

Выборы проходили в несколько ступеней: для крестьян – четырехступенчатые (сельский сход, волостной сход, уездный съезд и губернское собрание), для рабочих и мелких землевладельцев – трехступенчатые, а в остальных случаях – двухступенчатые. На губернском собрании уже избирались думские депутаты. В аграрной Тамбовской губернии крестьяне составляли 50,3% выборщиков, что подчеркивало их значительное влияние на политический процесс в регионе. К выборам не допускались высшие административные и полицейские чины³⁰⁵.

Накал революционных страстей в губернии приведет к тому, что первые выборы в Государственную Думу будут осложнены введением военного положения с 9 декабря 1905 г. в Тамбове и Козлове с уездами. Они поступят в управление генерал-губернатора Н. К. Клавера. В ведении тамбовского губернатора Б. М. Янушевича останутся остальные города с уездами, но в них будет

³⁰⁵ Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния / Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX в. Май 2002. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 418.

действовать положение о чрезвычайной охране, которое воспрещало демонстрации, сходки и собрания, разрешалось без оснований закрывать неблагонадежные газеты³⁰⁶. В декабре же губернатор распорядился о начале составления избирательных списков.

Военное и чрезвычайное положение явились причинами, по которым в губернии перед выборами в I Государственную Думу не происходило предвыборных собраний. Опасаясь проникновения в Думу представителей леворадикальных движений, власти запретят всякую деятельность всем партиям, кроме правых – Союза 17 октября, Союза Русских Людей и Торгово-промышленной партии. Более того, в Лебедяни в феврале 1906 г. служащим железной дороги, записавшимся в Союз 17 октября, местный жандарм порекомендовал уничтожить воззвание партии³⁰⁷.

Происходило и стихийное уничтожение воззваний политических партий населением. Представители Союза Русского Народа негодовали, что их воззвания к избирателям ликвидируются самими жителями, при этом сами не брезговали скупать на вокзалах демократическую прессу для дальнейшей утилизации³⁰⁸.

Позиция довольно слабого администратора губернатора Б. М. Янушевича сводилась к полному невмешательству в ход предвыборной кампании, надежде, что все устроится само собой. 12 февраля 1906 г. им был разослан циркуляр полицмейстерам, уездным исправникам и земским начальникам с указанием даже отдаленно не вмешиваться в «производство выборов... вплоть до неприсутствия на них»³⁰⁹. Власти полагались на крестьянское большинство в губернском избирательном собрании и их верноподданность. Начавшиеся в начале марта 1906 г. выборы не были отмечены каким-либо активным влиянием политических

³⁰⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5958. Л. 8, 10-15, 39; Тамбовские губернские ведомости. 1905. 14 декабря.

³⁰⁷ Черноземный край. 1906. 23 февраля.

³⁰⁸ Щербинин П. П. Горожане Тамбовской губернии на выборах в I-IV Государственные Думы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Мат-лы научно-практич. конф. Тамбов, 2000. С. 27.

³⁰⁹ ГАТО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 82. Л. 30.

структур на этот процесс, в том числе консервативных и правомонархических объединений.

Невмешательство властей в выборную кампанию накладывалось, между тем, на ситуацию начала организационного оформления правомонархических организаций в регионе. Их активная структуризация по губернии стартует со второй половины 1906 г., что в данных условиях создаст вакуум в идейном воздействии на избирателей и в мобилизации консервативно настроенной их части. Эти обстоятельства приведут к прямо обратным результатам выборов, чем те, на которые рассчитывал губернатор Б. М. Янушевич.

Позволим себе снова обратиться к воспоминаниям В. М. Андреевского, которые ярко иллюстрируют первые думские выборы в Тамбовской губернии: «К назначенному сроку в наш уездный город Кирсанов съехалось человек сорок людей более или менее культурных, то есть, приблизительно тех же, которые принимали участие в выборах гласных земских и городских, и вдвое большее количество крестьян. Эти крестьяне в первый же день по прибытии в город по трактирам и постоялым дворам были захвачены разными проходимцами, чрезвычайно легко овладевшими расположением мужицкой души. Разговор, касавшийся политической программы, был до крайности прост и краток: «Хочешь получить землю соседнего барина? Хочу, кормилец! Тогда голосуй за меня, – тогда и землю получишь! И в подтверждение такого обещания приводился быстро распространившийся среди крестьян слух, что «Думу Царь собирает, чтобы поделить землю». Понятно, в день выборов, все мы не крестьяне, т. е. те, у кого землю надо было отнять, получили избирательных шаров 40 и неизбирательных 80, а список крестьянский целиком прошел, имея 80 шаров избирательных и 40 неизбирательных. Так были избраны выборщики. В Тамбове, где эти выборщики избирали уже членов Государственной Думы, повторилось тоже самое – культурные элементы были раздавлены мужицкой массой. В результате, от Тамбовской губернии, где в земском деле оставили неизгладимый след такие просвещенные и светлые личности, как кн. Викт. Илл. Васильчиков, Лев. Влад. Вышеславцов, Борис Ник. Чичерин, поехали в Петербург в качестве «лучших

людей» 12 болванов, из которых половина не умела подписать своего имени, а один оказался в пиджаке, украденном во время погрома и опознанном собственником на плечах «депутата»...»³¹⁰. Конечно, данная оценка не лишена доли сарказма, значительной доли снобизма, звучавшего от крупного помещика, но в целом она дает не совсем расходящуюся с действительностью оценку происходившего.

Тамбовская губерния являлась одной из 13 в империи, где крестьяне преобладали в избирательных собраниях в I и II Думы³¹¹. По результатам выборов в I Думу от губернии прошли 10 крестьян, священник и рабочий, крестьянство не допустило в состав депутации помещиков и чиновников. Вообще крестьянские выборы были лишены какой-либо политической окраски³¹².

Примечателен факт избрания в Государственную Думу от губернии священника. Руководство Русской православной церкви указывало духовенству увещевать паству не уклоняться от участия в выборах в Думу, дабы не восстать против воли Помазанника Божьего³¹³. В то же время накануне выборов Синод запретил участие духовенства в политических союзах (это потом отразится на их сотрудничестве с консервативными партиями), мотивируя это тем, что у священника один союз – с церковью и Христом³¹⁴. Поэтому духовенство в выборах участвовало от землевладельческой курии.

I Государственная Дума открыла свое заседание 27 апреля 1906 г. В городах это событие осталось практически незамеченным, что уж говорить про сельскую местность. В отдельных случаях служились молебны, кое-где в окнах были вывешены национальные флаги³¹⁵.

³¹⁰ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

³¹¹ Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния. С. 417.

³¹² Там же. С. 418, 419.

³¹³ Тамбовские епархиальные ведомости. 1906.

³¹⁴ Лисюнин В. Ф. Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (на материалах Тамбовской епархии). С. 6.

³¹⁵ Плужников А.Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 173.

Недолгая работа I Думы, ее роспуск не встретили негодования среди населения губернии, а последовавшее Выборгское воззвание не нашло поддержки у ее жителей. Как отмечал протеже П. А. Столыпина губернатор Н. П. Муратов, сменивший слабого администратора Б. М. Янушевича в сентябре 1906 г.³¹⁶, в докладе в Особый отдел департамента полиции: «К прежней Думе большинство населения относится совершенно пассивно. Выборгским воззванием мало интересуются, оно распространено было в небольшом количестве и впечатление не производило. На днях еще был арестован в Борисоглебском уезде назвавшийся Агеевым с 300 экземплярами Выборгского воззвания»³¹⁷.

В Кирсановском уезде, по воспоминаниям В. М. Андреевского, обстановка была следующей: «В нашей деревенской глуши роспуск Государственной Думы не произвел никакого впечатления, а позорный призыв Выборгского воззвания не платить податей и не давать рекрутов вызвал в Кирсанове осенью того же года, во время рекрутского набора, несколько знаменательных и трогательных сцен: призывная молодежь некоторых волостей чрез своих волостных старшин заявляла, в виде протеста против Выборгского воззвания, о своей готовности поголовно идти на военную службу»³¹⁸.

Апатия со стороны городского населения объяснялась усталостью революционного лихолетья, крестьяне были озабочены сельскохозяйственными работами, мало разбираясь в политических реалиях.

Губернатор Н. П. Муратов был сторонником применения более жестких мер в отношении любых общественных движений, сопровождавшихся антиправительственными высказываниями или какими-либо требованиями к власти. Его кредо в подавлении революционного движения выражалось в применении силы и закрытии учебных заведений³¹⁹. Кстати, данная генеральная

³¹⁶ Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917. М.: Объед. Ред. МВД России, 2003. С. 446.

³¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906 (II). Д. 828 ч 14. Л. 19.

³¹⁸ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906 (II). Д. 828 ч 14 Л. 14-17.

линия будет жестко исполняться и в отношении политических партий и периодических изданий. Оценивая политическую ситуацию в губернии, Н. П. Муратов уже не полагал, как его предшественник, что невмешательство в выборную кампанию является наилучшим способом. Тамбовский губернатор не выступал против идеи народного представительства, проявляя определенное служебное рвение при проведении выборных кампаний. Поэтому данная кампания подверглась жесткому администрированию и контролю.

Подготовка и выборы во II Думу ознаменовались решением левых партий участвовать в них, что придало выборной кампании новый импульс. Борьба в основном развернулась на страницах местных газет и партийных собраниях. Кадетам и социалистам запрещались публикации в местной печати, поэтому преимущество, как и в 1906 г., было отдано монархистам, октябристам и торгово-промышленникам. Но в ходе этого электорального процесса применялись и более радикальные меры. Представители черносотенцев рассылали анонимные угрозы физической расправы леворадикальным лидерам и представителям кадетской партии. Однако эффект получился обратный, последовали такие же письма уже от представителей организаций левого толка. Эти обстоятельства сыграли отрицательную роль на активности правомонархистских союзов³²⁰. Вкупе с отсутствием политического опыта предвыборной борьбы и боязнью последствий, такая практика стала причиной «могильного молчания партий»³²¹.

Симптоматика выборов ярко описывалась в «Козловской газете», где приводился разговор с человеком, отрекомендовавшим себя представителем Союза Русских Людей. На вопрос о том, кого следует избрать, он парировал, что, во-первых, городского голову, так как он является начальством. Во-вторых, в представлении эталонного избирателя черносотенцев следовало бы избрать доктора, поскольку его все знают и он хороший человек. И, наконец, необходимо

³²⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6508. Л. 21.

³²¹ Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект). С. 170.

было избрать мещанина, так как он является «нашим человеком»³²². В этом примере ярко просматривается инфантилизм правомонархических партий, не научившихся слышать публику, играть на ее запросах и надеждах.

На выборах во II Думу столкнулись интересы монархических партий и либерально настроенной общественности. Так, козловский городской голова В. П. Калмыков, сторонник кадетской партии, высказывался по поводу местного Союза Русских Людей: «пойду на пропасть, чтобы только провалить вас»³²³. Им же разрешалась агитация против Союза Русских Людей в избирательном помещении³²⁴.

Н. П. Муратов как представитель института публичной власти должен был обеспечивать законность и порядок в ходе избирательной кампании. Тем не менее, он проводил жесткий административный контроль, а порой неприкрытое давление в стремлении получить нужный правительству результат. Этими мерами губернатор выхолащивал идею свободных выборов, подрывая авторитет института монаршей власти. В. Н. Обнинский, комментируя эту административную практику, отмечал: «Нечего было даже инструктировать губернаторов и председателей кассационных избирательных инстанций: как оголодавшая стая гончих они накинулись на избирателей, забыв все охотничьи правила, хватая зубами направо и налево, нагло издеваясь над самыми ясными указаниями закона»³²⁵.

Административное давление в ходе избирательной кампании, затеянное тамбовским губернатором, выражалось в фальсификации избирательных списков, махинациями с вручением приглашений на выборы (в Козлове не розданных оказалось 1000 штук при 2500 избирателей), попытке аннулировать итоги выборов в Тамбове³²⁶.

³²² Козловская газета. 1907. 21 января.

³²³ Там же. 17 января.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Обнинский В. Н. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. С. 185.

³²⁶ Козловская газета. 1907. 17 января; Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния. С. 420.

1 февраля 1907 г. губернатор предписал полицмейстерам и уездным исправникам губернии сразу же после избрания членов Государственной Думы предоставить ему о каждом члене «самые подробные биографические сведения», особенно касающиеся общественной и политической деятельности³²⁷.

Губернатор оказал бесцеремонное давление на крестьянских выборщиков, которых приглашал к себе накануне губернского собрания. В апреле 1907 г. этот вопрос специально обсуждался на одном из первых заседаний вновь избранной Думы³²⁸.

Во время губернского собрания выборщиков Н. П. Муратов пытался его прервать, «цепляясь» за процедурные проблемы. Только после телеграммы председателя собрания, губернского предводителя дворянства Н. Н. Чолокаева П. А. Столыпину о «сильном возбуждении» выборщиков и положительного ответа выборы членов Государственной Думы от Тамбовской губернии удалось довести до конца³²⁹.

Но ни административное давление, ни практически полное отсутствие политических противников в медийном поле не смогли обеспечить правомонархическому блоку переломного результата вторых думских выборов. Депутатами стали 10 крестьян, один рабочий и нотариус. Прохождение в Думу рабочего социал-демократа В. М. Баташева звучало как приговор консервативному движению в губернии³³⁰. Фактически представительство от социально-политических сил Тамбовской губернии во II Думу было идентичным представительству в предшествующем составе, но с некоторой степенью полевления. Попытка властей провести в Думу представителей правых партий не увенчалась успехом.

³²⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6450. Л. 2.

³²⁸ Протасов Л. Г. Тамбовское крестьянство на выборах в I-IV Государственные Думы // Российское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2004. С. 139-141.

³²⁹ Токарев Н. В. Тамбовское крестьянство в избирательной кампании во II Государственную Думу // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Тамбов, 2000. С. 30-31.

³³⁰ Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния. С. 421.

Провал правомонархических партий на выборы во II Государственную Думу объяснялся их невнятными программными заявлениями по крестьянскому вопросу, чем воспользовались либеральные и левые партии, сумевшие внушить преобладавшему в губернском выборном собрании крестьянскому большинству, что они смогут решить аграрный вопрос в их пользу³³¹.

Моршанский городской голова докладывал губернатору 12 апреля 1907 г. о том, что социалистические учения нашли себе последователей среди всех слоев населения, с преимуществом у служащих и рабочих³³². Этот пример – наглядный показатель работы правомонархических партий: крупный купеческий и мещанский город не был охвачен созданием в нем отделений консервативных партий. Архаичные программные установки не нашли себе последователей и в рабочей среде, несмотря на открытие отделов в тамбовских вагоноремонтных мастерских или железнодорожных мастерских Козлова, где рабочие на выборах единодушно поддержали слесаря, а не представителя Союза Русского Народа³³³.

Тамбовские монархисты не смогли объединиться для совместной работы даже в пределах губернии, о чем писал Н. П. Муратов еще в октябре 1906 г.: «Следует отметить слабую сплоченность и необъединенность консервативных элементов»³³⁴.

Заметим, что иногда власть училась извлекать уроки из своих поражений. Еще более ползевшая вторая Дума с самого начала работы неминуемо двигалась в направлении своего роспуска. Губернатором Н. П. Муратовым уже в мае 1907 г. была организована кампания по дискредитации Государственной Думы призывами к ее роспуску. Она наиболее активно будет проходить в сельской местности, где малообразованному сельскому обществу под видом борьбы с извечным русским врагом «жидом», мнимой угрозе жизни императору и августейшему семейству будут даваться на подпись волостные и сельские приговоры против деятельности

³³¹ Щербинин П. П. Горожане Тамбовской губернии на выборах в I-IV Государственные Думы. С. 28.

³³² Там же. С. 28.

³³³ Козловская газета. 1907. 17 января.

³³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1906 (II). Д. 828 ч 14. Л. 1-19.

Думы. Часть таких сходов будут проходить под патронажем местных отделов и подотделов Союза Русских Людей и Союза Русского Народа.

14 мая 1907 г. при выражении верноподданнических чувств крестьяне Градско-Стрелецкой волости Козловского уезда выступали «...против революционного террора, дерзающего поднять свою окровавленную руку против царя и русского народа, ибо русский народ нераздельно связан с царем» и просили от всего многомиллионного русского народа, чтобы мощным державным словом прекратить все ужасы: «повели изменить избирательный закон, допускающий инородцев в устроительство нашей дорогой Родины, не слушай злых советников, которые стоят за ограничение твоего самодержавия и расширение прав евреям — истонным врагам веры православной, твоего самодержавия и русского народа»³³⁵.

22 мая 1907 г. члены изосимовского Союза Русских Людей и примкнувшее к ним Епанчинское волостное правление Козловского уезда выразили верноподданнические чувства в связи с избавлением государя императора от угрожавшей опасности: «собрались в день священного коронования... узнали о готовящемся злодейском замысле на жизнь нашего обожаемого монарха, а также о поведении левых депутатов в Государственной Думе, отказавшихся осудить цареубийство, чем они доказали русскому народу свое сочувствие цареубийцам... молим тебя, надежда народа русского, разгони крамольную Думу, которая заботится не о благе русского народа, а о благе инородцев и евреев, главных виновников всех несчастий нашего Отечества». Затем в здании изосимовского и епанчинского волостных правлений были отслужены благодарственные молебны³³⁶. 5 июня 1907 г. с таким же адресом обратился Староюрьевский отдел Союза Русского Народа³³⁷.

Местная правомонархическая газета «Тамбовский край» ретранслировала коллег из «Нового времени», где передавался якобы записанный разговор с крестьянами об их отношении к Думе, в котором они выражали свое недоверие ей,

³³⁵ ГАТО. Ф.4. Оп. 1. Д. 6510. Л. 111, 112.

³³⁶ ГАТО. Ф.4. Оп. 1. Д. 6510. Л. 165, 166.

³³⁷ Там же. Л. 180, 183.

мотивируя это тем обстоятельством, что они предполагали попадание в нее своих представителей от уездов. В итоге же туда попали люди «совсем незнакомые, чужие», которые, даже обладая профессионализмом, не могли исполнять их истинные чаяния и желания³³⁸.

В местной правомонархической прессе сообщалось, что роспуск I Думы не вызвал акций неповиновения среди крестьян, безусловно одобрявших волю монарха. Более того, ожидания от работы II Государственной Думы также не оправдались. Идея ее бесполезности приобретала генеральную линию. Вместо решения земельных вопросов, «улучшения земельного быта» и помощи голодающим, Дума была занята, по убеждениям правых монархистов, политическими дебатами, не приносящими осязаемых результатов, в противовес правительству, которое занималось конкретными делами, имея в виду землеустроительную комиссию и переселенческое дело. Помимо прочего, создавалось убеждение, что Дума только спорит, а между тем, каждый ее член получает по «десятке в день». Исключение делалось только для тех членов Думы, которые были представителями от правых партий³³⁹.

Роспуск II Государственной Думы не привел к массовым акциям неповиновения и не отразился на общественно-политической обстановке в губернии. 4 июня Н. П. Муратов рапортовал в Департамент полиции Министерства внутренних дел, что известие о роспуске Думы в Тамбове и остальных городах губернии встречено с полным спокойствием³⁴⁰. Это было нормальной обывательской реакцией, поскольку к лету 1907 г. большинство горожан вернулись к прежней спокойной жизни, а у крестьян хватало забот в связи с неурожайными 1905-1906 гг.

«Третьеиюньский» переворот и изменение избирательного закона существенным образом повлияли на положение правомонархических партий в

³³⁸ Тамбовский край. 1907. 5 апреля.

³³⁹ Там же. 25 марта.

³⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1907. Д. 108 ч 51. Л. 4.

условиях выборов в III Государственную Думу. Теперь большинство в губернском собрании обеспечивалось землевладельцам.

Осенью 1907 г. на выборах в III Государственную Думу губернские власти уже надежно контролировали ситуацию. Губернатор отмечал: «...в состав избирательных комиссий могут быть приглашаемы лишь лица, принадлежащие к легализованным обществам. В пределах вверенной мне губернии действуют объединения нижеследующих политических партий: Союза Русского Народа, отдела Союза Русских Людей, отдела Союза 17 октября и торгово-промышленной партии. Все остальные политические партии, начиная с кадетов и кончая крайне-левыми партиями, относятся к нелегальным»³⁴¹.

Тем не менее, памятуя о фиаско с выборами во II Думу, губернские власти решили не повторять прежних ошибок. Еще летом Н. П. Муратов циркулярно уведомлял уездных исправников о «необходимости иметь негласное наблюдение за ходом выборов уполномоченных от волостей, равно как уполномоченных от рабочих»³⁴². Параллельно земским начальникам поручалось информировать о действующих в их местах политических партиях, о настроении населения, давая «возможно подробные сведения» об избранных сходами уполномоченных³⁴³.

Стремясь обеспечить срежиссированные выборы, летом и осенью 1907 г. губернатор Н. П. Муратов требовал от уездных исправников принять «решительные и суровые меры» против попыток бойкота выборов³⁴⁴.

Избирательная кампания прошла тихо, без накала политических страстей. На исход выборов влияла не партийная принадлежность, а желание иметь в Думе представителя своего уезда³⁴⁵.

По итогам октябрьских выборов от Тамбовской губернии были избраны депутатами семь землевладельцев, в том числе члены Тамбовского Союза Русских

³⁴¹ Щербинин П. П. Горожане Тамбовской губернии на выборах в I-IV Государственные Думы // Избирательное право и избирательный процесс в России. С. 28.

³⁴² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6443. Л. 7.

³⁴³ Там же. Л. 7, 78-78 об.

³⁴⁴ Протасов Л. Г. Тамбовское крестьянство на выборах в I-IV Государственные Думы. С. 140.

³⁴⁵ Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния. С. 423.

Людей липецкий землевладелец А. В. Петров и князь, шацкий землевладелец В. М. Волконский, 3 представителя городской курии и один крестьянин³⁴⁶.

По этому поводу из крупнейших землевладельцев губернии В. М. Андреевский ликовал: «Осенью того же года состоялись выборы в 3-ю Думу. Это была картина совершенно иная, чем выборы в первые две Думы: ни подозрительных, никому неведомых личностей не шмыгало среди нас, ни митинговых собраний по кабакам не было; – собрались люди все, почти поголовно, бывшие гласными земских собраний и городских дум, люди привыкшие разбираться в общественных делах, и выбрали мы от губернии не карикатуру на «лучших людей», а действительно наших лучших людей»³⁴⁷.

Столыпинская аграрная реформа не принесла желаемых результатов, но отмена выкупных платежей, функционирование Крестьянского земельного банка обусловили, среди прочего, отсутствие на Тамбовщине крупных крестьянских волнений. Это повлияло на еще более спокойный характер проведения выборов в IV Государственную Думу.

Н. П. Муратов даже осуждал «равнодушие, отсутствие интереса к исходу выборов со стороны благонамеренных элементов населения, чуждающихся совершенно политики и интересующихся лишь тем, что их непосредственно касается». Осуждение имело характер своеобразной прагматики: тамбовский губернатор не столько осуждал абсентеизм как явление, сколько предсказывал опасность того, что всеобщая инфантильная безучастность может стать трамплином для левых и провести их в Думу, а «правые будут спать, и потребуются самые энергичные (меры), чтобы этих правых хоть на короткое время разбудить»³⁴⁸.

³⁴⁶ Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния. С. 423;

³⁴⁷ Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

³⁴⁸ Соловьев Ю. Б. Стратегия самодержавия и состояние политических сил на местах в период выборов в IV Думу // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. С. 92.

Одним из средств предвыборной борьбы в IV Государственную Думу местная власть считала распространение правой, как она сама себя называла, беспартийной газеты «Тамбовский край».

17 января 1912 г. начальник Тамбовского почтово-телеграфного округа докладывал губернатору Н. П. Муратову, что объявления о подписке на «Тамбовский край» разосланы по всем почтово-телеграфным и почтовым отделениям. Губернатор отмечал, что следует максимально широко ознакомить население о подписке на газету: «Желательно развешивать плакаты об издании «Тамбовского края» в волостных правлениях, у земских начальников, канцеляриях городских дум, съездов, уездных полицейских начальников, в винных лавках, станковых управлений, во всех почтовых и телеграфных отделениях, в казначействах, уездных управах, у агрономов, земских ставках, в больницах и приемных пунктах, земских складах, банках и проч.»³⁴⁹.

15 марта 1912 г. губернатор конфиденциально оповещал уездное и городское начальство, что в связи с выборами в Государственную Думу и предотвращения возможности попадания в нее представителей оппозиции, которая группируется в собраниях, клубах, гостиницах, пивных и чайных лавках, включить в планы борьбы за правительство выписку правых, дружественных газет, например, «Тамбовский край», отстаивающий «с должной силой и тактом интересы правых... Своим подчиненным словесно, не допуская переписки, ссылок на распоряжения, не оставляя никаких бумажных следов этой важной работы, обеспечить в этих местах распространение газеты по подписке по сниженной цене»³⁵⁰.

По итогам октябрьских выборов 1912 г. от Тамбовской губернии прошло уже пять депутатов-монархистов, четыре октябриста, два кадета и один прогрессист. Но был ли этот результат триумфом национальных правомонархических идей? Вряд ли его можно поставить им в заслугу. Как показывают исследования, к такому

³⁴⁹ ГАТО. Оп. 1. Д. 7685. Л. 6, 20.

³⁵⁰ Там же. Л. 26-26 об.

итогу привел небывалый административный ресурс, использованный в ходе избирательной кампании³⁵¹.

С окончанием Первой российской революции, умиротворением общества, приходом жизни в нормальное течение русла, постепенно затухает и деятельность черносотенных организаций в губернии. В 1912 г. произойдет раскол в Тамбовском Союзе Русских Людей, отрицательно сказавшийся на его дальнейшей работе. Количество собраний будет сокращаться с уменьшением их посетителей³⁵².

Причины следует искать в том, что самодержавие так и не наладило диалога с обществом, в том числе и с организациями его поддерживавшими. Николай II охотно принимал делегации Союзов, шаблонно реагировал на верноподданнические телеграммы, что местные союзники воспринимали как акт высшей благодарности. Однако на торжества по случаю 300-летия Дома Романовых они официально допущены не будут³⁵³. Власти и в центре, и на местах осторожно относились к деятельности правомонархических организаций. Благосклонное отношение к организациям вице-губернаторов Н. Е. Богдановича и П. Н. Масальского, губернаторов В. Ф. фон дер Лауница и Н. П. Муратова, которые иногда посещали собрания Союза Русских Людей и Союза Русского Народа, не давало им полного карт-бланша³⁵⁴. Для властей они так и не стали политическими партнерами. Попытка местных союзников выступать посредниками между работодателем и рабочими (защищая их интересы), апеллируя к власти, потерпит фиаско³⁵⁵.

Неоднозначное отношение к Государственной Думе будет провоцировать скандальные ситуации. Так, 6 сентября 1908 г. в неофициальном кадетском печатном органе газете «Речь» появилась заметка о рассылке Главным Советом

³⁵¹ Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния. С. 424-425.

³⁵² Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 533-534.

³⁵³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 95.

³⁵⁴ Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии. С. 14.

³⁵⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6904. Л. 3-3 об.; Д. 7031. Л. 63-63 об.

Союза Русского Народа земским начальникам, становым приставам официальной бумаги для объявления на сельских сходах возвания крестьянам, призывающее составлять приговоры об упразднении Государственной думы «как учреждения бесполезного».

13 сентября 1908 г. Департамент полиции циркулярно извещал губернаторов, исправников и земских начальников, что согласно этим сведениям существует реальность проведения таких сходов и составления возваний. Предписывалось немедленно проверить, получали ли местные органы власти такую корреспонденцию, и сообщить результаты без задержек для донесения министру МВД³⁵⁶.

С 20 сентября по 22 ноября уездные исправники и земские начальники информировали губернатора, что никаких возваний и посылок от Союза Русского Народа не получали³⁵⁷. Земский начальник 8-го участка Моршанского уезда 31 октября 1908 г. сообщал, что ничего подобного не поступало, более того «волостным писарям и старшинам приказано, чтобы они при получении каких-либо отдельных возваний или посылок от Союза Русского Народа не оглашали их даже среди служащих», предоставляя их сразу ему³⁵⁸.

Деятельность Союзов на местах будет тормозиться и бюрократическими препонами. В сентябре 1906 г. часть тамбовского духовенства будет выступать против проведения собраний Союза Русских Людей в здании семинарии, и потребуется вмешательство епископа Иннокентия для разрешения этого вопроса. На заседании II собрания духовенства Тамбовской епархии 20 сентября 1906 г. будет высказано порицание членам Тамбовского Союза Русских Людей С. Д. Бельскому и Н. И. Дмитревскому за их участие в политической организации. Некоторые депутаты будут прямо обвинять их в реакционизме³⁵⁹. Были и отказы в

³⁵⁶ Там же. Д. 6797. Л. 1, 2, 3.

³⁵⁷ Там же. Л. 4-5 об., 7-14, 17-19, 21, 22, 26, 30, 32, 48, 54, 58, 70, 73, 74, 78, 81, 82-85.

³⁵⁸ Там же. Д. 6797. Л. 82.

³⁵⁹ Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии. С. 15.

помещениях Союзам на местах для проведения собраний, как это случилось в Козлове в январе 1907 г.³⁶⁰.

На работе монархических Союзов скажутся и террористические акты против их руководства, осуществленные революционерами. В 1906 г. будет совершено покушение семинаристом на архимандрита Феодора, после чего он будет переведен в Москву. На сменившего Феодора на посту ректора Тамбовской духовной семинарии архимандрита Симеона, его ближайшего друга, симпатизировавшего черносотенцам, в апреле 1907 г. также будет совершено покушение, в результате которого он будет прикован к инвалидной коляске³⁶¹.

Угрожающие письма неоднократно получал председатель козловского Союза Русских Людей А. С. Жихарев³⁶². Так, отмечая «вялость» работы Союза Русского Народа в Борисоглебске, местный исправник будет объяснять это боязнью мести со стороны местных революционеров³⁶³. Темниковский уездный исправник, сообщая о создании в начале января 1907 г. местного отдела Союза Русского Народа в Кадоме, будет всерьез опасаться появления «контр-партии» со всеми вытекающими последствиями будущего противостояния³⁶⁴.

Можно констатировать, что в общественно-политических вопросах и запросах общества правомонархические и консервативные движения не смогли перестроиться, отвечая на потребности общественности. Говоря современным языком, они не учли электоральные запросы. Укрепление и обновление православия не являлось для населения актуальной задачей, тамбовское народонаселение, в большинстве своем крестьянское, мало интересовало задачи реформирования государственного управления и образования. Все их внимание было привлечено к земле. Также обстояло дело и с рабочим вопросом. Предложения черносотенцев для решения этих проблем предполагали

³⁶⁰ Козловская газета. 1907. 28 января.

³⁶¹ Тамбовский край. 1907. 13 апреля.

³⁶² Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии. С. 15.

³⁶³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6508. Л. 21.

³⁶⁴ Там же. Д. 6510. Л. 81, 82.

значительный длительный отрезок по их реализации, предоставляя инициативу в его решении государству. Леворадикальные партии предлагали более решительные, а самое главное – понятные и быстрые шаги по урегулированию этих проблем.

Инертная крестьянская масса являлась благодатным объектом воздействия социал-демократов и эсеров. Столичные власти не зря беспокоились, рассылая циркуляры на места по недопущению проникновения леворадикальных агитаторов в крестьянскую среду. Также обстояло дело и с рабочими. Открывая новые отделы на рабочих предприятиях, черносотенцы не стали для них своими, что подтверждалось итогами выборов в Государственную Думу. Архаичные программные установки привели к тому, что для низов социальной пирамиды правомонархисты так и не превратятся в выразителей их интересов, а для власти не станут опорой и союзниками. Не осознавшее необходимости создания собственной «партии власти» самодержавие, явится причиной угасания и упадка монархического движения. Правомонархические Союзы за годы своего существования в Тамбовской губернии не выработали единых программных установок и планов действий. Разобщенность и автономия станут факторами ослабления политической активности правых организаций. Можно констатировать, что правомонархические организации не смогли воспользоваться теми политическими инструментами ведения пропаганды, поддерживающей и актуализирующей монархические настроения среди населения Тамбовской губернии, что предоставляло им действующее законодательство. Это вполне закономерно сказалось и на результатах выборов в Государственную Думу первых составов.

2.2 Политика губернской власти по формированию и поддержанию монархических настроений: содержание административных практик и проблема их эффективности

Умонастроения населения Тамбовской губернии, как мы успели убедиться в этом из предшествующего изложения, всегда были в центре внимания губернских властей, органов политического сыска. Вследствие данного обстоятельства, вопросы формирования, поддержания, актуализации и масштабирования общественно-политических настроений промонархической направленности не могли носить стихийного, абсолютно не контролируемого характера. Мы можем выделить ряд таких административно-политических практик в арсенале губернского руководства, которые применялись на протяжении исследуемого периода и призваны были укрепить и расширить консервативно-монархический сегмент общественного сознания населения Тамбовской губернии. Обратимся к анализу их содержания и оценке действенности.

Одним из наиболее распространенных способов выражения монархических чувств населением Тамбовской губернии была подача верноподданнических адресов на имя монарха или членов августейшего семейства. Ее еще можно назвать своеобразной формой демонстрации официальной лояльности власти. Существовали два типа таких адресов – одиночные и коллективные. Очевидно, что одиночные выражения монархических чувств имели индивидуальный характер и исходили от физических лиц. Коллективные обычно подавались от сельских обществ – волостей, сел, иногда деревень, а также от органов власти. Могли они исходить и от коммерческих организаций, общественных объединений, рабочих коллективов или, после легализации таковых, от политических структур.

Наше исследование феномена подачи верноподданнических адресов опиралось на изучение фонда канцелярии тамбовского губернатора

Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), через которую и осуществлялись вся регистрация и движение верноподданнической корреспонденции в Санкт-Петербург, ответы августейших особ заявителям.

Для удобства обработки информации нами были сформированы две электронные базы данных (БД) в виде таблиц в программе «Microsoft Excel»: «Количество верноподданнических адресов (1902-1914 гг.)» и «Адресанты верноподданнических адресов_1898-1914 гг.» (См. Приложение 3-6.). С помощью первой БД мы систематизировали количество верноподданнических адресов в указанные годы по месяцам, что позволило проанализировать динамику промонархической активности в губернии в привязке к наиболее значимым событиям социально-политического характера. Данный источниковый метод изучения систематизированных данных наиболее предпочтителен при решении поставленных нами задач. Таблицы «Excel» позволили провести необходимую разбивку по временным периодам и группам заявителей. Конечно же, мы отдаем себе отчет в том, что количество верноподданнических адресов, зафиксированное в БД, может до определенной степени не отражать действительного их числа. Проблему сохранности архивной документации в фонде губернской канцелярии никто не отменял. Однако мы считаем полученные нами данные вполне релевантными. Забегая вперед, заметим, что динамика демонстрации верноподданнических чувств достаточно четко коррелируется с основными событиями внутренней и внешней политикой России в исследуемый период.

Вторая БД «Адресанты верноподданнических адресов_1898-1914 гг.» предоставила возможность определить круг лиц и организаций, от которых исходила корреспонденция о выражении верноподданнических чувств на имя монарха и членов августейшей фамилии. Прежде всего, это органы местного самоуправления – городские думы, городские управы, губернские и уездные земские съезды (земства), сельские общества (волостные и деревенские сходы). Далее следуют биржевые комитеты, кредитные общества, женские патриотические комитеты, пожарные дружины и т. д. Нами зафиксировано несколько случаев, когда отдельно от городских дум (последние отмечали свою преданность в

посланиях от лица горожан) свою монархичность демонстрировали городские общества, к примеру, мещане и приказчики. Сюда же можно отнести такие категории адресантов, как сообщество георгиевских кавалеров, а также единичный случай изъявления верноподданничества новобранцами.

Следующая группа заявителей – политические объединения, к которым относились тамбовские отделения Союза Русского Народа и Союза Русских Людей. Довольно специфической категорией адресантов выступали такие религиозные объединения, как еврейские общества и сектанты. Также нами зафиксированы немногочисленные случаи подачи адресов физическими лицами.

Коллективные адреса на имя царя или членов царской семьи имели особую процедуру подачи. В сельских территориях она предусматривал следующий достаточно сложный порядок. Инициатива выражения верноподданнических чувств исходила от местных властей. Определялись селение либо волость, от которых предполагалось подать адрес. В случае, если это была волость, на сельском сходе избирались выборные на волостной сход. Последнему уже предлагалось для одобрения заранее подготовленное властями послание. Волостным писарем фиксировалось количество участников, их поименно записывали в ведомость. После оглашения обращения и одобрения такового большинством, следовало его подписание. Затем через канцелярию губернатора верноподданнический адрес отсылался в Санкт-Петербург.

Городские думы, управы и земства принимали решение о подаче верноподданнических заявлений на своих собраниях. Таков же был порядок принятия коллективных адресов в коммерческих, общественных, религиозных организациях, в структурах, не имеющих какого-либо юридического статуса, как, например, в собраниях георгиевских кавалеров Тамбовской губернии, рабочих тамбовских вагоноремонтных мастерских и т. д.

Отправка верноподданнических телеграмм при этом требовала определенных расходов. Для того, чтобы ускорить получение верховной властью свидетельств лояльности подведомственного им населения, губернаторы нередко

из личных средств финансировали их отправку, впрочем, не стесняясь требовать затем с местных властей компенсации³⁶⁵.

М. Д. Долбиловым уже достаточно обстоятельно был описан порядок приема верноподданнических адресов: монарх лично не читал такие петиции, они проходили («просеивались») через делопроизводителей Министерства императорского двора, наиболее достойные попадали на подпись и резолюцию самого министра. До чтения, пусть и в сокращенной форме, самим императором, дело доходило крайне редко³⁶⁶.

Однако существовала и обратная связь с адресантами, когда после обработки Министерством императорского двора на петиции ставилась соответствующая резолюция государя. Варианты резолюций имели шаблонный характер: «прочел с удовольствием», «искренне (всех) благодарю (благодарить)», «искренне благодарю всех за выраженные чувства»³⁶⁷. После этого петиция с визой императора направлялась в канцелярию губернатора, оттуда заявителю (заявителям), в думу, управу, земство, в уезд, а затем и в волость, – в общем, адресанту верноподданнического послания. Далее механизм требовал публичного оглашения резолюции государя. В городе эта церемония осуществлялась опять-таки на заседаниях органов власти или различных обществ. В сельской местности процедура оказывалась более сложной. Крестьяне должны были собраться для заслушивания высочайшей резолюции на сельский сход или, что происходило чаще, для избрания выборных на волостной сход, которому она и оглашалась в торжественной обстановке.

Изучив фонды канцелярии Тамбовского губернатора ГАТО, проанализировав в качестве вторичного источника упомянутые электронные БД, мы пришли к выводу о существовании неких первопричин и первоисточников демонстрации официальной лояльности власти населением. Зачастую она

³⁶⁵ ГАТО. Ф.4. Оп. 1. Д. 6510. Л. 136.

³⁶⁶ Долбилов М. Д. Атгестация «верноподданнических чувств»: Министерство императорского двора и народные панегирики Дому Романовых в 1860-1890-х годах // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 24.

³⁶⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6245. Л. 143.

генерировалась губернской властью с главной целью продемонстрировать верхам административной пирамиды собственную эффективность, критерием которой выступала управляемость и подконтрольность социально-политической ситуации в губернии. Демонстрация преданности населения монарху рассматривалась в качестве одного из наилучших инструментов достижения данной цели.

В самом деле, анализируя документы фонда губернаторской канцелярии с 1898 г. и электронные БД, можно установить такого рода корреляцию между публичной демонстрацией приверженности жителей губернии монархическим настроениям и какими-либо значимыми внутри- или внешнеполитическими событиями. Тем более, что, как это нами уже упоминалось, вся корреспонденция на имя монарха и обратно проходила через сито губернаторской канцелярии.

Итак, в 1898 г. не имеется ни одного верноподданнического адреса на имя императора. С 1899 г. по 1901 г. – ситуация аналогичная. В 1902 г. подается единичный адрес, а в 1903 г. они также отсутствуют. По всей вероятности, в представлении губернских властей социально-политическая обстановка в регионе казалась вполне контролируемой и не требующей официальной демонстрации лояльности.

В 1904 г. мы зафиксировали уже 13 фактов такого рода корреспонденции, в основном исходившей от городских дум. Она оказалась связана с началом русско-японской войны и выражением, как это отмечалось выше, патриотических и верноподданнических настроений. Как ни странно, но губернские власти не стали себя озадачивать наращиванием объемов верноподданнической корреспонденции на монаршее имя, подключив к этому и сельские территории. Возможно, данный факт был связан с тем, что в Тамбовской губернии, как и по всей России, прокатилась волна молебнов о ниспослании побед русскому оружию над Японией. Патриотический порыв был вполне масштабным и без административного нажима. Даже такие крупные представители научной интеллигенции, как Д. И. Менделеев ратовали за выход к берегам Тихого океана и закрепление на Дальнем Востоке³⁶⁸,

³⁶⁸ Менделеев Д. И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. С. 193-222.

что же было говорить о настроениях простых обывателей, патриотизм которых приобретал, подчас, форму уродливого шовинистического угара, направленного против «желтомордых макак».

Новый всплеск подачи верноподданнических адресов приходится как раз на революционный период – 1905 г., 1906 г. и 1907 г. На это время выпадает 65% объема верноподданнической корреспонденции с 1898 по август 1914 г. Причем на 1905 г. приходится 12% фактов выражения верноподданнических чувств, на 1906 г. – 23,5%, но пика промонархическая официальная активность достигает в 1907 г. – 29 % от общего количества направленных из Тамбовской губернии адресов. Даже на 1914 г. приходится, по нашим подсчетам, всего лишь 14%. Вместе с тем, здесь следует сделать оговорку, что свои верноподданнические чувства жители губернии в связи началом Первой мировой войны выражали и осенью, и зимой 1914 г. По крайней мере, такие адреса нами фиксировались и в декабре этого года. Однако это время уже выходит за рамки нашего исследования.

Наиболее значимым поводом к подаче верноподданнических адресов в Тамбовской губернии стал манифест от 17 октября 1905 г. В предшествующем изложении мы уже фиксировали факты верноподданнических посланий на имя монарха от городских дум и управ губернского и уездных центров. Однако органы городского самоуправления не доминировали в качестве адресантов выражения промонархических настроений. За октябрь-ноябрь 1905 г. 55% верноподданнической корреспонденции исходило от сельских обществ, лишь затем шли городские думы, совершенно незначительным был процент адресов от коммерческих организаций и мещан.

И если верноподданнические инициативы органов городского самоуправления во многом объяснялись соответствием либерализации внутривнутриполитического курса ожиданиям и запросам значительной части городского народонаселения, которое не могло не приветствовать предоставления гражданских и политических свобод, переустройства механизма осуществления государственной власти, то мотивы демонстрации лояльности монарху со стороны крестьянских обществ были более сложными. Конечно же, крестьяне не могли не

приветствовать уменьшение выкупных платежей, закрепленное манифестом от 3 ноября 1905 г., но сам механизм подачи верноподданнических адресов, описанный выше, не мог быть осуществлен без инициативы и деятельного участия уездных исправников, оставляя крестьянским обществам довольно пассивную роль.

В декабре 1905 г. активность крестьян в выражении верноподданнических чувств пошла на спад, составив, однако, 90% от исходившей из Тамбовской губернии корреспонденции подобного типа за данный месяц, а в абсолютном годовом выражении – 12%.

С ноября 1905 г. послания царю стали посылать и отделения Союза Русского Народа, открывшиеся в губернии. Как правило, особым разнообразием такие послания не отличались, поскольку направлялись по случаю открытий отделений, ко дню тезоименитства царственных особ и т. п.

1906 г. принес за собой заметную интенсификацию динамики демонстрации промонархических настроений в губернии, увеличив ее в два раза по сравнению с предыдущим годом. В январе, феврале, марте этого года все также основными заявителями выступали крестьяне, а с апреля «оживились» и городские думы. География благодарностей сельских обществ за манифесты 17 октября и 3 ноября распространялась практически на всю губернию: такие факты фиксировались нами в Тамбовском, Лебедянском, Моршанском, Козловском, Спасском, Усманском, Борисоглебском уездах. Летом 1906 г. проявления крестьянами политической лояльности институту монархии снизились, что было обусловлено, как нам представляется, наступлением сезона полевых работ.

Выборы в Государственную Думу, законодательная деятельность представительного органа явились новым социально-политическим фактором, повлиявшим на содержание верноподданнических обращений на имя монарха. Будучи закоренелым антисемитом, тамбовский губернатор Н. П. Муратов решил сам сыграть на распространенности подобных предубеждений в отношении евреев среди части крестьянского населения губернии³⁶⁹.

³⁶⁹ Канищев В. В. Деятельность тамбовского губернатора Н. П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906-1912 гг.: дис. ... канд.

В декабре 1906 г. тональность верноподданнических посланий от тамбовского крестьянства звучит как тревога относительно возможного предоставления гражданских и политических прав евреям, допуска их к выборам в Государственную Думу. «Нас крайне волнуют дошедшие до нас слухи о том, что евреям готовится дарование равноправия, умоляем тебя не отдавать нас в рабство. Россия и без того находится в полной кабале у евреев. Настоящее положение в нашем Отечестве указывает на то, что доколе племя это будет жить в России, до тех пор спокойствие в стране будет невозможно», – писали в декабре 1906 г. крестьяне, представлявшие 985 домохозяйств Чурюковского сельского общества, Старо-Юрьевской и Покрово-Васильевской волостей Козловского уезда³⁷⁰.

Такие же приговоры, но инициированные уже Союзом Русских Людей, имевшим в Козловском уезде разветвленную сеть местных структур, составлялись в январе 1907 г. в с. Изосимово (220 из 320 домохозяев), селе Лежайка (260 из 394 домохозяев), Градско-Стрелецкой волости. Причем в последнем случае крестьяне благодарили императора за законодательное оформление равноправия сословий, но выступали за поражение в правах евреев³⁷¹.

В 1907 г. публичная демонстрация лояльности в анализируемой форме максимально интенсифицировалась за весь исследуемый период, составив 29% от такого рода посланий. Из 177 направленных на монаршее имя адресов 116 или 65,5% в качестве адресантов имели сельские общества.

Преобладание крестьянских обращений мы склонны объяснять тем обстоятельством, что в 1905-1906 гг. Тамбовскую губернию накрыли неурожайные годы, усугубившие и так довольно острую социально-политическую обстановку. Ситуацию во многом спасло широкое предоставление крестьянам посевного материала и ссуд за счет средств императора.

ист. наук. Тамбов, 2005. С. 137-139; Туманова А. С. Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 109-110.

³⁷⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6510. Л. 75, 76-80.

³⁷¹ Там же. Л. 90-91, 111, 112; Д. 6245. Л. 317.

Безусловно, такого рода действия со стороны верховной власти отвечали интересам тамбовского крестьянства, оказавшегося в довольно сложной экономической ситуации, и значимая его часть могла испытывать вполне искреннюю и естественную в таких случаях благодарность и даже симпатию по отношению к личности монарха. Но была ли демонстрация монархических настроений личной инициативой крестьян Тамбовской губернии? Или все же их подталкивала властная инициатива? Ряд свидетельств заставляют нас склониться к предположению о том, что организатором монархического всплеска выступала власть. Попробуем его объяснить.

Наибольшее количество крестьянских благодарственных обращений к государю приходится на май-сентябрь 1907 г. Это, как ни трудно догадаться, период осенне-весенних полевых работ. Попытаемся смоделировать происходившие тогда события. Крестьяне должны были бросать работу в поле, собираться на сельский сход, выбирать делегатов на волостной сход, а те, в свою очередь, отправиться в волостное правление. Там им зачитывалось подготовленное обращение к царю, они его одобряли, подписывали и расходились по домам. Через некоторое время крестьян опять собирали, выбирались делегаты, выборные ехали в волость для того, чтобы заслушать теперь уже ответ императора. Заметим, расходы на дорогу им никто не компенсировал, они проделывали путь на своих лошадях, которым требовался корм, со своими припасами, потому что волость могла быть достаточно удалена от населенного пункта. Вряд ли это могло осуществляться по доброй воле самих крестьян. Определенные свидетельства в пользу такого суждения мы находим в архивных документах.

Так, Уваровский волостной сход в августе 1907 г. не состоялся из-за неприбытия выбранных делегатов, его проведение перенесли на неделю³⁷². Возможно, что он так и не состоялся, конкретной информации по этому поводу мы не обнаружили: но это показательный пример неприбытия делегатов в урожайную страду тем более, что крестьяне собирались благодарить «за оказанные милости по

³⁷² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6470. Л. 11.

предоставлению продовольствия в минувшие неурожайные годы»³⁷³, выражая верноподданнические чувства, по сути, повторно. Весной 1907 г. делегаты Уваровской волости уже направляли на имя императора соответствующий адрес³⁷⁴. Жителей Больше-Алабужской, Боганской волостей Борисоглебского уезда также дважды подталкивали к составлению соответствующих приговоров – в июле и августе 1907 г. Механизм благодарения, сложная процедура составления приговоров (в некоторых местностях неоднократная), накладывающаяся на сезон полевых работ, не вызывали повышенного энтузиазма у сельчан.

Вероятно, в Петербург начала поступать обратная агентурная связь по линии жандармского управления о недовольстве крестьян охватившим губернию верноподданническим экстазом. В сентябре 1907 г. Н. П. Муратов получил из Министерства внутренних дел секретный циркуляр о нежелательности проведения таких акций в связи с большим скоплением селян и процедурой собирания с них подписей: «как собирание подписей, так и сам факт составления благонадежных приговоров крестьянских обществ по поводу выдачи продовольственной ссуды, как дающие повод для широкой агитации на этой почве, должны быть признаваемы совершенно неуместными и в этом смысле надлежит дать соответствующие указания тем земским начальникам, которые допустили это явление»³⁷⁵. Центральная власть уместно опасалась, что скопление большого количества крестьянского люда в страду и так вызывает возмущение отрывом от работ, и достаточно малой искры, чтобы мирный сход превратился в антиправительственное выступление.

И тут мы сталкиваемся с извечной проблемой косности и неповоротливости российского бюрократического аппарата, который в попытках продемонстрировать свою эффективность был способен в корне выхолостить любую инициативу, превратить важное и значимое направление деятельности органов власти в никому не нужный ритуал. Стремление губернатора

³⁷³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6470. Л. 3.

³⁷⁴ Там же. Л. 32.

³⁷⁵ Там же. Л. 76.

Н. П. Муратова продемонстрировать верховной власти управляемость и подконтрольность социально-политической ситуации в Тамбовской губернии приводило к прямо противоположным результатам. В конечном итоге потребовалось вмешательство центральной власти, чтобы притормозить излишнюю угодливость тамбовских начальников.

С 1908 по 1911 г. основными адресантами верноподданнических адресов выступали георгиевские кавалеры. С 1908 г. губернатор Н. П. Муратов, движимый желанием сплотить население губернии после революционной смуты, стал первым в России инициатором широкого чествования георгиевских кавалеров.

Новый всплеск демонстрации монархических настроений в губернии произойдет в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. Основными адресантами будут выступать городские думы и управы, губернская и уездные земские управы, биржевые комитеты, кредитные общества, патриотические дамские кружки и т. п. Тем не менее, и крестьяне будут привлечены к этому процессу, но уже не в таком количестве, как в революционные годы. Это объяснялось летней страдой и мобилизационными мероприятиями.

Своего рода «экзотическими» заявителями можно назвать евреев городов Борисоглебска, Кирсанова, Козлова и Лебедяни и сектантов с. Рассказово, ратовавших за здоровье монарха и победы русского оружия. Но тут, видимо, усматривается желание оградить себя царской благодарственной резолюцией на случай возможных антиеврейских и иноверческих погромов³⁷⁶.

В общем потоке заявлений на монаршее имя зафиксировано два случая подачи их от физических лиц – вдовы офицера и неграмотной крестьянки, пославшей теплые вещи дочерям Николая II. Остается неясным вопрос, кто помогал неграмотной селянке составлять адрес, и чем было вызвано ее желание утеплить августейших особ.

Из всех заявителей с 1898 г. по август 1914 г. наиболее многочисленной группой являются крестьяне – 46%, затем идут городские думы – 16%,

³⁷⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8703. Л. 38, 51, 60, 63, 67.

георгиевские кавалеры – 11%, горожане – 9,4%, городские и уездные земские управы – 7%, Союз Русского Народа и Союз Русских Людей – 4,7%, биржевые комитеты, кредитные общества, патриотические дамские кружки и т. п. – 3,6%.

Таким образом, проанализировав заявителей верноподданнических адресов и время их подачи, можно сделать следующие выводы. Во-первых, почти половина адресантов – крестьяне, которые осуществляли свои действия по инициативе и под присмотром местных властей. Вторая многочисленная группа – гласные городских дум. Георгиевские кавалеры, впервые замеченные и обласканные властью, искренне выражали свои монархические чувства в послереволюционный период спокойствия в империи. То есть, можно заключить, что видимая верноподданническая преданность либо организовывалась самой властью, либо исходила от лиц, которые, по крайней мере, официально и так выражали свою приверженность самодержавию. Монархический экстаз приходится на три года Первой российской революции и являлся попыткой губернской администрации показать видимость спокойствия и верности населения царю.

Своеобразной формой восстановления прежних патриархальных отношений «добрый монарх – благодарные подданные» была предпринятая попытка губернатором Н. П. Муратовым по организации в Тамбовской губернии праздника Георгиевских кавалеров. Николай Павлович был назначен в Тамбовскую губернию в сентябре 1906 г.³⁷⁷, когда в ней еще, по его выражению, чувствовался запах гари от недавних антиправительственных выступлений³⁷⁸.

Несмотря на то, что назначение он получил после личной аудиенции председателя Совета министров, министра внутренних дел П. А. Столыпина, а именно данное министерство в конце XIX – начале XX века предварительно рассматривало кандидатуры губернаторов, чувствовал он себя на своем посту неуверенно. Вообще Н. П. Муратов впоследствии вспоминал, что и не помышлял о

³⁷⁷ Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917. С. 446.

³⁷⁸ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007. С. 29.

такой должности, его предел карьерных мечтаний ограничивался службой губернским прокурором³⁷⁹.

Одной из попыток упрочить свое губернаторское положение и обратить на себя внимание Петербурга была организация торжеств по чествованию героев-георгиевцев. Конечно же, нельзя одному только карьеризму приписывать данную инициативу Н. П. Муратова. Он был движим и чувством отдания должного внимания ратным подвигам защитникам Отечества, и желанием сплотить население губернии вокруг монархической идеи.

Основанием проведения торжеств послужили обращения ветеранов русско-японской войны, крестьян Тамбовского уезда к губернатору осенью 1908 г. с просьбой об оказании помощи для проезда в Санкт-Петербург на праздник Георгиевских кавалеров 26 ноября этого года. Один из заявителей писал: «как верноподданный Царю и Отечеству... желал... видеть государя-батюшку и передать ему от нашего общества верноподданнические чувства и преданность»³⁸⁰.

Следует указать, что на тот момент проводимые в столице торжества по случаю дня св. Георгия Победоносца еще со времен основательницы ордена этого святого Екатерины II носили камерный характер (мероприятие проходило в Зимнем дворце), в них участвовали только кавалеры-жители Петербурга и его окрестностей³⁸¹. Массовый же характер они приобрели с 1910 г., когда их стали проводить в Народном доме³⁸². Поэтому Муратов смог убедить заявителей, что никаких торжеств в столице проводиться не будет. Это было, как оказалось, истинной правдой, в 1908 г. торжества по этому случаю в Петербурге не состоялись³⁸³. Однако у него возникла идея об организации проведения этого

³⁷⁹ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. С. 25.

³⁸⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 115, 119-122об, 166.

³⁸¹ Добровольская Л. И., Лукьянчикова А. М. «...И впредь ежегодно сей день празднован будет» (из истории празднования Дня георгиевских кавалеров) // Сим победиши: сб. статей. СПб.: Из-во Гос. Эрмитажа, 2024. С. 282, 283, 285.

³⁸² Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. С. 88.

³⁸³ Добровольская Л. И., Лукьянчикова А. М. «...И впредь ежегодно сей день празднован будет» (из истории празднования Дня георгиевских кавалеров). С. 289.

праздника в Тамбовской губернии, причем он должен был приобрести массовость, с чествованием всех георгиевцев, проживающих на территории региона.

Конечно же, прошедшая русско-японская война мобилизационной волной затронула и Тамбовскую губернию. Призванные тамбовцы в составе 6-го Сибирского корпуса жестоко пострадали под Мукденом и Шахе, о чем Муратов хорошо знал. Обратить внимание на пострадавших героев, задобрить сельское общество участием властей, поскольку подавляющее большинство призывников составляли крестьяне, стало для губернатора выполнимой задачей.

В губернаторском циркуляре, разосланном уездным исправникам, который они переписывали и рассылали старшинам волостей, указывалось: «Много скромных... героев рассеяно у нас по Руси, в частности по Тамбовской губернии... есть и седые ветераны, помнящие грозные дни Севастополя, подавившие польское восстание, бравшие Плевну и Шипку, есть и молодые еще люди, отличившиеся в последнюю тяжелую войну... для многих и многих – жизнь – сплошные серые, а часто и голодные будни.

Не заставят ли они многих горько роптать на общество и на Родину, за которую они проливали кровь, отдавали жизнь, и которая взамен не дала им ничего.

Общество обязано сделать все, чтобы поддержать и помочь тем, кто в свое время его защищал. Общество должно помнить, что именно эта среда передает народу славные боевые традиции дисциплины и порядка, дух верности Престолу и Отечеству... Мы – их неоплатные должники. Мы – и администрация, и общество должны показать героям на их праздник, что мы помним о них, что мы не забыли их ран и пролитой крови, что мы любим, ценим и гордимся ими. Мы должны дать им возможность собраться в этот день дружной семьей и пронести его за товарищеской трапезой, в беседе и воспоминаниях.

Бедным нашим героям должна быть вами предоставлена полная возможность проехать в уездный город и обратно на сельских и волостных лошадях. Пусть богач даст свою лошадь бедняку.

В этот знаменательный день всем кавалерам должна принадлежать слава, честь, и низкий поклон всех тех, кто живет на русской земле. Так должен думать всякий любящий свою Родину русский человек»³⁸⁴.

Чествование всех героев в губернском городе, по воспоминаниям Н. П. Муратова, в связи с организационными и логистическими трудностями, не представлялось возможным. Поэтому его реализацию решили осуществить в губернском центре и уездных городах, а уже в последние приглашать кавалеров, живущих в уездах. Для проведения праздника в городах губернии организовывались соответствующие комитеты по сбору средств для него. Комитет в Тамбове возглавил лично Н. П. Муратов, а в его состав вошли городской голова А. А. Ерофеев и командующий 218-м Борисоглебским резервным кадровым пехотным батальоном полковник Ф. А. Эккерсдорф. В уездных городах комитеты обычно образовывались из уездных предводителей дворянства, исправников, воинских начальников, городских голов и полицмейстеров.

Личный контроль губернатора за организацией торжеств обеспечил энергичную работу уездных исправников. Они оповещали население о проведении в уездных городах 26 ноября Георгиевского праздника, направлялись письма земским начальникам, станovým приставам и полицейским урядникам, а также печатались объявления для расклеивания в местах наибольшего посещения местной публикой³⁸⁵. Кавалеры должны были заранее уведомить местную администрацию о своем желании участвовать в торжествах.

Проведение такого масштабного мероприятия требовало значительных средств, поэтому население оповещалось о добровольном пожертвовании средств чествования героев. В Тамбове и ряде уездных городов общество охотно откликнулось на инициативу губернатора. Так, семейное собрание приказчиков Тамбова пожертвовало 200 руб., тамбовское городское управление – 200 руб., тамбовское коннозаводское собрание – 200 руб., совет старшин тамбовского купеческого собрания – 100 руб., городской голова – 10 руб., городской секретарь

³⁸⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 125-125об.

³⁸⁵ Там же. Л. 136, 137, 141.

С. Г. Кишкин – 3 руб., 4 руб. (по рублю каждый) – учителя городских училищ А. А. Несмелов, И. Е. Афанасьев, Ф. М. Голованов и В. Сохранский³⁸⁶. В Моршанске приход от подписки составил 248 руб., городская управа выделила 100 руб., городской голова – 104 руб., полицмейстер предоставил от городских торговцев 107 бутылок пива, 120 – фруктовой воды, 18 – вина, 3 ведра кваса и т. п.³⁸⁷ В Липецке воинский начальник предоставил 40 руб., городской голова и уездный предводитель дворянства обещали выделить из городских и земских средств по 100 руб. с условием не просить деньги у горожан³⁸⁸. Липецкие старшины всеобщего клуба бесплатно предоставили зал на 300 человек с обязательством расставить в нем бюсты царствующей фамилии, задрапировать все зеленью и украсить национальными флагами³⁸⁹. Липецкий же уездный исправник, выполняя предписание губернатора, обязался доставлять малоимущих кавалеров в Липецк на мирских и волостных лошадях. Такое же отношение было и в Усмани, где помимо этого компенсировали проезд приехавшим железнодорожным транспортом³⁹⁰.

Отметим, что в основном в уездных городах сбор средств на праздник проходил без затруднений. Вместе с тем, Лебедянский исправник жаловался на городское управление и уездное воинское начальство, которые выделили менее трети необходимых сумм, остальное было собрано по подписке³⁹¹. По замечанию усманского городского головы, гласные Думы и население охотно откликнулись на предложение чествования «георгиевцев», праздник будет устроен: «Хотя и очень скромно, но тепло и искренне»³⁹².

Городской голова Тамбова обращался к губернатору с «непрощенным советом», чтобы трапеза для георгиевских кавалеров не превратилась в банальную кормежку, а «была настоящей братской трапезой»³⁹³. Собранных средств на

³⁸⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 107, 109, 113.

³⁸⁷ Там же. Л. 164.

³⁸⁸ Там же. Л. 119-122об.

³⁸⁹ Там же. Л. 122-122об.

³⁹⁰ Там же. Л. 158

³⁹¹ Там же. Л. 132об.

³⁹² Там же. Л. 165.

³⁹³ Там же. Л. 113.

проведение праздника хватило с избытком, поэтому оставшиеся деньги были зачислены на депозит канцелярии губернатора с назначением для устройства аналогичных торжеств в 1909 г.

В Тамбове ожидалось прибытие 480 кавалеров, о чем свидетельствуют закупочные сметы. Закупались сушеные и свежие фрукты, чай, сахар, колбаса, ветчина, сосиски, сельдь, баранина, яйца, огурцы, картофель. Все это направлялось в казармы Борисоглебского полка, где должен был состояться обед. Приобретались деревянные ложки, папиросы, различные сорта водки и пива. Специально для кавалеров готовились праздничные пироги³⁹⁴.

В Липецком уезде желающих отметить праздник насчитывалось 151 человек³⁹⁵. В Борисоглебске на торжества явилось 197 человек³⁹⁶, в Усмани – около 300³⁹⁷, в Лебедяни в празднествах приняло участие 104 кавалера. Причем, по мнению уездного исправника, охват ветеранов был полный, так как на празднества прибыли две солдатки, принесшие ордена своих покойных мужей, и молодой крестьянин, предъявивший документы об отставке своего отца и его Георгиевский крест³⁹⁸. Неожиданный наплыв кавалеров в Лебедянь (ожидалось 60-70 человек) не смутил организаторов, все необходимое было быстро доставлено, и обед начался в назначенное время³⁹⁹.

Интересно, что при составлении меню для праздничного обеда в Тамбове не учитывался шедший в это время Рождественский пост, поэтому присутствовали скромные мясные блюда. Напротив, липецкий исправник отмечал, что из-за стариков-кавалеров меню обеда было постным, но, однако же, на каждого выделялось полбутылки водки, две бутылки пива и сладкие напитки не употребляющим алкоголь. За приготовление блюд взяли лучшие липецкие

³⁹⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 22, 64, 73, 74, 75, 77.

³⁹⁵ Там же. Л. 158

³⁹⁶ Там же. Л. 132об.

³⁹⁷ Там же. Л. 135.

³⁹⁸ Там же. Л. 162.

³⁹⁹ Там же.

повара общественного и всесословного клубов под наблюдением администраторов⁴⁰⁰.

Обычно кавалеры собирались накануне праздника. Так, в Спасске 25 ноября прибывшие ветераны лично исправником были размещены в «чистые бесплатные квартиры» на постоялом дворе и в казармах при управлении воинского начальника. Им полагалось по одному фунту белого хлеба, чай, а для лошадей выдавался бесплатный корм⁴⁰¹. Непосредственное участие в размещении ветеранов принимал и липецкий исправник⁴⁰². В некоторых уездных городах, в том же Спасске, 25 ноября были отслужены всенощные бдения: «К торжеству отнеслись с особым сочувствием все священники церковные служители г. Спасска...»⁴⁰³. Напротив, в Липецке собравшихся накануне кавалеров ждали светские увеселения в кинематографе Аполло-Биографа⁴⁰⁴.

Помимо Тамбова празднества состоялись во всех 11 уездных городах. Георгиевские кавалеры Тамбова, Козлова, Моршанска, Борисоглебска, Кирсанова, Липецка, Лебедяни, Елатьмы, Спасска, Темникова, Шацка и Усмани в телеграммах выразили верноподданнические чувства и благодарность государю императору⁴⁰⁵. Кавалеры не преминули поздравлять и друг друга, обменивались поздравительными телеграммами, например, тамбовцами посылались следующие адреса: «тамбовские кавалеры пьют за здоровье товарищей моршанцев...», через начальника моршанского гарнизона они просили передать привет кавалерам. Или, например, аналогичные телеграммы были направлены лебедянскому предводителю дворянства и в Козлов командиру Шацкого полка⁴⁰⁶.

Программа мероприятий в городах губернии была, с незначительными вариациями, практически одина. Утром 26 ноября проводились литургия и молебен в соборном храме, затем следовали парад и торжественный обед, на котором на

⁴⁰⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л.122-122об.

⁴⁰¹ Там же. Л. 141.

⁴⁰² Там же. Л. 120.

⁴⁰³ Там же. Л. 141.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 122об.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 92.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 97.

каждого кавалера отводилось от 1/100 до 1/4-1/2 бутылки водки и бутылка пива, для непьющих – фруктовая вода. Перед началом обеда, как правило, пелся гимн «Боже, Царя храни».

Утром 26 ноября 1908 г. в Покровской церкви Тамбова состоялась литургия и молебствие, на нем присутствовали губернатор, представители воинских и городских властей, управлений, учреждений и частные лица. По окончании литургии кавалеры стройными рядами «весьма торжественно и оживленно» проследовали на обед в казармы, украшенные по случаю праздника, Борисоглебского полка⁴⁰⁷. На обеде присутствовали губернатор, воинское начальство и представители города. Звучали тосты за государя императора, августейшую семью, губернатора и командующих лиц⁴⁰⁸. Хотя порядок произнесения тостов мог бы быть и иной – за государя, губернатора и кавалеров.

Важность устраиваемого мероприятия подчеркивали и в Липецке, куда на торжественную трапезу в парадной форме пришли предводитель дворянства, городские, уездные гражданские и воинские власти: «Для героев Георгиевцев день этот будет радостным – Пасхальным»⁴⁰⁹. В Лебедяни к городскому и уездному начальству присоединились представители суда, гимназии, народных училищ, тюрьмы, почетное купечество, духовенство, полиция и чиновничество⁴¹⁰.

В Усмани георгиевские кавалеры были приглашены на обед в помещение читальни публичной библиотеки, где их перед входом хлебом-солью встречал городской голова Ф. В. Огарков⁴¹¹. В Борисоглебске обед кавалеров состоялся в казармах 6-го запасного кавалерийского полка, куда они проследовали возглавляемые командиром полка И. М. Глембовским под звуки оркестра⁴¹².

В Тамбове парад «георгиевцев» проходил по центральной (Большой) улице. Для торжественности их прохождения по обеим сторонам улицы выстраивались

⁴⁰⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 98, 114.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 98.

⁴⁰⁹ Там же. Л. 122об.

⁴¹⁰ Там же. Л. 162.

⁴¹¹ Там же. Л. 135.

⁴¹² Там же. Л. 132-132об.

шпалерами учащиеся мужских и женских гимназий, реального училища и семинарии. Так как время парада приходилось на учебные часы, то с 1908 г. и во все последующие годы проведения георгиевских торжеств день 26 ноября стал для учеников Тамбова табельным, то есть, праздничным⁴¹³. Поэтому учащиеся с большим воодушевлением поддержали почин губернатора. В Спасске по дороге в соборный храм и оттуда, которая проходила по базарной площади, кавалерам отдавалась честь взятием оружия на караул станowymi приставами, полицейскими надзирателями, урядниками, пешими и конными стражниками⁴¹⁴.

Следует указать, что не всеми местными начальствующими лицами был в полной мере поддержан почин губернатора. Спасское городское управление устранилось от участия в подготовке, мотивируя это, по объяснению городского старосты, неимением в городе средств. Военский начальник нашел неуместным проведение обеда в казармах, поэтому кавалерам бесплатно был предоставлен для торжества дом мещанина Филиппова со всей обстановкой и прислугой. Декорированием дома занимались стражники, украшали флагами, и он утопал «как снаружи, так и внутри в зелени елок». Стены были оформлены георгиевскими крестиками, царскими вензелями из елок, надписями «Боже, Царя храни» и «Георгиевским кавалерам «Ура»»⁴¹⁵. Развлекал кавалеров сводный струнный оркестр, в перерывах публику забавляли фольклорным репертуаром упомянутые стражники. Торжества продолжались и после завершения обеда, кавалеры пели песни и плясали, выходя на улицу с криками «ура», однако, по свидетельству очевидцев, все происходило благопристойно и никаких нарушений общественного порядка не фиксировалось⁴¹⁶. В Лебедяни во время обеда пел хор церковных певчих⁴¹⁷.

⁴¹³ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. С. 91-92.

⁴¹⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 141.

⁴¹⁵ Там же. Л. 137об, 141.

⁴¹⁶ Там же. Л. 137.

⁴¹⁷ Там же. Л. 162.

Обед для кавалеров заканчивался в два или четыре часа дня, после чего они разъезжались домой. Программа могла предусматривать послеобеденный чай⁴¹⁸. В Борисоглебске после обеда и чая, кавалеров повели в местный театр «Иллюзион» на демонстрацию кинематографических картин⁴¹⁹.

При проведении торжеств сохранился обычай, согласно которому кавалеры забирали с собой тарелки, ложки, ножи и кружки. Также им раздавались платки. Где-то это были обычные ситцевые изделия как в Усмани⁴²⁰, где-то с георгиевской символикой, «...с оттиском Георгиевского Креста» как в Спасске. Причем с голубыми цветами – «севастопольским, турецким, китайским, а с красными – русско-японским кавалерам», за неимением в магазинах Спасска платков одного цвета⁴²¹.

Лебедянский исправник свидетельствовал, что настроение кавалеров было прекрасное, еще больше оно поднялось, когда было объявлено о возможности забрать с собой столовые приборы. Восхищению не было предела, когда им в заключение раздали по 50 копеек, многие говорили: «Прошло 30 лет, но подобного ничего не было»⁴²². Перед отъездом почти каждый побывал в торговых лавках, где слышалось с проникновением: «Царские подарки»⁴²³.

Следует отметить, что в большинстве городов организаторы с должным вниманием отнеслись к устройству торжеств и организации обеда, приготовив всего с избытком. Как замечали очевидцы, кавалеры охотно собирали с собой недоеденные блюда и водку. Общее впечатление с мест заключалось в следующем: единодушное признание удавшегося праздника, отмечалась его теплота, чувство боевого братства. Как доносил лебедянский исправник губернатору, праздник

⁴¹⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 119об.

⁴¹⁹ Там же. Л. 132об.

⁴²⁰ Там же. Л. 158.

⁴²¹ Там же. Л. 137об.

⁴²² Там же. Л. 162.

⁴²³ Там же.

прошел на славу⁴²⁴, а из Усмани сообщали, что кавалеры «были в восторге от оказанных им чести и угощения»⁴²⁵.

После проведения праздника Георгиевских кавалеров губернатор получил от государя благодарность⁴²⁶, а в ответ на всеподданнейшую телеграмму с выражением верноподданнических чувств императору, посланную от имени кавалеров, государь «собственноручно изволил начертать»: «Искренне благодарю тамбовских георгиевских кавалеров»⁴²⁷. Благодарил в декабре 1908 г. Муратова и военный министр А. Ф. Редигер, которого уведомил командующий войсками Московского военного округа о проведении в Тамбове и уездных городах губернии георгиевского праздника: «За оказанное вами внимание лучшим представителям армии»⁴²⁸.

В 1909, 1910 и 1911 гг. традиция проведения Дня георгиевских кавалеров в городах Тамбовской губернии сохранилась⁴²⁹, причем в 1909 г. торжества в Санкт-Петербурге не состоялись, как и в 1908 г.⁴³⁰

В Усмани заблаговременно готовились к осенним торжествам: еще в августе было устроено народное гулянье в пользу георгиевских кавалеров с фейерверком и бенгальскими огнями, по результатам которого собрали 200 руб.⁴³¹.

15 октября 1911 г. Н. П. Муратов, делая распоряжения полицмейстерам и уездным исправникам по поводу предстоящего дня св. Георгия писал: «Озабочиваясь и в текущем году устройством праздника 26 ноября по примеру трех предыдущих лет... принять меры к наилучшему устройству праздника...»⁴³². Для обеспечения максимального сбора средств разрешалось проведение лотерей,

⁴²⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 163.

⁴²⁵ Там же. Л. 158об.

⁴²⁶ Канищев В. В. Деятельность тамбовского губернатора Н. П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906-1912 гг. С. 107.

⁴²⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6699. Л. 96.

⁴²⁸ Там же. Л. 94.

⁴²⁹ Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. С. 92.

⁴³⁰ Добровольская Л. И., Лукьянчикова А. М. «...И впредь ежегодно сей день празднован будет» (из истории празднования Дня георгиевских кавалеров). С. 289.

⁴³¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7434. Л. 5.

⁴³² Там же. Л. 1.

благотворительных увеселений и подписок. Выражаясь современным административным языком, губернатор призывал к межведомственному взаимодействию местных предводителей дворян с уездными исправниками, полицмейстерами, городскими головами и воинскими начальниками: «...не отказать в добром внимании, принять все меры к обеспечению праздника денежными средствами...»⁴³³.

Председатель кирсановской городской управы выступил с инициативой унифицировать памятные подарки «георгиевцам» и заказать металлические кружки с соответствующей символикой⁴³⁴. Это предложение поддерживал кирсановский исправник, мотивируя его, что заказы по изготовлению таких кружек принимаются только крупными партиями от нескольких тысяч штук⁴³⁵.

Георгиевский праздник в 1911 г. во всех уездных городах состоялся по программе прежних лет, воодушевление кавалеров от оказанного ежегодного внимания не иссякало. Губернатор предписывал уездным исправникам поздравить собравшихся кавалеров в день св. Георгия Победоносца и зачитать им телеграмму от государя: «Передайте всем георгиевским кавалерам мое сердечное спасибо за их боевую службу, преданность мне и готовность и впредь честно служить Родине»⁴³⁶.

Полковник С. Г. Лишин, командовавший 6-м запасным кавалерийским полком, дислоцировавшимся в Борисоглебске и предоставлявшим свои казармы для обеда кавалеров, замечал патриотический и лоялистский эффект от проведения таких мероприятий: «Всем сердцем сочувствуем воспитательной цели устройства этого торжества»⁴³⁷.

В 1912 г. в связи со сменой губернаторской власти георгиевские торжества в губернии не проводились. Конфликт Н. П. Муратова с большей частью тамбовского дворянства привел к его отставке в мае 1912 г. и назначению

⁴³³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7434. Л. 2, 3, 4.

⁴³⁴ Там же. Л. 9.

⁴³⁵ Там же. Л. 10.

⁴³⁶ Там же. Л. 15.

⁴³⁷ Там же. Л. 57.

губернатором в Курскую область⁴³⁸. Новый губернатор Н. Ф. Ошанин не поддержал инициативу Муратова, а местные власти не стали проявлять самостоятельность. Это привело в некоторых местах к казусным ситуациям. 26 ноября по привычному обычаю кавалеры прибыли в Борисоглебск к казармам 6-го запасного кавалерийского полка. Между тем, соответствующих распоряжений из Тамбова по этому поводу не поступало, и, соответственно, средства на угощения не собирались. Этим обстоятельством полковник С. Г. Лишин был поставлен в крайне тяжелое положение⁴³⁹.

В октябре 1913 г. тамбовским губернатором был назначен А. А. Салтыков, который более внимательно отнесся к заложенным Н. П. Муратовым традициям. Уже 7 ноября от него поступил циркуляр городским головам и уездным исправникам по организации георгиевских торжеств по примеру прежних лет. Сотрудничать они должны были с воинскими начальниками и полицмейстерами, которым отводилась главная роль в сборе средств⁴⁴⁰.

На губернатора посыпались ответные письма с ропотом по крайне сжатым срокам, отводившимся на организацию торжеств, однако отказов не поступало, кроме шацкого исправника. Он жаловался на бедность населения, невозможность сбыта сельскохозяйственной продукции, отъезд зимой большинства владельцев имений⁴⁴¹.

В 1913 г. несколько изменился и формат торжеств. Командир 40-го пехотного Кольванского полка, располагавшегося в Моршанске, полковник А. В. Мокржецкий сообщал Салтыкову, что командующий Московским военным округом выразил желание, чтобы с 1913 г. во всех частях устраивались георгиевские праздники для всех запасных и отставных кавалеров. Для этого

⁴³⁸ Туманова А. С. Консерватор во власти: губернатор Н.П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 111.

⁴³⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7434. Л. 2.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 1-3 об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 17.

выделялось по 50 коп. на человека, а командир полка обещал изыскать дополнительно полковые средства⁴⁴².

Работа для организаторов в связи с этим предстояла колоссальная, так как в одном только Моршанском уезде проживало около 500 кавалеров, а с учетом расквартированных войск в городе, число их достигало до 600. Но, справедливости ради, заметим, что такое количество участников было не везде. Темниковский исправник сетовал, что кавалеров с каждым годом становится все меньше: «Некоторые умирают, другие уходят на сторонние заработки, третьи не являются на торжество»⁴⁴³. Тем более, расстояние до некоторых волостей составляло до 70-80 верст, что требовало на дорогу в один конец до двух с половиной суток.

Однако праздник состоялся во всех уездных городах по прежнему сценарию, к которому добавился электротئاتр в уездных городах, где кавалерам бесплатно демонстрировались различные кинокартины. В Лебедяни в электротئاتре Яковлева показывались «преимущественно комические» картины, за что довольные кавалеры сердечно его благодарили⁴⁴⁴.

В Тамбове обед для 450 кавалеров, в отличие от прежних лет, был накрыт в Народном доме, куда прибыл губернатор Салтыков с дочерью и все губернское начальство. Средства на торжества были выделены городом, земством и пожертвованы известной благотворительницей статс-дамой А. Н. Нарышкиной.

На столовых приборах кавалеров, которые они могли забрать с собой на память, был изображен георгиевский крест. Помимо этого, кавалерам раздали кружки с георгиевским крестом и брошюры «Под скипетром державного Дома Романовых». В кинематографе для кавалеров бесплатно демонстрировались картины «Воцарение Дома Романовых», «Георгиевский праздник в Тамбове в 1911 г.», «Полковой праздник Витебского полка» и др. По окончании сеанса кавалеры провожали губернатора, бывшего на сеансе с семьей, дружным «ура»⁴⁴⁵.

⁴⁴² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7434. Л. 12-12 об.

⁴⁴³ Там же. Л. 35 об.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 38-38 об.

⁴⁴⁵ Там же.

Ничего неизвестно о празднествах в губернии в 1914 г., вероятно, они были отменены в связи с мобилизацией и начавшейся войной. Хотя в войсковых частях он отмечался. Так, в квартировавшем в Моршанске до войны 40-м Колыванском полку праздник встречался во фронтовых условиях⁴⁴⁶.

Таким образом, административно-политические практики формирования и поддержания монархических настроений, применяемые губернскими властями, оказались разнонаправленными по своему содержанию и результатам. Наименее эффективной оказалась административная мобилизация крестьянского, по преимуществу, населения губернии для подачи верноподданнических адресов на имя императора. Будучи организуема бюрократическим аппаратом, данная практика несла на себе все издержки этого: преобладание формы над содержанием, игнорирование целого ряда значимых обстоятельств, сказывающихся на эффективности такого рода мероприятий, отсутствие широкого и, самое главное, устойчивого резонанса в результате их проведения. Напротив, апробированная губернатором Н. П. Муратовым технология устройства регулярного чествования георгиевских кавалеров в полной мере себе оправдала. Она весьма органично вплетала в себя патриотический и верноподданнический контексты, которые не диссонировали между собой. Торжественная обстановка, высокий уровень представительства губернского и местного руководства, тонкое понимание психологии чествуемой аудитории, широкое привлечение общественности, уместное использование монархического дискурса способствовали тому, что, благодаря широкому резонансу, такого рода мероприятия значительно способствовали поддержанию авторитета верховной власти.

⁴⁴⁶ Канищев Вл. В., Плужников А. Н. Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны // Научный диалог. 2024. № 13 (1). С 420.

2.3 Празднование трехсотлетия династии Романовых как инструмент актуализации монархических настроений в Тамбовской губернии

Поражение в русско-японской войне, революционные потрясения 1905-1907 гг. подточили не только политические и социально-экономические устои российского самодержавия, но и такой его духовно-идеологический стержень, как устойчивость традиционной легитимности, находящий свое выражение в сакрализации личности монарха и правящей династии. Как на это обращалось внимание в предшествующем изложении, священность особы императора, божественная обусловленность его властной прерогативы стали ставиться под сомнение даже среди представителей такой довольно консервативной прослойки населения, как крестьянство, тем более еще в таком не отличающемся высокой интенсивностью модернизационных процессов типичном аграрном регионе, как Тамбовская губерния.

Некоторая внутривластная стабилизация, последовавшая после третьеиюньского переворота, выход национальной экономики на траекторию довольно-таки устойчивого роста открывали перспективы упрочения режима монархической власти в Российской империи, пусть уже с обновленным ключевыми государственно-правовыми актами 1905-1906 гг. фасадом. Однако реализация подобной возможности во многом обуславливалась тем, насколько быстро и эффективно государственному аппарату удалось бы возместить, загладить тот репутационный ущерб, который был нанесен институту монархии теми военными, социально-политическими и экономическими катаклизмами, которые сотрясали Россию с самого начала XX века. Нетривиальная, выражаясь современным языком, «политтехнологическая» задача требовала для своего решения и нетривиальных средств. Необходимо было найти такие формы и методы

коммуникации с российским социумом, которые позволили бы укрепить пошатнувшийся престиж и ореол монархии, реставрировать устои традиционной ее легитимности.

Ключевым моментом здесь была адекватная расстановка акцентов, подбор политических средств и инструментов, которые должны были донести до общества смыслы и послания, транслируемые верховной властью. При этом на данной исторической развилке у российской монархии был шанс достигнуть своих внутривнутриполитических целей путем формирования привлекательного образа будущего. Однако, в конечном счете, был избран другой путь. Самодержавие предпочло искать опору своей легитимации в изменившихся социально-политических реалиях не в будущем, а в прошлом, придать ей ретроспективный характер. Ее укрепление стали искать в событиях прошлого. Именно победы, достижения, подвиги прошедших эпох, актуализированные в массовом общественно-политическом сознании, должны были компенсировать дефицит таковых в настоящем.

Это находило свое выражение в выборе особого инструментария – политических практик, заключавшихся в организации празднования юбилеев каких-либо значимых исторических событий и придания ему максимального публичного резонанса посредством масштабирования торжественных мероприятий. Так, государством было организовано празднование таких юбилеев, как 200-летие победы в Полтавском сражении, 50-летие отмены крепостного права, 100-летие Бородинской битвы. При этом могли отмечаться, впрочем, не столь пышно и помпезно, и годовщины событий, не имевших характера переломных или, по меньшей мере, значимых в отечественной истории, как то происходило, к примеру, с годовщинами основания городов и учебных заведений, формирования полков гвардии, учреждения определенных государственных органов, научных обществ, рождения или смерти тех или иных полководцев, государственных деятелей, ученых. В период, предшествующий началу Первой мировой войны, ежегодно могло отмечаться с большим или меньшим размахом до нескольких десятков юбилеев или годовщин. Столь несвойственная предшествующей эпохе

интенсивность празднования различных исторических событий была достаточно точно окрещена одним из современных исследователей «юбилейной лихорадкой» или «юбилееманией»⁴⁴⁷.

Такого рода юбилеи, с одной стороны, отражали целенаправленные усилия правительства по формированию исторической памяти народа посредством актуализации в массовом сознании определенных исторических событий, с другой, они преследовали вполне утилитарную задачу – сконструировать необходимый политический фон и консолидировать общество вокруг личности монарха и института монархии в целом. Достигалось это посредством интерпретации празднуемых годовщин средствами официальной пропаганды и самой атмосферой в контексте существующей социально-политической ситуации. Для общественно-политического сознания народа как бы перекидывались своего рода смысловые мосты между событиями прошлого и настоящим. При этом хотелось бы скорректировать позицию отдельных специалистов, пусть и не буквально, но, тем не менее, по умолчанию допускавших равнозначность этих задач⁴⁴⁸ в деятельности административного аппарата, организующего празднование юбилеев в межреволюционный период. По нашему мнению, вторая цель представлялась устроителям торжеств в качестве основной, и мы постараемся доказать это в ходе последующего изложения.

Своего рода венцом, апофеозом юбилейной компании в дореволюционное десятилетие должно было стать празднование 300-летия воцарения династии Романовых в России. И этот юбилей, в отличие от большинства иных имел не строго очерченные локальные границы, а именно всероссийский масштаб. Наиболее пышные празднества должны были состояться в Санкт-Петербурге, а затем и в наиболее значимых местах связанных с избранием Романовых на престол

⁴⁴⁷ Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. №6. С. 42.; Цимбаев К. Н. Феномен юбилеемания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-99.

⁴⁴⁸ Алленова В. А. Романовские торжества 1913 года в Воронежской губернии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 5.; Алленова В. А. Празднование 300-летия Дома Романовых в Воронеже // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13-17 мая 2013 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 256-257.

– Москве и Костроме. Но весьма масштабные мероприятия в рамках романовского юбилея охватили всю Российскую империю, в том числе и Тамбовскую губернию. Как же проходило его празднование здесь?

Необходимо сказать, что уже в ходе подготовки к торжественному празднованию данного юбилея проявилась весьма примечательная тенденция, проходившая рефреном через всю юбилейную кампанию. Она заключалась в стремлении бюрократического аппарата поставить под полный политический контроль буквально все аспекты предстоящих мероприятий. Анализ архивной документации, иных источников по соответствующей проблематике создает впечатление того, что организаторы более стремились избежать каких-либо неурядиц, ситуаций, способных бросить тень на торжественность момента, нежели чем добиться максимального социально-политического эффекта. Этим, видимо, объясняется последовательно проявлявшее себя даже в мелочах намерение административного аппарата максимально стерильно провести юбилейную кампанию.

Очевидным такого рода намерение стало уже на этапе формирования состава губернских делегаций, которые должны были прибыть на главные торжества романовского юбилея в Санкт-Петербурге 21 и 22 февраля 1913 г. 4 января этого года тамбовский губернатор был извещен циркулярной телеграммой об одобрении императором Николаем II основных положений, касавшихся организации торжеств. Они предусматривали, в числе прочего, направление каждой из губерний делегаций, которые должны были включать три основных депутации – представителей от губернской дворянской корпорации, губернского земства и органов городского самоуправления. Численный состав каждой из депутаций рекомендовалось ограничить тремя лицами с тем, чтобы общая численность делегации не превышала девяти человек. Помимо этого, отдельная квота предоставлялась по сельскому народонаселению губернии – крестьянство должно было быть представлено одним делегатом. В качестве такового предписывалось определить одного из членов волостной старшины либо иное равнозначное ему лицо из крестьянской среды. В качестве особой депутации губернатору

разрешалось направить также не более трех делегатов от различных обществ или учреждений. Все списки по составу губернской делегации требовалось сформировать не позднее 15 января, лишь представления по кандидатуре от крестьянства разрешалось направить не позднее 18 февраля⁴⁴⁹.

Стоит отметить, что губернское дворянство, земства и органы городского самоуправления достаточно загодя начали обсуждать вопрос о порядке празднования 300-летия Романовых, о направлении делегаций в столицу. Так, губернское дворянское собрание еще 14 июля 1912 г. уже определилось с составом собственной делегации, назначив его главой губернатора, а также постановило составить верноподданнический адрес от имени всех уездных дворянских собраний и преподнести его императору в специально изготовленном для этого ларце. Однако губернатор Н. П. Муратов тогда не оценил такого рвения, указав губернскому предводителю князю Н. Н. Чолокаеву на преждевременность соответствующих инициатив и отметив, что программа празднования – это прерогатива более высокого властного уровня. Новый тамбовский губернатор Н. Ф. Ошанин в ответ на повторенную просьбу предводителя о вручении коллективного адреса заявил, что церемониал поздравления императора губернскими делегациями зачитывания и подношения адресов не предусматривает⁴⁵⁰.

Не нашло понимания у губернских властей проявление такого рода инициатив и со стороны органов городского самоуправления. Тамбовский городской голова И. М. Потапов позднее сообщал, что губернатор лично просил его воздержаться от публичного обсуждения в управе и думе вопросов предстоящего празднования, ссылаясь на неуместность такого рода самодеятельности в отсутствие указаний на этот счет из столицы. Впрочем, и преемник Н. П. Муратова также оставил без внимания настойчивые просьбы тамбовского городского головы о предоставлении хоть каких-либо разъяснений по характеру торжеств, несмотря на предостережения последнего о рисках

⁴⁴⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 1, 2, 3, 4.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 5, 6.

промедления в этом вопросе. Н. Ф. Потапов опасался, что, если не удастся утвердить порядок городских торжеств на заседании думы 22 января 1913 г., следующее ее заседание пройдет лишь 26 февраля, то есть уже по окончании празднования юбилея⁴⁵¹. Как видим, тамбовские губернаторы даже в решении вопроса о наиболее эффективных методах и формах монархической мобилизации оставались верными адептами традиционной административной культуры русской бюрократии: инициативность и самостоятельность в решении какого-либо вопроса неприемлемы, поскольку вступают в противоречие с иерархической субординацией.

Возможность допуска к императорскому приему представителей гражданского общества вызвала живейший отклик среди различных общественных структур. Наибольшую активность проявили органы предпринимательского сообщества – биржевые комитеты. В начале января 1913 г. о намерении направить своих представителей в состав тамбовской губернской делегации и об избрании таковых губернатора Н. Ф. Ошанина уведомили тамбовский, моршанский и козловский биржевой комитеты. Однако самого по себе факта избрания оказалось недостаточно. 11 января губернатор обратился к начальнику Тамбовского губернского жандармского управления с представлением о необходимости проведения тщательной проверки избранных депутатов от биржевых комитетов на предмет их политической благонадежности. Их включение в губернскую делегацию было санкционировано губернскими властями лишь по получении положительного заключения от жандармского ведомства⁴⁵².

Довольно любопытная история произошла с реакцией губернатора на инициативу еврейской общины региона также принять участие в столичных торжествах. Тамбовский раввин ходатайствовал перед Н. Ф. Ошаниным о включении его и двух представителей в состав губернской делегации с тем, чтобы засвидетельствовать верноподданнические чувства и вручить императору Священную книгу. Свое ходатайство он обосновывал участием в торжественной

⁴⁵¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 8об.

⁴⁵² Там же. Л. 12, 13, 14, 18, 19, 20, 21, 22.

встрече Николая II во время упоминавшегося выше его визита в Тамбов 2 июля 1904 г. во главе делегации еврейской общины и удостоиванием высочайшей благодарности по этому поводу. Но даже эти свидетельства политической благонадежности тамбовского раввина не убедили губернатора. Он потребовал у раввина документов, подтверждающих полномочия его и указанных им лиц действовать от имени еврейской общины. На данное требование раввин ответил, что представленные кандидатуры были одобрены на общем собрании членов общины, однако сам факт их избрания документально оформлен не был⁴⁵³. Судя по отсутствию еврейских депутатов в окончательно утвержденном составе тамбовской губернской делегации, губернатор Н. Ф. Ошанин, видимо, все же воспользовался упомянутыми формальными недостатками для того, чтобы исключить их участие в императорском приеме.

Свое намерение получить квоту в составе губернской делегации заявили и представители правомонархических политических организаций. Так, 11 января 1913 г. правление Тамбовского Серафимовского Союза Русских Людей извещало губернатора об избрании в качестве депутатов протоиерея С. Д. Бельского и тамбовских купцов С. П. Дедова и И. И. Волокитина⁴⁵⁴. Однако уже 6 февраля в канцелярию тамбовского губернатора поступает телеграмма от министра внутренних дел Н. А. Маклакова о воспрещении участия депутатов данного объединения в празднествах 21-22 февраля в Санкт-Петербурге в составе официальной тамбовской делегации⁴⁵⁵. Уже на следующий день с аналогичной просьбой к губернатору обращаются представители Козловского отделения Союза Русских Людей. Они предлагали включить в состав губернской делегации своего председателя, депутата Государственной Думы и уездного предводителя дворянства В. Н. Снежкова и козловского мещанина С. И. Попова. Но и на эту просьбу последовал отказ, аргументированный истечением срока представления

⁴⁵³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 11, 12.

⁴⁵⁴ Там же. Л. 15.

⁴⁵⁵ Там же. Л. 64.

кандидатур для формирования губернской депутации, – 15 января 1913 г.⁴⁵⁶. Все последующие возможные попытки представителей правоконсервативных объединений губернии направиться в официальном статусе на романовские торжества были блокированы полученной 13 февраля телеграммой Н. А. Маклакова о недопущении министром императорского двора участия представителей политических обществ и объединений в столичных мероприятиях по случаю 300-летия династии Романовых⁴⁵⁷.

Однако отдельные представители монархических политических объединений в состав губернской делегации все же вошли, правда, уже в ином качестве. Руководитель Козловского отделения Союза Русских Людей В. Н. Снежков, к примеру, направился в столицу, в качестве представителя губернского дворянства. Запретив участие промонархических активистов непосредственно в мероприятиях с участием императора, правительственные круги, впрочем, не отказывались полностью от их присутствия в столице в дни юбилея. Министр внутренних дел в телеграмме тамбовскому губернатору от 13 февраля 1913 г. сообщал, что они допускаются до участия во всероссийском съезде Союза Русских Людей, предполагаемом к проведению в период с 18 по 25 февраля. Еще ранее, 11 февраля 1913 г. Н. А. Маклаков разрешал тамбовскому губернатору распространить на них льготу, действующую в отношении членов официальной делегации: возможность проезда по казенным железным дорогам в вагонах высшего класса, но по стоимости билетов в вагоны низшего класса. В отдельных случаях эта льгота могла применяться и при проезде по частным железным дорогам. Соответствующие просьбы со стороны правомонархических партий о выдаче свидетельств на право льготного проезда губернатором были удовлетворены⁴⁵⁸.

Помимо осуществления контроля над формированием персонального состава делегаций, отправляемых на главные торжества в Санкт-Петербург, в поле

⁴⁵⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 65, 66.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 95.

⁴⁵⁸ Там же. Л. 4, 95, 100, 101, 104.

зрения губернских властей находился еще целый ряд вопросов, связанных с организацией празднования юбилея уже непосредственно на территории Тамбовской губернии. Самым главным из них было недопущение каких-либо выступлений политического характера с антиправительственными и антимонархическими лозунгами. Своего рода «группами риска» и предметом особых забот со стороны местных властей считались учащая молодежь и фабрично-заводские рабочие.

Уже в начале февраля 1913 г. тамбовский губернатор с пометкой «срочно, секретно» направил начальникам полицейских управлений губернии телеграмму, в которой уведомлял о наличии сведений о возможности «демонстративных выступлений революционно настроенных элементов» и требовал от них во взаимодействии с жандармским управлением принять все необходимые меры превентивного характера к предотвращению выступлений учащихся и рабочих как непосредственно в дни торжественных мероприятий, так и непосредственно после них⁴⁵⁹.

И если в отношении учащейся молодежи удалось найти такое превентивное средство – объявление 21 февраля во всех правительственных учреждениях и учебных заведениях неприсутственным днем, то с фабрично-заводскими рабочими все было намного сложнее. Министерство внутренних дел пребывало в твердой уверенности в том, что само по себе присутствие значительного количества рабочих на промышленных предприятиях и на прилежащих к ним территориях непременно будет использовано представителями «социал-демократических организаций» для организации митингов и демонстраций. Свои фантомные страхи относительно всемогущества социал-демократов министерство транслировало губернаторам, а те, в свою очередь, в полицейские управления. 12 февраля 1913 г. тамбовский губернатор перенаправил туда очередные мантры о недопущении сборищ рабочих, в которых, впрочем, рекомендовалось, максимально стараться воздерживаться от применения оружия при разгоне возможных манифестаций.

⁴⁵⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 84.

Прибегать к этому следовало лишь в случае крайней необходимости, когда иные средства не возымели результата⁴⁶⁰. Видимо, страх омрачить празднества, призванные продемонстрировать консолидацию народа и монархии, кровопролитием удерживал административно-репрессивный аппарат от самых жестких действий и заставлял искать более гибкие средства реагирования на возможные угрозы.

Наиболее эффективной превентивной мерой политического контроля за активностью фабрично-заводских рабочих было бы объявление 21 февраля выходным днем, что позволило бы, по меньшей мере, избежать концентрации рабочих на промышленных объектах. Но здесь возникал целый ряд потенциально конфликтных ситуаций. Во-первых, какие-либо законные основания к остановке производства работ на предприятиях отсутствовали – 21 февраля не приходилось ни на выходной, ни на праздничный день. Во-вторых, любая остановка производства была как по интересам промышленников, терявших выручку, так и по интересам рабочих, терявших заработную плату за вынужденный простой.

В силу этого Министерство промышленности и торговли предложило все же подтолкнуть предпринимателей к объявлению главного дня юбилейных тожеств выходным для рабочего персонала, но с полным сохранением для него заработной платы за указанный день. Оказать воздействие на владельцев производств должны были фабрично-заводские инспекции, постоянно с ними взаимодействующие. 7 февраля данные предложения были обсуждены и одобрены на заседании Совета министров, а затем уже доведены до губернаторов, которым предстояло воплощать их в жизнь. 15 февраля телеграмма с соответствующим содержанием была получена тамбовским губернатором от министра внутренних дел и немедленно была доведена до сведения должностных лиц фабрично-заводских инспекций⁴⁶¹. Уже на следующий день, 16 февраля 1913 г., старший фабричный инспектор Тамбовской губернии уведомлял губернатора о том, что работа с владельцами и

⁴⁶⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 90; Ф. 272. Оп. 1-с. Д. 1684. Л. 8.

⁴⁶¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 92-92об.; Ф. 272. Оп. 1. Д. 1684. Л. 20.

управляющими заводских и промышленных предприятий в данном направлении была начата⁴⁶².

Также еще одной проблемой для губернаторов, которая могла потенциально бросить тень на идиллическую картину консолидации народа вокруг монархической власти в дни торжеств, являлась предполагаемая амнистия в отношении определенных категорий преступников и правонарушителей. Еще 13 февраля 1913 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков предупреждал губернаторов о том, что министерством юстиции должностным лицам прокурорского надзора было дано поручение о сборе и предоставлении информации об общем количестве лиц, находящихся на основании судебных приговоров в пенитенциарных учреждениях различного типа, – каторжных тюрьмах, исправительных домах, исправительных арестантских отделениях, исправительных домах, тюрьмах, крепостях, преступлениях, за которые были осуждены данные лица, об отбытых ими и остающихся сроках заключения. На основе данной информации предполагалось амнистировать отдельные категории заключенных путем отмены состоявшихся наказаний или их облегчения⁴⁶³.

19 февраля 1913 г. Н. А. Маклаков телеграфировал губернатором об амнистии, приуроченной к 21 февраля, как о свершившемся факте. Поскольку предполагаемое в связи с этим освобождение правонарушителей совпадало календарно с масленичными гуляниями, это создавало дополнительную угрозу для общественного порядка в юбилейный день. Поэтому тамбовский губернатор Н. Ф. Ошанин потребовал от начальников полицейских управлений выслать усиленные наряды конно-полицейской стражи именно к тюрьмам и иным пенитенциарным учреждениям с тем, чтобы они всячески препятствовали скоплению освободившихся правонарушителей возле тюремных зданий и в иных местах, следили за неукоснительным соблюдением общественного порядка и спокойствия, побуждали бывших заключенных расходиться по домам⁴⁶⁴.

⁴⁶² ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 93.

⁴⁶³ Там же. Л. 103.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 142-142об.

Показателем царившей среди верхов административного аппарата нервной обстановки относительно соблюдения установленного порядка проведения торжественных мероприятий стали телеграммы, которыми Министерство внутренних дел закидывало губернаторов, даже не дожидаясь собственно их завершения. Уже 21 февраля оно потребовало от местных властей отчитаться о том, насколько благополучно прошли романовские торжества в Тамбовской губернии⁴⁶⁵. Показательно, что, видимо, движимые желанием предвосхитить ожидания руководства, губернские власти в тот же день телеграфировали в департамент полиции министерства внутренних дел: «Юбилейный день прошел спокойно»⁴⁶⁶. Между тем, доклады уездных исправников и полицмейстеров, собиравших и обрабатывавших информацию об обстоятельствах празднования 300-летия династии Романовых в уездах и городах Тамбовской губернии, только начинали поступать в губернский центр с вечера 21 февраля, а предоставление соответствующих отчетов затянулось, по нашим наблюдениям, до 28 февраля 1913 г. То есть требуемая Министерством внутренних дел скорость отчетов, по сути, создавала все условия к тому, чтобы выдавать желаемое за действительное. Вместе с тем, отчеты чинов полицейского ведомства позволяют восстановить картину празднования романовского юбилея на местах и сформировать представление о том, насколько его ход и атмосфера располагали к общественной консолидации и актуализации промонархических настроений.

Особую роль в праздновании 300-летия воцарения династии Романовых, особенно в провинции, сыграла Русская православная церковь. Нам представляется заслуживающим внимания суждение К. Н. Цимбаева о том, что во многом религиозный подтекст и фон проводившихся торжеств предопределялся двумя факторами. Во-первых, церковь как институт должна была придать юбилею необходимую идеологическую основу и санкцию. Ее моральный авторитет в глазах прихожан должен был компенсировать пошатнувшийся престиж монархической власти и гражданских властей. Во-вторых, в условиях высокой степени

⁴⁶⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 121.

⁴⁶⁶ Там же. Л. 129.

религиозности массового сознания церковные богослужения собирали куда как большее количество народонаселения, главным образом крестьянского, нежели чем торжественные мероприятия светского характера⁴⁶⁷. Духовенство выступало в силу последнего обстоятельства весьма востребованным проводником идеи монархической консолидации, вокруг которой и строились юбилейные торжества.

Мероприятия религиозного характера, посвященные романовским торжествам, начались в Тамбовской губернии еще 19 февраля 1913 г. В этот день, по всей видимости, в связи с годовщиной принятия Манифеста от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права в России, в церквях были отслужены при стечении народа панихиды по императору Александру II⁴⁶⁸. 20 февраля они продолжились служением панихиды по родоначальнику царствующей династии – царю Михаилу Федоровичу Романову, а также по всем умершим царям, царицам, царевнам и великим князьям из династии Романовых. Об особом значении данных событий губернским властям сообщали исправники Козловского и Липецкого уездов⁴⁶⁹.

Наибольший размах и масштабность церковные мероприятия приобрели 21 февраля 1913 г. В городах губернии местом притяжения главных религиозных мероприятий становились главные храмы. Так, в Моршанске из всех городских церквей направились крестные ходы в Троицкий собор. На тожественное богослужение в него, наряду с прихожанами, была собрана вся учащаяся молодежь – ученики реального училища, мужской и женской гимназий, присутствовали руководство и педагогический состав всех этих учебных заведений⁴⁷⁰. Мы не знаем, насколько добровольным был этот порыв учащейся молодежи, но, судя по тому, что в документах употребляются фразы вроде «были приведены», можно заключить о возможном использовании технологии административной мобилизации для обеспечения атмосферы массового характера торжеств.

⁴⁶⁷ Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 44.

⁴⁶⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 146.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 144-144об., 146-146об.

⁴⁷⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 147-147об.; Ф. 272. Оп. 1-с. Д. 1684. Л. 23-23об.

Представляется, что это мало способствовало реализации действительных целей такого рода мероприятий.

По аналогичному сценарию – с крестным ходом прихожан всей церковью к Соборной церкви, литургией и тожественным молебствием в ней – проходили тожества в Липецке. По сообщению липецкого уездного исправника, на богослужении в главном храме присутствовали должностные лица всех правительственных, земских учреждений, органов городского самоуправления и масса простого народа⁴⁷¹. О масштабном присутствии всех слоев населения во время церковных богослужений как в городе, так и в сельской местности, доводил до сведения губернатора козловский уездный исправник⁴⁷².

Надо сказать, что богослужения 21 февраля велись не только в церквях и храмах населенных пунктов, но и широко проводились на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, органах земского и городского самоуправления. К примеру, в Моршанске на предприятиях, где 21 февраля было объявлено выходным днем с сохранением заработка для персонала – фабриках Асеева и Белоусова, в типографиях Прокофьева и Холуянова, на железнодорожной станции – при широком стечении рабочих священниками были отслужены молебны по случаю монархических торжеств⁴⁷³.

Значимость церковных мероприятий, особенно применительно к сельской местности, заключалась и в том, что во время их проведения в обязательном порядке подлежал публичному оглашению Манифест Николая II от 21 февраля 1913 г. Об этом министр внутренних дел Н. А. Маклаков уведомлял тамбовского губернатора еще 19 февраля. По получении депеши с текстом царского манифеста 20 февраля она незамедлительно передавалась тамбовскому архиерею, телеграфом рассылалась по всей губернии, через чинов уездной полицейской стражи направлялась во все сельские населённые пункты. Кроме того, текст манифеста должны были опубликовать губернские печатные средства

⁴⁷¹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 144-144об.

⁴⁷² Там же. Л. 146-146об.

⁴⁷³ Там же. Л. 143-143об.

массовой информации⁴⁷⁴. Особое значение зачитывания царского манифеста в ходе богослужений заключалось в том, что как можно большее количество населения должно было узнать о содержании монарших льгот и милостей, адресатами которых становились практически все социальные группы населения Российской империи. Это должно было способствовать заметному повышению авторитета самодержца и института монархии в глазах народа в дни юбилея.

Мы не будем подробно останавливаться на анализе основных положений Манифеста от 21 февраля 1913 г. и конкретизирующего его именного указа Правительствующему Сенату. Отметим лишь, что, безусловно, целый ряд мер, в нем содержащихся, отвечал интересам крестьянства как преобладающей социальной группы в структуре населения Тамбовской губернии. К ним нужно отнести и образование в структуре капитала Крестьянского поземельного банка формируемого за счет продажи удельных земель особого фонда, средства которого должны были использоваться Главным Управлением землеустройства и земледелия на мероприятия по улучшению экономических условий функционирования крестьянских хозяйств, и, в особенности, списание всех накопившихся недоимок по ранее отмененным Манифестом от 3 ноября 1905 г. выкупным платежам, по государственному поземельному налогу и целому ряду иных казенных платежей. Учащаяся молодежь могла приветствовать обещание восстановления с нового учебного года в высших учебных заведениях обучающихся, отчисленных за участие в студенческих сходках, представители либерально настроенной общественности – возможность возвращения в Россию политических эмигрантов. В целом, общественность могла быть удовлетворена и заменой смертной казни для осужденных к ней на каторжные работы, и сокращением на одну треть срока осуждения к каторжным работам, и заменой бессрочной каторги каторжными работами на 25 лет, и широкой амнистией для лиц, совершивших незначительные по тяжести уголовные преступления⁴⁷⁵.

⁴⁷⁴ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 108.

⁴⁷⁵ Высочайший его императорского величества Манифест по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Утв. 21 февраля 1913 г. С прил. СПб.: Сенатская типография, 1913. С. 3-27.

Но в данном контексте стоит отметить и проблему так называемых завышенных ожиданий населения. Особенно распространены они были, в силу особого восприятия масштабности и пышности торжеств, в крестьянской среде. Так, исправник Темниковского уезда, констатируя торжественную и радостную атмосферу, в которой проходили романовские торжества, обращал внимание губернских властей на то, что среди крестьян уезда, преимущественно женщин, поползли слухи о предоставлении императором земли крестьянам в качестве высочайшей милости, приуроченной к юбилею династии. В слухах этих не конкретизировалось, что это будет за земля, по каким нормативам она будет распределяться между крестьянами, но они были весьма устойчивыми. При этом, по уверениям уездного исправника, какой-либо агитации со стороны антиправительственных сил не велось. Возникновение их он объяснял, с одной стороны, невежеством крестьянской массы, а, с другой, этот запрос всегда отвечал чаяниям и надеждам крестьянства: «...надежда получения земли в Темниковском уезде, известном мне еще с моей юности, среди некоторых масс была всегда...»⁴⁷⁶. Конечно, такого рода ожидания могли и подстегнуть проявления верноподданнических чувств среди крестьян, но это носило довольно кратковременный характер и могло смениться разочарованием и апатией.

С целью широкого вовлечения населения в праздник и укрепления лояльности к монархии применялись и формы денежного поощрения. В феврале решением Епархиального съезда и церковных старост постоянным рабочим епархиального свечного завода в честь юбилея была выдана денежная награда в половинном размере их месячного жалования. С целью стимулирования изъявлений верноподданнических чувств были открыты две стипендии имени царствующего дома от духовенства и от церковных старост. От духовенства стипендия открывалась при Тамбовском женском епархиальном училище. Средства на стипендию выделялись за счет духовенства – по 2 руб. со штата. От церковных старост стипендия открывалась при духовной семинарии – по 3 руб. с

⁴⁷⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 153-153об.

церкви. Стипендии следовало выдавать воспитанникам, не учитывая их сословное происхождение, при этом обязательным требованием являлось их материальное положение. Стипендию должен был получать учащийся, «беднейший, благородный, с хорошими успехами, который обязывался быть священником-молитвенником за царствующий Дом Романовых». В случае отказа от дальнейшей службы священником его обязывали возратить стипендию⁴⁷⁷.

Характерной чертой празднования романовского юбилея стало и то, что усилия по формированию монархических настроений в провинциальном социуме не ограничивались только мероприятиями религиозного значения, призванными актуализировать сакральное значение личности монарха, священный характер его власти. Они широко дополнялись и погружением публики в исторический дискурс, касающийся событий Смуты начала XVII века, роли избрания Романовых на российский престол в преодолении глубокого социально-экономического и политического кризиса. Все это должно было сформировать у потребителей такого рода идеологией исторические параллели, аналогию с успокоением страны после революционных потрясений 1905-1907 гг., убежденность в исключительной роли монарха в стабилизации внутривластной ситуации, спасительности самого института монархии в истории российской государственности⁴⁷⁸.

К примеру, особое значение в праздновании 300-летия правящей династии на территории Тамбовской губернии имели торжественные мероприятия в древней вотчине боярского рода Романовых – селе Романове Лебедянского уезда. После торжественного богослужения, собравшего членов сельского и волостного сходов, представителей административных и общественных учреждений уездного центра, в помещении врачебно-амбулаторного пункта участковым земским начальником, уездным предводителем дворянства и представителями просветительских обществ для крестьян были прочитаны лекции, проведены беседы об истории династии

⁴⁷⁷ Тамбовские епархиальные ведомости. 1913. № 9.

⁴⁷⁸ Томилов С. И. Празднование 300-летия Дома Романовых в Санкт-Петербурге глазами тобольского духовенства (по воспоминаниям протоиерея Димитрия Смирнова) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 93.

Романовых и ее значении для страны. Крестьяне, по свидетельствам очевидцев, выслушали эти речи «с полным пониманием и видимым интересом», дружно выразив верноподданнические чувства по отношению к императору⁴⁷⁹.

Липецкий уездный исправник сообщал в губернский центр о том, что на всех промышленных предприятиях уезда после проведения торжественного молебствия для рабочих были устроены чтения по истории династии Романовых⁴⁸⁰. О массовой раздаче фабрично-заводским рабочим отпечатанной в местной типографии историко-популярной брошюры П. И. Бенедиктова «К юбилейным торжествам царствования Дома Романовых (1613-1913)» уведомлял моршанский уездный исправник⁴⁸¹. Его сведения дополнялись отчетом полицмейстера, который фиксировал факт повсеместного проведения в учебных заведениях города лекций для обучающихся об истории династии Романовых, раздаче им изданных к юбилею тематических брошюр. Мероприятия подобной направленности проводились для публики и в помещении попечительства о народной трезвости⁴⁸².

Светское содержание монархических торжеств в наибольшей мере проявляло себя в ходе торжественных мероприятий в городах Тамбовской губернии. Днем 21 февраля 1913 г. после проведения богослужений, как правило, в наиболее крупных городах, где квартировали воинские части, организовывались парады гарнизонных войск⁴⁸³. Для учеников средних и низших учебных заведений проводились просветительские, литературные утренники и вечера. Ученики постарше принимали охотное участие в мероприятиях развлекательного характера, как это было, к примеру, в Липецке, где для учеников реального училища и учениц женской гимназии был устроен совместный танцевальный вечер⁴⁸⁴.

Торжественная, праздничная обстановка сказалась и на внешнем облике городов. По вечерам в праздничные дни 21, 22 и 23 февраля 1913 г. на улицах

⁴⁷⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 144-144об.

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же. Л. 143-143об.

⁴⁸² Там же. Л. 147-147об.

⁴⁸³ Там же. Л. 147-147об.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 144-144об.

зажигалась иллюминация, здания правительственных, земских учреждений, органов городского самоуправления украшались электрическими лампочками и портретами императора. Хотя недостатка в выражении верноподданнических чувств в эти дни не было, но, тем не менее, местные власти предпочитали перестраховываться и организовывали массовые мероприятия, направленные на публичные проявления приверженности правящей династии. Так, в г. Моршанск ученики мужской гимназии и приходского училища шествовали в сопровождении педагогического состава к зданию городской управы, где перед юбилейным портретом Николая II распевали гимн «Боже, царя храни» и патриотическую песнь «Славься» композитора М. И. Глинки из оперы «Иван Сусанин»⁴⁸⁵.

В оценках должностных лиц полицейского ведомства относительно хода и результатов юбилейных мероприятий, проходивших 21 февраля, предшествующие и последующие дни, доминировали мажорные тона. Отмечалось, что никаких демонстраций и шествий с политическими лозунгами антимонархической направленности зафиксировано не было, обстановка на тех промышленных предприятиях, где 21 февраля не было объявлено выходным днем, была нормальной, ничем не отличалась от царившей в иные, обыденные дни, революционные прокламации среди рабочих и учащейся молодежи не распространялись. Настроения крестьян и различных слоев городского населения квалифицировались не иначе как «вообще патриотические», «торжественно спокойные», отличающиеся «сильным подъемом патриотических чувств всего населения», «особым подъемом патриотических чувств»⁴⁸⁶.

Конечно, немалая часть подобного рода наблюдений носила субъективистский и поверхностный характер, отражала, скорее, ожидания представителей местного административно-управленческого и правоохранительного аппарата в отношении состояния настроений широких масс населения. В самом деле, каким социологическим инструментарием могли

⁴⁸⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 147-147об.; Ф. 272. Оп. 1-с. Д. 1684. Л. 23-23об.

⁴⁸⁶ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 122, 123, 124, 125, 127, 143-143об., 144-144об., 145, 147-147об., 148, 149, 153-153об., 156; Ф. 272. Оп. 1-с. Д. 1684. Л. 23-23об.

воспользоваться уездные исправники, полицмейстеры для того, чтобы адекватно оценить состояние и динамику развития общественных настроений в период юбилейных тожеств, степень и интенсивность распространения проявлений верноподданнических чувств? По все вероятности, для многих из них отсутствие антимонархических выступлений и распространенность среди населения пассивных форм лоялизма по отношению к институту монархии, выразившихся в самом факте участия в различных мероприятиях религиозного или светского характера промонархической направленности, и выступали действительным мерилем укорененности патриархально-монархического мировоззрения среди представителей провинциального социума.

Но одновременно в документах мы можем найти свидетельства и обратной стороны атмосферы стабильности и спокойствия, проявлявшей себя практически повсеместно на территории Тамбовской губернии. Иллюстративен в этом отношении отчет козловского уездного исправника. Он довольно откровенно утверждал, что отсутствие в публичном пространстве революционного элемента, антимонархических лозунгов и прокламаций объяснялось не отсутствием соответствующих умонастроений среди жителей уезда и города, а скорее тем эффектом, которое произвело патрулирование конной полицейской стражей улиц города, заметно усиленное с 19 февраля 1913 г. Большинство рабочих, сочувствующих социал-демократам и иным политическим организациям революционной направленности, проживало в селе Кочетовка Козловского уезда. Направление туда усиленного отряда в 15 человек конной стражи во главе с приставом заставило их воздержаться от организации политических акций антимонархического характера⁴⁸⁷. То есть, соблюдение общественного порядка, преобладание в публичном пространстве монархического дискурса очень четко коррелировались с резким усилением мер охранительного характера, потенциальной угрозой применения широких репрессивных мер в отношении противников монархического режима.

⁴⁸⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 146-146об.

В Тамбовской губернии, как и в большинстве регионов Российской империи, масштабное празднование 300-летия династии Романовых ограничивалось второй половиной февраля 1913 г. Но собственно юбилейная кампания на этом не заканчивалась. В мае 1913 г. Николай II с семьей предпринял путешествие по главным местам, связанным с событиями 1613 г., посетив ряд поволжских губерний и Москву. Главные события этого этапа юбилея состоялись в Костроме и Москве. В связи с этим хотелось бы отметить ряд обстоятельств, имеющих отношение к общественно-политической атмосфере празднеств в Тамбовской губернии.

Представители тамбовской общественности, как свидетельствуют документы, рассчитывали на получение приглашений губернским делегациям прибыть к месту празднований в Москве и Костроме. К примеру, Тамбовская губернская ученая архивная комиссия на заседании 2 апреля даже избрала своих кандидатов в состав данной делегации – председателя комиссии Н. А. Норцова, принимавшего участие в торжествах 21-22 февраля в Санкт-Петербурге, чиновника для особых поручений при министре внутренних дел Л. А. Сенько-Поповского, московского дворянина и землевладельца А. А. Плещеева, являвшихся действительными членами архивной комиссии. Выражали такое намерение и целый ряд городских голов уездных центров губернии. Однако этим намерениям не суждено было сбыться. Рядом телеграмм от министра внутренних дел Н. А. Маклакова, командующего Отдельным корпусом жандармов В. Ф. Джунковского тамбовский губернатор предупреждался, что сценарий праздников не предусматривает прибытия иногородних deputаций, а допускаться на них будут лишь лица, имеющие на это право согласно установленному церемониалу⁴⁸⁸.

4 мая 1913 г. министр внутренних дел уведомлял тамбовского губернатора об исключительно местном характере праздничных торжеств в Москве, Костроме и иных городах, связанных с воцарением династии Романовых, о невозможности

⁴⁸⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 157, 158, 163.

допуска к участию в них объединенных делегаций земств, органов городского самоуправления, иных сословий, кроме дворянства. Депутации губернского дворянства, которую должен был возглавить губернский предводитель, дозволялось засвидетельствовать императору верноподданнические чувства и поднести ларец с тожественным адресом, который она намеревалась вручить еще в феврале 1913 г. В соответствии с данными указаниями в составе тамбовской делегации на торжества в Москву были направлены губернский предводитель дворянства Н. Н. Чолокаев, борисоглебский и козловский уездные предводители дворянства Н. И. Охлябинин и В. Н. Снежков, а также председатель губернской земской управы Ю. В. Давыдов⁴⁸⁹.

Представляется, что такого рода действия административного аппарата являли собой пример исключительного по своей степени и форме выражения недоверия к представителям общественности, способствовали формированию в сознании даже промонархически настроенной ее части восприятия отношения к ней со стороны власти как отчужденного и отстраненного. В данном контексте, как нам представляется, можно объяснить и недопуск к торжествам представителей земств и городских обществ. Вероятно, это было проявлением общего опасения относительно политических последствий совместного присутствия депутатий от этих двух элементов формирующегося гражданского общества, а не только желанием сэкономить на расходах, связанных с прибытием и пребыванием губернских делегаций в Москве. Но жесткий политический контроль затрагивал, по сути, и те социальные группы, которые были вполне лояльны престолу, не давая в полной мере укорениться и расшириться монархически-консервативному сегменту массового сознания.

Еще в качестве одного неприятного момента, бросающего тень на атмосферу празднования 300-летия и, в определенной мере, девальвирующего обстановку монархической консолидации, мы бы выделили историю с выдачей юбилейных нагрудных знаков и специальных свидетельств к ним. 31 мая 1913 г. председатель

⁴⁸⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 165, 169, 173, 174.

межведомственного Комитета для устройства празднования трехсотлетия царствующего Дома Романовых, член Государственного совета А. Г. Булыгин направил предписание тамбовскому губернатору Н. Ф. Опанину, возглавляющему соответствующий комитет в Тамбовской губернии, о правилах распространения памятных знаков и свидетельств. От губернатора требовалось проконтролировать, чтобы выдавались они исключительно тем, кто действительно «имел счастье 21-24 февраля приносить в Зимнем дворце поздравление императорскому величеству». При этом предписывалось изымать юбилейные знаки и свидетельства у получивших их лиц, не побывавших на императорском приеме в ходе столичных торжеств⁴⁹⁰. Большого цинизма и одновременно глупости, проистекающей от чиновничьей узколобости и полного непонимания социально-политического значения празднования юбилея династии для укрепления монархического режима, сложно было и придумать. Несложно представить себе, какое впечатление от празднования могла оставить даже у приверженных монархическим убеждениям подобная бюрократическая практика. Она, по нашему мнению, носила явно дискредитирующий институт монархии характер в глазах обывателей.

Резюмируя, стоит отметить, что празднование 300-летия дома Романовых стало наиболее масштабной кампанией, призванной обеспечить консолидацию различных социальных групп вокруг трона, укрепить пошатнувшийся в результате военного поражения и революционных событий авторитет и репутацию института монархии в России. В определенной мере она способствовала актуализации монархических настроений в Тамбовской губернии, особенно в среде крестьянства, части городского народонаселения, учащейся молодежи. Однако в полной мере потенциал юбилейной романовской компании по укреплению легитимности монархического режима в глазах провинциального сообщества использован не был. Чрезмерная бюрократизация подходов к организации торжеств и обстановка тщательного полицейского контроля выхолащивали идеологический смысл кампании, способствовали формированию взаимной отчужденности между

⁴⁹⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8699. Л. 180.

властью и обществом. Упор на религиозный аспект и фон торжеств затрагивал в большей мере психо-эмоциональную сторону отношения жителей губернии к самодержавию, не формировал рациональных смыслов, не вовлекал их в какие-либо осознанные, политически значимые практики, связанные с актуализацией лоялизма в отношении монарха и правящей династии. А это влекло за собой неустойчивость и, как показали последующие события, непродолжительность всплеска монархических настроений в аграрной провинции, примером которой и являлась Тамбовская губерния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало XX века российский социум и государство встречали, будучи в разной мере вовлечены в протекание модернизационных процессов. Если степень их интенсивности в социальной и экономической сферах была более высокой, то государственно-правовые институты во многом пребывали еще в архаическом состоянии. Инерционность политической формы государственного строя Российской империи – самодержавия – в значительной мере предопределялась не только нежеланием правящей династии и верхов бюрократического аппарата разделить свои властные прерогативы с обществом, перейдя к представительному правлению, но и факторами социально-психологического свойства. Самодержавные порядки зиждились на заложенных в ментальности значительной части населения империи особенностях восприятия верховной власти. Для него были характерны имеющие религиозный подтекст сакрализация носителя верховной властной прерогативы и персонализация в его лице всего механизма государства. Отсюда же проистекал и такой ценностный элемент политической культуры как глубокий патернализм тех социальных слоев, которые выступали носителями традиционной ментальности аграрного социума.

Тамбовская губерния к началу XX века являлась довольно типичной аграрной провинцией империи с доминированием крестьянства в социальной структуре населения, слабой развитостью городов как центров развития промышленности и объектов городской инфраструктуры. Восприятие институтов государственной власти городскими жителями испытывало на себе глубокое воздействие факта широкого миграционного притока в затрагиваемый нами период выходцев из крестьянской среды. Значительная часть городских обывателей выступала носителями традиционной патриархальной ментальности аграрного социума. В силу этого политическое сознание основной массы населения

Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков характеризовалось идеализацией института монархии, его социальной роли и предназначения, лояльностью по отношению к воплощаемому личностью самодержца политическому строю. Распространенность консервативно-монархических настроений среди жителей региона не колебали спорадические вспышки крестьянских выступлений, которые, как показывают документы, в самом начале 1900-х гг. порождались факторами частного, локального свойства, не имели политического содержания и не были направлены против верховной власти. Это подтверждается и данными жандармской статистики, фиксировавшей в этот период лишь единичные случаи оскорблений в адрес императора и правящей династии, к тому же, совершенные, по преимуществу, под воздействием алкогольного опьянения.

На состояние и динамику монархических настроений в общественно-политическом сознании населения Тамбовской губернии мощное деформирующее воздействие оказывают ход и результаты русско-японской войны 1904-1905 гг.

Ее начало сопровождалось бурным всплеском патриотических настроений, приобретающих, по большей части, форму выражения верноподданнических чувств. Взрывной характер патриотических и, одновременно, промонархических настроений, среди прочего, стал результатом воздействия на общественное сознание официальной пропаганды, средства которой формировали уверенность в скорой, неизбежной победе, уничижительное отношение к врагу, которое предполагало одновременно и его демонизацию, и выставление в карикатурном виде. Проявления верноподданнических настроений были более интенсивными в городах губернии, захватив самые широкие слои их населения. Они выражались и в направлении на имя императора адресов с заверениями в поддержке его внешнеполитического курса, и в деятельном сборе помощи на нужды действующей армии и флота. Формы выражения и актуализации патриотических и монархических настроений среди крестьянства имели традиционный характер и не предполагали сколько-нибудь активной вовлеченности сельского народонаселения, что показали довольно не впечатляющие результаты так называемых «кружечных сборов» летом-осенью 1904 г. Демонстрация лояльности

монарху и патриотического настроения имела, в основном, ритуализированный характер, ограничиваясь участием в богослужениях о даровании победы над врагом и крестных ходах.

Постепенная эрозия монархических настроений среди населения губернии проявляется с начала 1905 года, когда в информационное пространство начинают проникать известия о первых болезненных поражениях от японцев. Перегретое откровенно шовинистической пропагандой, демонстрирующее завышенные ожидания относительно хода военных действий массовое сознание начинало реагировать вполне предсказуемо для политической системы, ориентированной на персонализацию и сакрализацию государственной власти – запуском, пусть не стремительного и не обвального, но, тем не менее, очевидного современникам процесса делегитимизации самодержавного режима. Об этом свидетельствовало фиксируемое органами политического сыска все более возрастающее количество оскорбительных высказываний в отношении императора Николая II и членов правящей династии Романовых. Такого рода высказывания, распространенные в крестьянской среде, оказывались связаны с констатацией представителями данной социальной группы неспособности верховной власти добиться победы в войне. Тональность их имела заметно более резкий характер, чем в предшествующий период, и обвинительную направленность, отличалась широким применением обценной лексики и уничижительным отношением уже к личности монарха и членов династии.

Вместе с тем, необходимо констатировать, что военно-политическое поражение пошатнуло устойчивость консервативно-монархического сегмента общественно-политического сознания населения Тамбовской губернии, но не явилось для него фатальным ударом. И это показали события, связанные с революционными потрясениями 1905-1907 гг. В их ходе происходит резкое идейно-политическое размежевание между выступающими в качестве носителей революционных настроений представителей так называемых «новых городских слоев» – учащейся молодежью, городской интеллигенцией, железнодорожными рабочими и продемонстрировавшими свою лояльность самодержавию «старыми

горожанами» – мещанами, купечеством, мелкими торговцами и ремесленниками, приказчиками и служащими торговых и оказывающих услуги бытового характера заведений.

На начальном этапе революционных событий промонархические настроения представителей указанных социальных групп довольно эффективно подпитывались внушаемым официальной пропагандой идеологическим клише об органической взаимосвязи между активизацией протестного движения и усилиями внешнего врага по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Российской империи в период ведения боевых действий. Новым явлением стала проекция политического лоялизма по отношению к самодержавному режиму в различные формы открытого противодействия протестным выступлениям учащейся молодежи и фабрично-заводских рабочих, начиная от сбора и передаче представителям административного и правоохранительного аппарата революционных прокламаций и листовок и заканчивая открытым разгоном шествий и манифестаций протестующих, в том числе, посредством применения силы. О распространенности такого рода практик канализации монархических настроений в определенные модели политически значимого поведения свидетельствует тот факт, что более чем каждое десятое выступление в городах губернии революционно настроенной учащейся молодежи оказалось пресечено обывателями.

Широкое участие крестьян в так называемых аграрных беспорядках 1905 г. традиционно преподносилось как свидетельство их вовлеченности в революционно-освободительное движение. Однако оно оказалось в большей мере порождено проблемой аграрного перенаселения в губерниях Центрального Черноземья и специфического, основанного на бунтарско-погромных традициях, видения крестьянами наиболее быстрого и справедливого способа ее разрешения. Более того, конец 1905 г., 1906 и 1907 гг. стали временем наибольшей интенсивности демонстрации крестьянами Тамбовской губернии своей преданности монархическому режиму в форме подачи верноподданнических адресов и обращений. Чаще всего они имели место по поводу предоставления

крестьянам гражданских и политических прав манифестом от 17 октября 1905 г., снижения, а затем и отмены выкупных платежей, установления льготного порядка приобретения земли с помощью кредитов Крестьянского банка, оказания императором помощи в приобретении семенного материала в неурожайный период. Объективно все эти меры повышали авторитет монарха в глазах земледельческого населения Тамбовской губернии.

Но нельзя не увидеть и иных факторов всплеска крестьянского лоялизма по отношению к верховной власти в революционный период. Во-первых, таким путем крестьяне нередко стремились избежать применения репрессивных мер со стороны губернских властей, широко практиковавших использование воинских частей и расправы за участие в разгроме помещичьих имений. Во-вторых, механизм актуализации верноподданнических настроений среди крестьянства, совпадение всплесков их интенсивности с периодами обострения социально-политической обстановки свидетельствовал об использовании данного инструмента формирования монархических настроений главным образом с целью демонстрации верхам бюрократического аппарата империи стабильности внутривластной обстановки в губернии и эффективности губернских властей.

Заметным фактором формирования, распространения и поддержания монархических настроений среди населения Тамбовской губернии стали целенаправленные усилия в этом направлении местного административного аппарата. При этом после издания манифеста от 17 октября 1905 г. в губернии начинают формироваться институциональные условия в виде образования и деятельности политических организаций правомонархической направленности для интенсификации и повышения эффективности действий губернских властей в части политической социализации и индоктринации населения в верноподданническом духе. Несмотря на сравнительно значительный масштаб вовлеченности в деятельность Тамбовского Союза Русских Людей, тамбовского отделения Союза Русского Народа консервативно настроенных слоев населения, в том числе и крестьянства, черносотенные организации так и не смогли в период третьей июньской монархии ни консолидировать социальную базу монархического

режима на территории Тамбовской губернии, ни интегрировать свои усилия по ее расширению с действиями губернских властей, ни использовать в полной мере легальные методы политической пропаганды и агитации в целях роста и укрепления консервативно-монархического сегмента общественно-политических настроений в регионе.

Важнейшими причинами этого стали, во-первых, высокая степень взаимной отчужденности между организациями правомонархического толка и губернским исполнительным аппаратом, коренящейся в неизжитом недоверии со стороны административных структур ко всякого рода не в полной мере подконтрольным им общественным институциям; во-вторых, неспособность черносотенных объединений сформировать на программном уровне социальную повестку, отвечающую базовым интересам тех групп населения, которые выступали носителями консервативно-монархических установок. Последнее обстоятельство, не в последнюю очередь, объясняло неэффективность пропагандистско-агитационной работы правомонархических организаций в ходе кампаний по выборам депутатов Государственной Думы первых созывов.

Основным субъектом, последовательно оказывающим воздействие на формирование социального пространства политической лояльности в отношении монархического режима, являлся губернский административный и правоохранительный аппарат. И важнейшая его роль в реализации административно-политических практик, призванных актуализировать и распространять сферу консервативно-монархических установок в массовом сознании населения Тамбовской губернии, в полной мере сказывалась и на механизмах их осуществления, и на их результативности и эффективности.

Одной из наиболее распространенных технологий поддержания и укрепления монархических настроений на всем протяжении исследуемого периода являлась подача верноподданнических адресов на высочайшее имя. Широкое применение находила разработка и направление адресов коллективного характера на имя монарха по каким-либо значимым поводам – от крестьянских обществ, органов городского и земского самоуправления, различных предприятий и

учреждений и т. д. Полагалось, что именно они в качестве инструмента монархической консолидации будут обеспечивать необходимый публичный эффект. Однако достижение последнего нивелировалось широким применением методов административной мобилизации при демонстрации верноподданнических чувств, особенно в ситуациях, когда авторами адресов на имя монарха выступали крестьяне, чрезмерной формализацией и бюрократизацией процедуры их представления и каналов обратной связи адресата и адресантов. Формальный аспект такого рода практик совершенно вытеснял содержание политической коммуникации между монархом и его подданными.

Такого же рода издержки были характерны и для административно-политических практик, связанных с организацией и проведением юбилеев каких-либо значимых исторических событий, интенсивно применявшихся в последнее десятилетие существования монархического строя в России. Проведение юбилейных кампаний, апофеозом которых стало празднование в 1913 г. 300-летия воцарения династии Романовых, было призвано укрепить легитимность института монархии посредством актуализации в исторической памяти народа тех или иных событий в требуемом властям идеологическом обрамлении и трактовке.

Романовские торжества отличались четко выраженным стремлением их устроителей максимально стерилизовать атмосферу проведения празднования, нежели чем добиться укоренения транслируемых властью промонархических нарративов в массовом сознании. Это находило свое отражение и в мелочном контроле за составом губернской делегации, отправляющейся на главные торжества в Санкт-Петербург, за церемониалом праздника и недопущении какой-либо местной самодеятельности в этом вопросе, и в усилении контроля со стороны местных полицейских и жандармских управлений над общественным порядком, настроениями и активностью тех социальных групп, которые считались не вполне лояльными в отношении монархической власти.

Проведение юбилейных торжеств, без сомнения, много способствовало оживлению монархических настроений среди основных социальных групп населения Тамбовской губернии, однако полученный эффект не оказался ни

долгим, ни устойчивым. Акцент в юбилейной кампании был сделан на применение привычных ритуально-религиозных или сугубо внешних, обрядовых форм актуализации монархических чувств, действовавших в большей мере на эмоции, ситуативное восприятие, чем на разум. Продвигаемые властью нарративы в попытке легитимировать настоящее все время отправляли к прошлому, ретроспективе, в то время как образ привлекательного будущего в официальной риторике и механизме проведения торжеств так и не был предъявлен обществу.

Напротив, большую жизнеспособность, результативность и эффективность показали те технологии воздействия на массовое общественно-политическое сознание в духе укрепления его консервативно-монархического сегмента, которые были менее формализованы, предполагали четкое определение целевой аудитории, широкое привлечение общественности к их реализации, предоставляли исполнителям возможность усмотрения при выборе средств и инструментов коммуникации, то есть были лишены недостатков чрезмерной бюрократизации. Здесь хотелось бы выделить введенный по инициативе тамбовского губернатора Н. П. Муратова обычай чествования георгиевских кавалеров. При проведении такого рода мероприятий весьма гармонично сочетались патриотический и промонархический контексты, сам механизм их реализации был максимально приближен к ожиданиям и потребностям, умонастроениям соответствующей социальной группы, не создавал обстановки отчуждения между представителями местной власти и чествуемыми георгиевскими кавалерами. Не будучи специально акцентирована, цель укрепления и распространения промонархических, верноподданнических настроений, тем не менее, вполне достигалась самой атмосферой проведения празднований. Расширяя постепенно целевую аудиторию, инициаторы такого рода практик добивались и масштабирования социально-политического эффекта от их реализации. Не случайно, что такого рода административно-политическая технология, апробированная в Тамбовской губернии, в предвоенный период стала тиражироваться и в иных регионах Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные документы

1. ГАРФ. Ф. 102. (Департамент полиции (Особый отдел)). Оп. 1905. Д. 4 ч. 59; Д. 2000. Ч. 14; Д. 2550 ч. 34 (1); Оп. 1906 (II). Д. 9 ч. 41; Д. 828 ч. 14; Оп. 1907. Д. 48 ч. 9; Д. 108 ч. 51.

2. ГАТО. Ф. 4 (Канцелярия Тамбовского наместника, подчин. Сенату, с 17 декабря 1796 г. Канцелярия Тамбовского губернатора, подчин. Сенату, с 8 сентября 1802 г. подчин. Министерству внутренних дел). Оп. 1. Д. 3651; 5190; 5279; 5333; 5334; 5634; 5667; 5668; 5713; 5714; 5794, 5856; 5862 ч. 2 (т. 2); 5927; 5958; 5964; 5965; 6245; 6294; 6443; 6450; 6470; 6508; 6510; 6699; 6723; 6797; 6904; 7031; 7173; 7068; 7361; 7409; 7414; 7434; 7683; 7684; 7685; 8069; 8070; 8088; 8397; 8398; 8699; 8703; 8792; 9330.

Ф. 17 (Тамбовская городская управа). Оп. 35. Д. 17; Оп. 36. Д. 40.

Ф. 24 (Тамбовская губернская по земским и городским делам присутствие). Оп. 1. Д. 82.

Ф. 25 (Тамбовское губернское по делам об обществах присутствие). Оп. 1. Д. 3; Оп. 1. Д. 19.

Ф. 272. (Тамбовское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 113; 139; 143; 210; 259-270; 312; 313; 314; 315; 316; 317; 318; 319; 329; 321-335; 346; 559-577; 588-621; 874-936; 1075-1122; 1241-1245; 1358-1476; 1555-1573; 1659-1676; 1684; 1754-1759; 1815-1823.

Опубликованные источники

3. Высочайший Манифест 20 октября 1894 г. «О всемилостивейше дарованных милостях и облегчениях по случаю бракосочетания Его Императорского Величества, государя императора Николая Александровича» / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 14. № 11035. СПб., 1898. С. 634-643.

4. Высочайший его императорского величества Манифест по случаю трехсотлетия царствования дома Романовых. Утв. 21 февраля 1913 г. С прил. СПб.: Сенатская типография, 1913. 22 с.

5. Георгиевские праздники в 1908 и 1909 г. в г. Тамбове и Тамбовской губернии. Тамбов: Электро-типография губернского правления, 1909. 31 с.

6. Краткий очерк деятельности тамбовского союза русских людей с 1 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. Харьков: типография журнала «Мирный Труд», 1906. 19 с.

7. Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей с 1 октября 1908 г. по 1 октября 1909 г. (Четвертый год). Харьков: типография журнала «Мирный Труд», 1909. 13 с.

8. Краткий очерк деятельности Тамбовского союза русских людей с 1 октября 1909 г. по 1 октября 1910 г. Харьков: типография журнала «Мирный Труд», 1910. 14 с.

9. Обзор Тамбовской губернии за 1904 год. Тамбов: Тип. Губ. правл., 1906. 101 с.

10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLII. Тамбовская губерния. СПб.: акц. общ. пет. и писчебум дела «Слово», 1904. 156 с.

11. Сборник-календарь Тамбовской губернии за 1903 г. Гл. III. Статистический обзор Тамбовской губернии. Тамбов: Типо-лит. Губ. правл., 1903. 105 с.

12. Труды первого губернского съезда представителей патриотических союзов Тамбовской губернии. 28-30 декабря 1908 года. Тамбов: электро-типография губернского правления, 1909. 123 с.

Опубликованные мемуары

13. Андреевский В. М. Автобиографические воспоминания / Град Кирсанов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/source.php?id=doc.andreevsky.vosp> (дата обращения: 03.03.2025)

14. Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: ОАО «Тамбовская типография «Пролетарский светоч». 2007. 456 с.

15. Вакар С. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М.: Изд-во Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), 2000. 196 с.

Периодическая печать

16. Козловская газета. 1902-1907 (отдельные номера).

17. Русский вестник. 1904-1908 (отдельные номера).

18. Тамбовские губернские ведомости. 1904-1905 (отдельные номера).

19. Тамбовский голос. 1906 (отдельные номера).

20. Тамбовские епархиальные ведомости. 1904-1913 (отдельные номера).

21. Тамбовский край. 1907-1913 (отдельные номера).

22. Церковные ведомости. 1904 (отдельные номера).
 23. Черноземный край. 1906. (отдельные номера).

Произведения современников

24. Александров М. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. СПб.: издательство «Жизнь и знание», 1910. 175 с.
25. Гессен В. Самодержавие и манифест 17 октября // Полярная звезда. 1906. № 9. С. 623-634.
26. Горн В. Общественные силы и их борьба в русской революции. М.: Русское товарищество, 1907. 100 с.
27. Грибовский В. М. Государственное устройство Российской империи (Из лекций по русскому государственному и административному праву). Одесса: Типография «Техник», 1912. 258 с.
28. Данилевский Н. Я. Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы». Московские ведомости. 1881. 20 мая // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1890. С. 220-230.
29. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Н. Страхов, 1895. 629 с.
30. Данилевский И. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Н. Страхов, 1890. 678 с.
31. Зандер А. А. Исторический очерк развития самодержавной верховной власти в России. Вильно: Типо-лит. Р.И. Тасьмана, 1908. 32 с.
32. Захаров Н. А. Система русской государственной власти Юридические исследования. Новочеркасск: электро-тип. Ф. Туникова, 1912. 312 с.

33. Кавелин К. Д. Государство и община. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1288 с.
34. Катков М. Н. О самодержавии и конституции. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1905. 68 с.
35. Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России: 1912 г. СПб.: Тип. «АНТТ-Принт», 2006. 227 с.
36. Кох Г. Очерки по истории политических идей и государственного управления. Т. I. Ч. 1-2. СПб.-М.: Издание С. Скимунта, 1892. 403 с.
37. Ксюнин А. Л. Что такое Государственная дума? Конституционная монархия. Права и обязанности народных представителей. Выборы. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. 39 с.
38. Куплеваский Н. О. Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование Николая II. СПб.: Всерос. нац. клуб, 1912. Вып. 1. Преобразование государственных учреждений. 20 с.
39. Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. СПб.: Типография т-та Общественная польза, 1914. С. 347-477.
40. Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Эксмо, 1993. 576 с.
41. Линский Б. Голос и воля народа в государстве. СПб.: О. С. Иодко, 1906. 32 с.
42. Магазинер Я. М. Самодержавие народа. (Опыт социально-политической конструкции суверенитета). СПб.: Н. Глаголев, 1907. 142 с.
43. Менделеев Д. И. Заветные мысли. М.: Мысль, 1995. 413 с.
44. Нечаев В. Еще несколько слов о самодержавии и манифесте 17 октября // Полярная звезда. 1906. № 11. С. 779-786.
45. Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М.: Республика, 1992. 288 с.
46. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли (Книга первая). Ч. 1. Введение. Очерк развития русских общественных отношений // Плеханов Г. В. Сочинения. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Т. XX. С. 88-121.

47. Победоносцев К. П. Церковь // Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. С. 390-405.
48. Потресов А. Н. Эволюция общественной мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. 1. С. 538-642.
49. Потресов А. И. Этюды о русской интеллигенции. Сб. ст. СПб.: Издательство О. М. Поповой, 1906. 314 с.
50. Родзевич Н. К вопросу о взаимоотношениях между монархическими организациями. Харьков: тип. «Мирн. Труд», 1911. 8 с.
51. Розанов В. В. О подразумеваемом смысле нашей монархии. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. 87 с.
52. Семенов П. П. Самодержавие как государственный строй. СПб. Сенатская типография, 1905. 39 с.
53. Слонимский Л. З. О монархии. СПб.: Полит. энциклопедия, 1907. 89 с.
54. Соловьев В. С. Публичная лекция, читанная профессором Соловьевым в Кредитном обществе // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1. С. 39-42.
55. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: Унив. тип., 1905. 244 с.
56. Тихомиров Л. А. Самодержавие и народное представительство. М.: Унив. тип., 1907. 22 с.
57. Хомяков. Д. А. Самодержавие (Опыт схематического построения этого понятия). М.: Типо-литография т-ва «И. Н. Кушнерев и К°», 1903. 58 с.
58. Черняев Н. И. О русском самодержавии. М.: Унив. тип., 1895. 71 с.
59. Черняев Н. И. Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Харьков: Типография «Южного края», 1901. 373 с.
60. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: типография Товарищества И. Д. Сытина, 1899. 810 с.
61. Чичерин Б. Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Издательство: Гуго Штейниц, 1901. 160 с.

62. Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М.: типо-литографии т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о», 1903. 170 с.
63. Шарапов С. Опять сначала (Размышления перед Третьей Думой). М.: Типо-лит. т-ва И. М. Машистова, 1907 19 с.

Научные монографии

64. Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. 260 с.
65. Андреев В. Д. 1905 г. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. Тамбов: типография «Пролетарский светоч», 1925. 131 с.
66. Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М.: Принципиум, 2013. 295 с.
67. Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1992. 207 с.
68. Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. 221 с.
69. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708-1917. М.: Объед. ред. МВД России, 2003. 479 с.
70. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма (Классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). М.: Наука, 1975. 352 с.
71. Данилов В., Шанин Т. Крестьянская революция в России 1902-1922. Документы и материалы. М.: РОСПЭН, 2003. 944 с.
72. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1914 гг. Л.: Наука, 1978. 246 с.
73. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 442 с.
74. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 664 с.

75. Лаверычев В. Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917 гг.). М.: Мысль, 1972. 342 с.
76. Лебедев С. В. Альтернатива справа. Национально-патриотическое движение в России. Историческая традиция. Идеологические направления и перспективы. СПб.: Нестор, 1999. 360 с.
77. Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907-1914. Пермь: Изд-во Пермского государственного университета, 2001. 211 с.
78. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. I. СПб.: Дм. Буланин, 2003. 548 с.
79. Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905-1917. М.: Захаров, 2005. 478 с.
80. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики. Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.
81. Раев М. Понять дореволюционную Россию: государство и общество в Российской империи. London: Overseas publ. interchange, 1990. 304 с.
82. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 288 с.
83. Степанов С. А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М.: Изд-во ВЗПИ: АО «Росвузнаука», 1992. 329 с.
84. Степанов С. А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-пресс, 2013. 669 с.
85. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 677 с.
86. Туманова А. С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905-1917 годы. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 487 с.
87. Туманова А. С. Общественные организации и русская публика в начале XX в. М.: «Новый хронограф», 2008. 326 с.

88. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
89. Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии (1861-1917). Очерк экономики и культуры пореформенного периода. Тамбов: Типография «Пролетарский светоч», 1928. 100 с.
90. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. 1917-1922 гг. М.: Весь Мир, 1997. 560 с.
91. Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб.: Изд-во РНБ, 1997. 315 с.
92. Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов: Юлис, 2004. 507 с.
93. Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 176 с.
94. Avrich P. Russian rebels, 1600-1800. New York: Schocken books, Cop. 1972. 309 p.
95. Blum J. Lord and peasant in Russia, from the ninth to the nineteenth century. Princeton, N. J.: Princeton univ. press., 1963. 656 p.
96. Field D. Rebels in the Name of the Tsar. Boston: Unwin Hyman, 1989. 220 p.
97. Hobsbawm E. Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement, in the 19th and 20th Centuries. London, Manchester Univ. Press, 1959. 208 p.
98. Hobsbawm E. Peasants in History: Essays in Honour of Daniel Thorner. Oxford University Press, 1981. 334 p.
99. McKenzie Pinther W., Rowney L. Russian officialdom. The bureaucratization of Russian Society from the 17 to the 20 century. Chapel Hill: University of North Carolina press, 1980. 396 с.
100. Moon D. The Russian peasantry 1600-1930: The world the peasants made. L.: Longman, 1999. XII. 396 p.
101. Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. Chicago (il): Univ. of Chicago press, 1956. 162 p.

Научные статьи

102. Алленова В. А. Празднование 300-летия Дома Романовых в Воронеже // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13-17 мая 2013 г.). М.: Издательский центр «Краеведение», 2013. С. 256-265.

103. Алленова В. А. Романовские торжества 1913 года в Воронежской губернии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 5-13.

104. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905-1907 годы // История СССР. 1991. № 2. С. 96-106.

105. Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905-1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19-32.

106. Безгин В. Б. За что и как крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX – начала XX века) // Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-2 (74). С. 24-27.

107. Безгин В. Б. Обыденность войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12). Ч. I. С. 227-231.

108. Безгин В. Б. Погромное движение 1905-1907 гг. и повстанчество 1920-1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: факты и символы. № 3(12). 2017. С. 20-27.

109. Безгин В. Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов. СПб., 2004. Вып. 2. С. 29-34.

110. Бочков Е. А. Деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации торжеств, посвящённых 100-летию Бородинского сражения // Сб. мат-лов Межд. научн. Конф. «Сей день пребудет вечным памятником...» (Бородино 1812–2012). Можайск, 2013. С. 478-498.

111. Броудо А. И. Участие воспитанников Тамбовского Екатерининского института в революции 1905 г. // Вопросы исторического краеведения Тамбовской области: краткие тезисы докладов на 2-ой областной научной конференции (ноябрь, 1982 г.) Уварово: Типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Тамбовского облисполкома, 1982. С. 10-17.

112. Буганов А. В. Отношение к русским царям в народном сознании XIX – начала XX веков // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М.: Московская высш. шк. соц. и экон. наук, 2002. С. 253-260.

113. Вернер Э. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально (По материалам Юрьевского уезда Владимирской губ. во время революции 1905 года) // Менталитет и аграрное развитие России: (XIX-XX вв.): Мат-лы межд. конфе. Москва: 14-15 июня 1994 г. М.: РОССПЭН, 1996. С. 195-208.

114. Воробьева Э. А. Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904-1905 годов // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 9. С. 362-368.

115. Ганелин Р. Ш. Канун «Кровавого воскресенья» // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 31-43.

116. Гладкая Е. А. Русско-японская война в сознании широких слоев населения России в начале XX в. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 3. С. 68-73.

117. Глинский Б. Б. К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации основных законов в 1906 году) // Исторический Вестник. Т. СXXXI. С. 567-601.

118. Двухжилова И. В. Патриотические настроения в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-2 (51). С. 57-60.

119. Дмитриева О. О. Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых на примере г. Чебоксары // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 217-224.

120. Добровольская Л. И., Лукьянчикова А. М. «...И впредь ежегодно сей день празднован будет» (из истории празднования Дня георгиевских кавалеров) // Сим победиши: сб. статей. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2024. С. 271-293.

121. Долбилов М. Д. Аттестация «верноподданнических чувств»: Министерство императорского двора и народные панегирики Дому Романовых в 1860-1890-х года // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 22-37.

122. Долгих Е. В. Городская повседневность рубежа XIX-XX вв.: структура общественного быта // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2010. № 1. С. 49-64.

123. Жукова Л. В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Сборник статей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. Вып. 2. С. 341-357.

124. Ильин С. А. Консервативные общественно-политические объединения Российской империи: образование и легализация (на материалах Тамбовской губернии) // Труды Тамбовского филиала Юридического института МВД России за первое полугодие 2001 года. Тамбов, 2001. Вып. 4. С. 146-158.

125. Ильин С. А. Организационное устройство русских национальных объединений начала XX в. (на материалах Тамбовской губернии) // Труды Тамбовского филиала Московского университета МВД России 2000 г. Вып. 6. Тамбов, 2003. С. 174-179.

126. Ильин С. А. Русские национально-патриотические организации и Манифест 17 октября 1905 г. (на материалах Тамбовской губернии) // Общественно-политическое развитие российской провинции (XIX – XX вв.). Вып. 1. Тамбов, 2001. С. 37-41.

127. Ильин С. А. Создание консервативных общественно-политических организаций в Тамбовской губернии / История Тамбовского края: век XX-й. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. С. 9-16.

128. Ильин С. А., Шарова Н. В. Тамбовский Союз Русских Людей / Черная сотня. Историческая энциклопедия. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 531-534.

129. Ипполитов В. А. Отражение настроений крестьянства в период Первой мировой войны в делах об оскорблении императорской фамилии // Научный диалог. 2025. № 14 (8). С. 504-528. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-8-504-528>

130. Каграманов Ю. М. Черносотенство: прошлое и перспективы // Новый мир. 1999. № 6. С. 151-160.

131. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Общественные собрания в повседневной жизни уральского города во второй половине XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 111-116.

132. Канищев Вл. В., Плужников А. Н. Досуговые и праздничные мероприятия в русской армии на фронтах Первой мировой войны. // Научный диалог. 2024. № 13 (1). С. 415-430. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-415-430>.

133. Карнишин В. Ю. 300-летие дома Романовых: за фасадом официального празднования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 5-10.

134. Кирьянов Ю. И. Крайне правые партии и общество // Политические партии и общество в России. 1914-1917: Сб. ст. и док-в. М.: Библиотека НИИЦ «Мемориал», 1999. С.162-180.

135. Кирьянов И. К. Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX века // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. М.: Мосгорархив, 2001. С. 39-52.

136. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX в. // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 42-47.

137. Леонтьева А. Г. Быт, нравы, поведение семинаристов в начале XX века // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М.: Инст-т Российской истории РАН, 1997. С. 19-25.

138. Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 339-353.

139. Лиманова С. А. Корпус источников о 300-летнем юбилее династии Романовых: источниковедческий анализ // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 94-107.

140. Лиманова С. А. 300-летний юбилей династии Романовых как «аккумулятивный опыт» способов организации имперских торжеств // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды, Москва, 08-09 октября 2019 года. Москва: Институт Российской истории РАН, 2019. С. 226-232.

141. Лисюнин В. Ф. Консервативное православное духовенство как общественно-политическая сила в начале XX века (на материалах Тамбовской епархии) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 172. С. 151-160.

142. Омелянчук И. В. Монархическое (черносотенное) движение в России в 1905–1917 гг. // Ортодоксия. 2021. № 4. С. 84-108. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-4-84-108

143. Плужников А. Н. Бунтарские черты выступлений учащейся молодежи Тамбовской губернии в 1905-1907 гг. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX в. Май 2002. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 411-416.

144. Помогаев В. В., Ильин С. А. Российские политические партии и аграрное движение в Тамбовской губернии // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (втор. пол. XIX – нач. XX в.). Сб. науч. ст. Тамбов, 2002. С. 64-73.

145. Помогаев В. В., Фомина Л. Б. Генезис русского национализма (на материалах Тамбовской губернии) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (втор. пол. XIX – нач. XX вв.). Сб науч. ст. Тамбов, 1996. С. 3-15.

146. Попов В. А. Монархические партии в России в 1905-1907 гг. // Великий Октябрь. Политические партии и СССР. Ч. 2. Владимир: ВГПИ, 1991. С. 25-33.

147. Протасов Л. Г. Аграрно-крестьянский вопрос в программах правомонархических партий России начала XX в. // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вт. пол. XIX – нач. XX в.). Тамбов, 2002. С. 74-82.

148. Протасов Л. Г. «Социальный рельеф» и выборы в I-IV Государственные Думы, Тамбовская губерния // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX в. Май 2002. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. С. 416-426.

149. Протасов Л. Г. Тамбовское крестьянство на выборах в I-IV Государственные Думы // Российское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2004. С. 134-145.

150. Радецкий С. В., Щербинин П. П. Вклад Тамбовской епархии в сбор пожертвований на нужды российской армии в период русско-японской войны 1904-1905 годов // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2014. № 1. С. 170-186.

151. Рыжова А. П. «В общем стремлении к славянскому идеалу»: празднование 300-летия дома Романовых в царстве Польском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2021. № 2. С. 18-33.

152. Рыжова А. П. Народы «не могут не искать счастья у престола Великого Царя Русского»: романовские торжества в Эриванской и Тифлисской губерниях в 1913 г. // Журнал исторических исследований. 2019. № 3. С. 60-66.

153. Рыжова А. П. «Повсюду чувствовался редкий подъем патриотического чувства»: Романовские торжества в Бакинской и Елизаветпольской губерниях в 1913 году // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 174-184.

154. Рыжова А. П. Юбилейные торжества в честь 300-летия династии Романовых в области в области Войска Донского // Новое прошлое / The new past. 2022. № 2. С. 150-166.

155. Самохин К. В. Дела об оскорблении Величества: возможности количественного анализа в контексте теории модернизации // Былые годы. 2025. № 20 (2). С. 802-811.

156. Самохин К. В. Дела об оскорблении Величества как исторический источник: потенциал количественного анализа. На материалах Тамбовской губернии второй половины XIX века // Вестник архивиста. 2026. № 1. С. 27-44. DOI 10.28995/2073-0101-2026-1-27-44.

157. Самохин К. В. Дела об оскорблении Величества как исторический источник в современной отечественной историографии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 1. С. 254-265.

158. Самохин К. В. Методологические особенности модернизационной концепции на примере духовной модернизации российского социума начала XX в. // Вопросы истории. 2022. № 9-1. С. 54-75. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202209Statyi17.

159. Самохин К. В. Убийство Александра II в делах об оскорблении Величества (на материалах Тамбовской губернии) // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 9. С. 480-499.

160. Сафонов Д. А. «Оскорбление Величества» как индикатор общественного сознания провинциального общества конца XIX – начала XX в. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 193-208. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/19_2_2017.html (дата обращения: 04.01.2025).

161. Смирнов Ю.Н. Воцарение Романовых и «романовские» юбилейные даты с точки зрения модернизационного подхода к изучению // Модернизация культуры:

диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Самара, 25-26 мая 2023 года. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2023. С. 11-15.

162. Соловьев Ю. Б. Стратегия самодержавия и состояние политических сил на местах в период выборов в IV Думу // Непролетарские партии России в трех революциях. М.: Наука, 1989. С. 88-94.

163. Степанов С. А. Идеология черносотенных союзов и организаций // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. 12. С. 170-182.

164. Степанов С. А. Численность и состав черносотенных организаций / Политические партии России в период революции 1905-1907 гг.: Количественный анализ. М.: Ин-т истории СССР, 1987. С. 213-231.

165. Степанов С. А. Рабочие и черносотенные организации 1905-1917 гг. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 367-378.

166. Токарев Н. В. Тамбовское крестьянство в избирательной кампании во II Государственную Думу // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Тамбов, 2000. С. 29-31.

167. Томилов С. И. Празднование 300-летия Дома Романовых в Санкт-Петербурге глазами тобольского духовенства (по воспоминаниям протоиерея Димитрия Смирнова) // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4-2 (80). С. 93-97.

168. Туманова А. С. Консерватор во власти: губернатор Н. П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103-113.

169. Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861-1917: Материалы междунар. коллоквиума историков. СПб.: Наука, 1992. С. 67-79.

170. Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3-15.

171. Хефнер Л. «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (на материалах Казани. 1860-1914 гг.) // Очерки городского быта

дореволюционного Поволжья Ульяновск: Издательство «Средневолжского научного центра», 2000. С. 468-556.

172. Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42-51.

173. Цимбаев К. Н. Феномен юбилеемания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108.

174. Шабельникова Е. Н. Участие тамбовского духовенства в идеологических мероприятиях государственного масштаба в начале XX в. // Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов: Юлис, 2004.

175. Шарова Н. В. Съезды русских национальных организаций Тамбовской губернии // Общество и государство в России: традиции, современность, перспективы. Тамбов, 2003. Вып. 1. С. 77-88.

176. Шарова Н. В. Аграрная программа русских национально-патриотических организаций (на материалах Тамбовской губернии) // Российское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 2004. Вып. 1. С. 125-134.

177. Щербинин П. П. Средние слои Тамбова и черносотенцы в годы первой русской революции // Проблемы политической социологии и истории. Тезисы докладов межвуз. научн. конфер. Тамбов, 1992. С. 6-9.

178. Щербинин П. П. Горожане Тамбовской губернии на выборах в I-IV Государственные Думы // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект). Мат-лы научно-практич. конф. Тамбов, 2000. С. 24-39.

179. Hobsbawm E. Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies, 1. October, 1973. P. 3-22.

180. Raeff M. The bureaucratic phenomena of imperial Russia, 1700-1905 // American historic review. 1979. Vol. 84. № 2. P. 399-411.

Диссертационные исследования и авторефераты

181. Абушик В. В. Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905-февраль 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 16 с.

182. Елисеев А. В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX в.: автореф. дис. ...к.и.н. М.,1997. 16 с.

183. Гладкая Е. А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.

184. Ильин С. А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 21 с.

185. Ильин С. А. Становление русских национальных организаций в Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 178 с.

186. Канищев В. В. Деятельность тамбовского губернатора Н. П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит. 1906-1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 322 с.

187. Карабут А. К. Монархические настроения населения России на рубеже XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 175 с.

188. Лобачева Г. Л. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881 – 1917 годы): дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1999. 436 с.

189. Ловцов В. А. Социально-профессиональный облик губернаторского корпуса периода министерства П. А. Столыпина (1906-1911 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2022. 264 с.

190. Медолазов К. Л. Политика самодержавия и монархических организаций в области образования и просвещения (1901–1913 гг.): дис. ...канд. ист. наук. Орел, 1999. 217 с.

191. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901-1914 гг.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Воронеж, 2006. 48 с.
192. Плужников А. Н. Города Тамбовской губернии во время Первой российской революции 1905-1907 гг. (социально-политический аспект): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003. 299 с.
193. Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2002. 173 с.
194. Степанов С. А. Банкротство черносотенных союзов и организаций. 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 24 с.
195. Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902-1922 гг.: по материалам Среднего Поволжья: дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2007. 653 с.
196. Тедорадзе А. С. Русские рукопашные состязания как явление социальной истории аграрного общества. Тамбовская губерния, вторая половина XIX - первая половина XX в.: автореф. дис. ...к.и.н. Тамбов., 2002. 22 с.
197. Фомин И. Е. Тактика монархических организаций Центральной России по защите самодержавной политики царизма (1900-1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 25 с.
198. Шабельникова Е. Н. Реализация на местах государственной политики в отношении церкви и верующих во второй половине XIX – начале XX вв.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. 229 с.
199. Шарова Н. В. Деятельность русских национальных объединений в 1907-1914 гг. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 24 с.
200. Шарова Н. В. Деятельность русских национальных объединений в 1907-1914 гг. (на материалах Тамбовской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. 224 с.

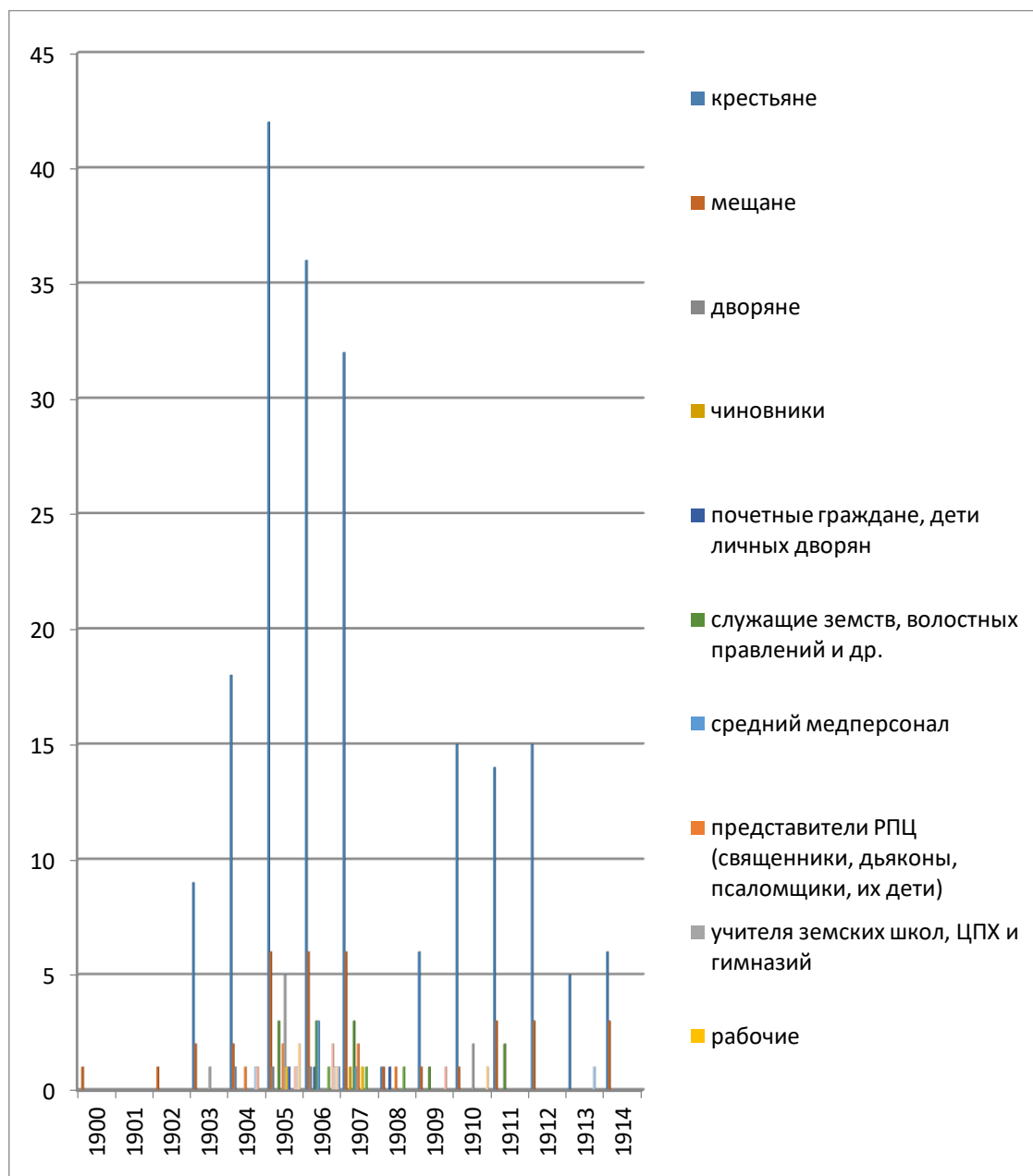
**Оскорбления Его Императорского Величества
и членов императорского Дома
(по данным Тамбовского губернского жандармского управления
за 1900-1914 гг.).**

адресанты	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	ИТОГО
крестьяне				9	18	42	36	32	1	6	15	14	15	5	6	199
мещане	1		1	2	2	6	6	6	1	1	1	3	3		3	34
дворяне					1	1	1									3
чиновники								1								1
почетные граждане, дети личных дворян							1		1							2
служащие земств, волостных правлений и др.						3	3	3		1		2				12
средний медперсонал							3	1								4
представители РПЦ (священники, дьяконы, псаломщики, их дети)					1	2		2	1							6
учителя земских школ, ЦПШ и гимназий				1		5					2					8
рабочие						1		1								2
землевладельцы						1										1
учащиеся средних учебных заведений							1	1	1							3

инородцы					1									1		2
солдаты и запасные					1	1	2			1						5
купцы						1	1									2
частные лица (продавцы, агенты компаний и т.д.)						2	1				1					4
арестанты							1									1
Всего	1	0	1	12	26	65	55	46	5	9	19	19	18	6	9	289

Составлено по: ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 139; 210; 259-270; 312-335; 559-621; 874-936; 1075-1122; 1241-1245; 1358-1366; 1458-1476; 1555-1573; 1659-1676; 1754-1759; 1815-1823.

Диаграмма «Оскорбления Его Императорского Величества и членов Императорского Дома (по данным Тамбовского губернского жандармского управления за 1900-1914 гг.)».

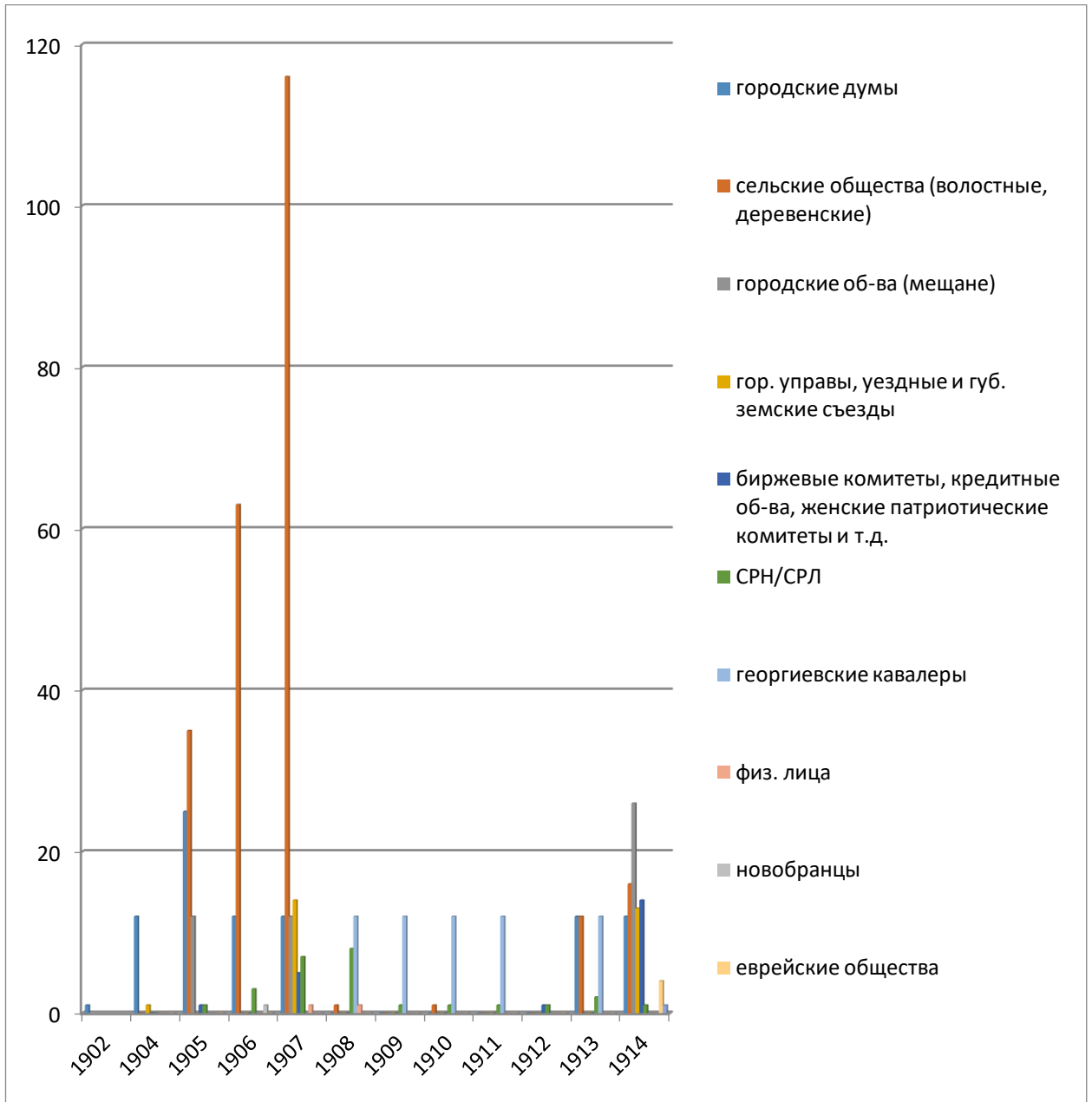
Составлено по: ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 139; 210; 259-270; 312-335; 559-621; 874-936; 1075-1122; 1241-1245; 1358-1366; 1458-1476; 1555-1573; 1659-1676; 1754-1759; 1815-1823.

Адресанты верноподданнических адресов. 1902-1914 гг.

адресанты	1902	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	Итого
городские думы	1	12	25	12	12	0	0	0	0	0	12	12	86
сельские общества (волостные, деревенские)	0	0	35	63	116	1	0	1	0	0	12	16	244
городские общества (мещане)	0	0	12	0	12	0	0	0	0	0	0	26	50
гор. управы, уездные и губ. земские съезды	0	1	0	0	14	0	0	0	0	0	0	13	28
биржевые комитеты, кредитные общества, женские патриотические комитеты и т.д.	0	0	1	0	5	0	0	0	0	1	0	14	21
СРН/СРЛ	0	0	1	3	7	8	1	1	1	1	2	1	26
георгиевские кавалеры	0	0	0	0	0	12	12	12	12	0	12	0	60
физ. лица	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	2
новобранцы	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
еврейские общества	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	4
сектанты	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Всего	1	13	74	79	167	22	13	14	13	2	38	87	523

Составлено по: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; Ф. 4. Оп. 35. Д. 17.

Диаграмма «Адресанты верноподданнических адресов. 1902-1914 гг.

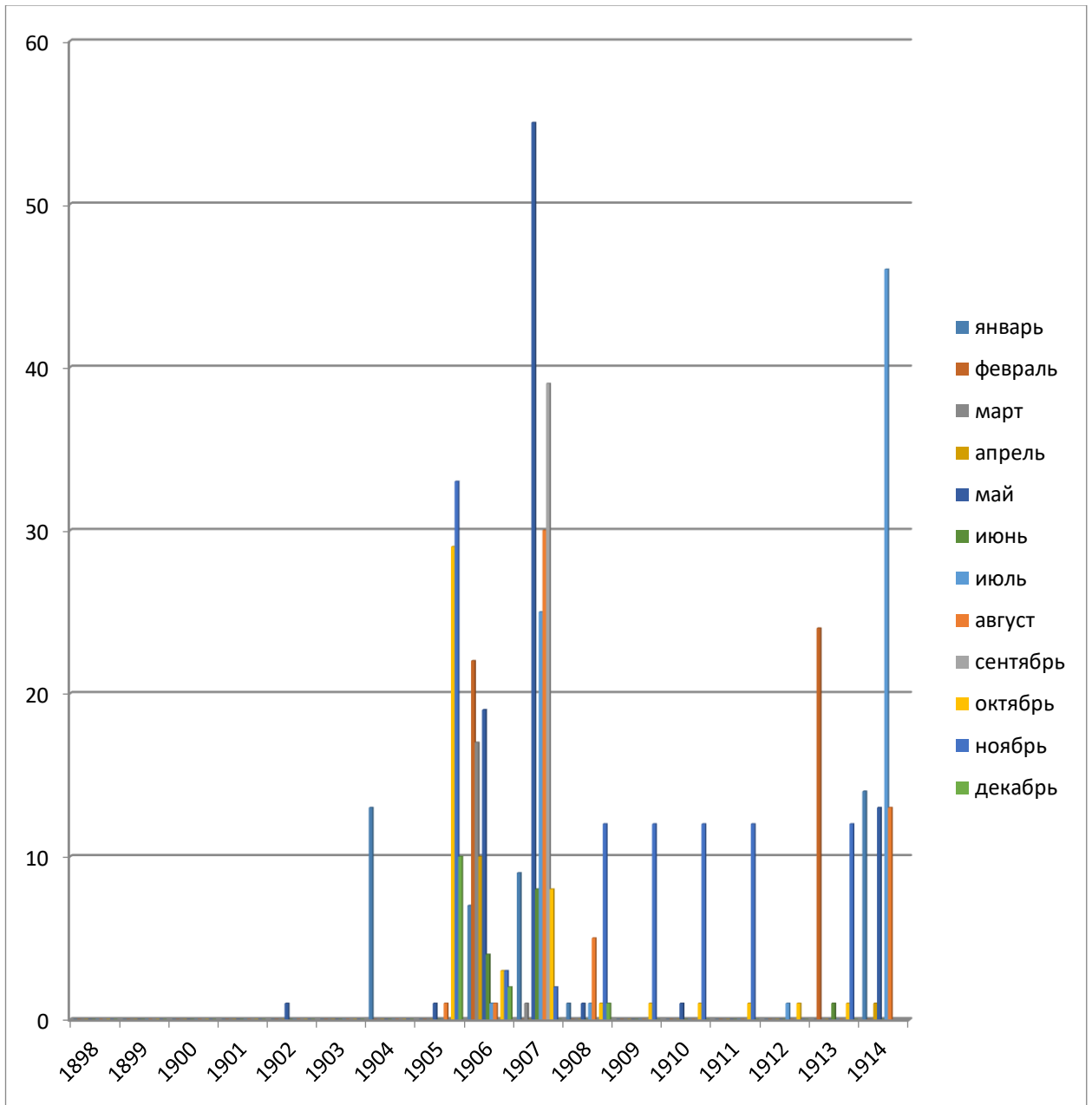
Составлено по: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; Ф. 4. Оп. 35. Д. 17.

Верноподданнические адреса. 1898-1914 гг.

год	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	Итого
1898	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1899	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1900	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1901	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1902	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
1903	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1904	13	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	13
1905	0	0	0	0	1	0	0	1	0	29	33	10	74
1906	7	22	17	10	19	4	1	1	0	3	3	2	143
1907	9	0	1	0	55	8	25	30	39	8	2	0	177
1908	1	0	0	0	1	0	1	5	0	1	12	1	32
1909	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	12	0	13
1910	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	12	0	14
1911	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	12	0	13
1912	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0	2
1913	0	24	0	0	0	1	0	0	0	1	12	0	38
1914	14	0	0	1	13	0	46	13					87
													607

Составлено по: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; Ф. 4. Оп. 35. Д. 17.

Диаграмма «Верноподданнические адреса. 1898-1914 гг.».

Составлено по: ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5279, 5856, 6245, 6470, 6510, 6699, 7068, 7173, 7361, 7409, 7414, 7434, 7683, 7684, 8069, 8070, 8088, 8397, 8398, 8699, 8703, 8792, 9330; Ф. 4. Оп. 35. Д. 17.